

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 29 (1–4), 2021
№ 3

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2021. Т. 29(1–4). № 3

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 04.10.2021. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 314** *Реент Ю. А.* Характер преобразований отечественной пенитенциарной системы с 2010 по 2020 год и тенденции ее развития на последующее десятилетие
- 327** *Антонян Ю. М.* Некоторые принципиальные возможности исправления осужденных
- 336** *Игнатенко В. И., Лебедева А. А.* Антиобщественный образ жизни и проблемы его деформации

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 344** *Белоносов В. О.* Исполнение приговора в уголовно-процессуальном законодательстве России и Франции

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 359** *Маликов Б. З.* Сущность и правовые основы применения принудительных работ
- 366** *Геранин В. В., Мальцева С. Н.* Смертная казнь в России: состояние и перспективы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 378** *Сулейманов Т. А., Фомин В. В.* Преодоление противодействия расследованию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях
- 385** *Хохрин С. А.* Общая характеристика преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы
- 396** *Деренова Н. С.* О систематизации мер противодействия преступлениям, совершаемым больными наркоманией
- 400** *Юсупова А. Н.* О месте материально-бытового обеспечения в исправительном процессе осужденных

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 404** *Ковалев О. Г., Мазеина О. Н.* Коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов как вид аддиктивного поведения
- 409** *Распопин Е. В., Ячменева В. Р.* Изучение способности к переживанию моральных чувств у лиц, совершивших преступление

ПЕРСОНАЛИИ

- 416** *Бодько П. П., Кузнецов М. И.* Юбилей президента Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, выпускника Рязанской высшей школы МВД СССР действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса Николая Никитича Трошкина

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 419** *Reent Yu. A.* The nature of the domestic penitentiary system transformations from 2010 to 2020 and the trends of its development for the next decade
- 422** *Antonyan Yu. M.* Some fundamental possibilities of convicts' correction
- 423** *Ignatenko V. I., Lebedeva A. A.* Antisocial lifestyle and problems of its deformation

ABROAD

- 424** *Belonosov V. O.* Execution of a sentence in the criminal-procedural legislation of Russia and France

TIME LENS

- 426** *Malikov B. Z.* The essence and legal basis of the use of forced labor
- 427** *Geranin V. V., Mal'tseva S. N.* The death penalty in Russia: status and prospects

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 429** *Suleymanov T. A., Fomin V. V.* Overcoming counteraction to the investigation of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions
- 431** *Khokhrin S. A.* General characteristics of criminality among employees of security departments (regime and supervision) of correctional institutions and pre-trial detention centers of the penal system
- 433** *Derenova N. S.* On the systematization of measures to counteract crimes committed by drug addicts
- 434** *Yusupova A. N.* About the place of material and household support in the correctional process of convicts

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 435** *Kovalev O. G., Mazeina O. N.* Corrupt behavior of law enforcement officers as a type of addictive behavior
- 437** *Raspopin E. V., Yachmeneva V. R.* The study of the ability to experience moral feelings among persons who have committed a crime

PERSONALIA

- 439** *Bod'ko P. P., Kuznetsov M. I.* Anniversary President of the Foundation for Assistance to Strengthening Law and Order, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, graduate of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Active State 1st class Advisor of the Russian Federation Nikolay Nikitich Troshkin

УДК 343.8(470)

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.314-326

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,

почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,

профессор кафедры философии и истории,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0001-8378-6106,

e-mail: reent2@yandex.ru

ХАРАКТЕР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ С 2010 ПО 2020 ГОД И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Для цитирования

Реент, Ю. А. Характер преобразований отечественной пенитенциарной системы с 2010 по 2020 год и тенденции ее развития на последующее десятилетие / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 314–326. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.314-326.

Аннотация. В статье подведены краткие итоги выполнения ряда федеральных программ, направленных на реформирование уголовно-исполнительной системы России. Хронологически они охватывают период от 2007 по 2020 год, а отдельные их положения дают оценку дальнейших перспектив. Таким образом, субъектом исследования выступает Федеральная служба исполнения наказаний, а объектом – характер реализации принимаемых планов и концепций ее совершенствования. Исходя из этого методологическую базу исследования составил диалектический метод, позволяющий рассматривать эти процессы в постоянном развитии и взаимосвязи. Опора на методы сравнительно-правового анализа, синтеза в совокупности с принципами историзма, структурно-функционального сравнения позволила раскрыть практическое содержание ряда аспектов, известных ранее в основном только из нормативно-правовых актов. Структура представленной статьи включает в себя четыре условных раздела. Первый из них посвящен оценке выполнения федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)». Второй раздел является базовым и содержит более детальную оценку реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Приведен ряд дискуссионных моментов, выявленных в ходе обсуждения возникавших проблем в обществе и профессиональной среде. Поскольку были достигнуты и очевидные

© Реент Ю. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

успехи, то третий раздел выделен именно для того, чтобы оценить и проанализировать полученные положительные результаты. В апреле 2018 года утверждена федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)», а параллельно разрабатывался проект новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы (на период до 2030 года). Сегодня работа над проектом завершена. Оценка вынесенных для исполнения положений является базой последнего, четвертого, раздела, который определяет наиболее очевидные векторы стратегического развития уголовно-исполнительной системы на десятилетие вперед. В статье автор анализирует некоторые из приоритетных направлений, исходя из их актуальности, степени научной разработанности и практической новизны.

Ключевые слова: история государственного управления в России, концепции развития уголовно-исполнительной системы, места лишения свободы, уголовные наказания, пенитенциарные реформы XXI века.

Прежде чем перейти к оценке деятельности отечественной пенитенциарной системы во втором десятилетии XX в., хотелось бы подвести краткий итог выполнения федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 7 июня 2006 г. № 839-р. За счет предусмотренных средств федерального бюджета удалось осуществить 325 крупных мероприятий по строительству и реконструкции следственных изоляторов и исправительных учреждений. Этого оказалось достаточно для выполнения большей части запланированных позиций. В частности, количество следственных изоляторов (СИЗО), в которых подследственные содержатся в соответствии с условиями, установленными законодательством Российской Федерации (от общего количества следственных изоляторов), планировалось довести до 70,5 %, удалось 72,2 %. СИЗО, в которых подследственные содержатся согласно международным стандартам, по плану должны были составить 6 %, но уровень реализации составил только 3,3 %. Наконец, количество исправительных учреждений, в которых осужденные содержатся в соответствии с условиями, установленными законодательством Российской Федерации, на 2009 г. составляло 43,3 % от всех действовавших, на 2016 г. планировалось 61 %, а удалось 63,7 % [8], и это безусловный плюс.

Бюджетные назначения по направлению «капитальные вложения» в разные годы были неоднородны. Если в 2007 г. они составили 2 951 млрд руб., то в 2015 г. достигли максимального своего значения – 13 609 млрд руб. После завершения программы в 2017 г. ФСИН России было выделено только 1 563 млрд руб.¹ В то же время следует отметить, что бюджетные назначения по направлениям «научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы» (НИОКР) и «прочие нужды» в этот период практически не проводились, а это минус. Впрочем, большую тревогу вызывало то, что численность подозреваемых и обвиняемых в отдельные периоды превышала лимит наполнения СИЗО от 23 до 56 %. На январь 2017 г. в следственных изоляторах России не доставало до нормы более 13,5 тыс. мест. Тем не менее этой базы было достаточно для разработки и реализации новой Концепции федеральной целевой программы «Развитие

¹ Динамика финансирования приведена из федерального бюджета федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)».

уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы), которая утверждена распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р. Среди ее наиболее актуальных задач можно назвать:

– сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества;

– гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и осужденных; повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами. (Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2016 г. № 2808-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2 (Ч. II). Ст. 413.)

В отличие от СИЗО в исправительных колониях наблюдалась обратная тенденция: многие из них были заполнены лишь частично. С целью приведения лимитов наполнения исправительных учреждений в соответствии с имеющейся жилой площадью только в 2016 г. их число снизилось в колониях строгого и общего режимов на 12,5 тыс. и 10 тыс. мест соответственно. Предприятия учреждений ФСИН России обладали 146 тыс. рабочих мест, на которых было задействовано около 200 тыс. осужденных, установлено порядка 120 тыс. станков и крупных технологических приспособлений. Однако в учреждениях ФСИН России не удалось обеспечить занятостью более 290 тыс. осужденных. Высокий уровень неработающих осужденных усложнял их дальнейшую социализацию после освобождения из мест лишения свободы. И все же главной задачей намеченных преобразований можно назвать обеспечение гарантированных законодательством России и международными стандартами условий содержания осужденных, соблюдение их прав, свобод и законных интересов. Параллельно с этим требовалось выполнять задачи, сформулированные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Срок ее действия завершился, что дает нам основания сопоставить намеченные в ней цели и степень их достижения.

Указанная реформа системы исполнения наказаний шла непросто. Звучали даже высказывания о ее приостановке из-за большого количества обращений и жалоб от «обитателей» мест лишения свободы в правозащитные организации. Однако вопреки всем препонам работа по ее реализации не останавливалась. Другой вопрос: а все ли правильно делалось? К сожалению, в любом большом деле ошибки и издержки неизбежны, и об этом неоднократно высказывались специалисты [9, 12, 13, 17].

В частности, профессор В. И. Селиверстов полагает, что «попытки реализации Концепции принесли больше неудач, чем успехов» [15, с. 189]. Проведенный анализ поступивших критических высказываний позже позволил осуществить ряд важных изменений. Например, они затронули планы по поэтапному переходу от системы колоний к преимущественному содержанию осужденных в тюрьмах, для чего «необходимо было к 2016 г. открыть 246 тюрем общего режима, в том числе 58 тюрем для женщин, 161 тюрьму усиленного режима и 21 тюрьму особого режима, всего 428 тюрем, отвечающих по условиям содержания осужденных международным европейским стандартам» [15, с. 189]. Полагаем, что изначально этот проект экономически не был достаточно обоснован. По этой причине запланированные требования пришлось смягчить до расплывчатого

«создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях» (О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 сент. 2015 г. № 1877-р).

Утвержденный ранее текст Концепции был дополнен новым разделом «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей». Это позволило активизировать применение такого критерия оценки деятельности колоний и СИЗО, как их соответствие нормативным документам, регулирующим соблюдение прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Кроме того, разработана и введена в практику *система учета пенитенциарного рецидива после освобождения из мест лишения свободы*. Можно назвать еще целый ряд дополнений, которые позитивно влияют на повседневную жизнь исправительных учреждений. Мнения специалистов о Концепции не всегда и не во всем совпадают, но практически все единодушны в одном: необходимость коренных преобразований пенитенциарной системы не вызывала сомнений. Речь идет о заинтересованности в усовершенствованиях УИС как сотрудников пенитенциарных учреждений, работников правоохранительной сферы в целом, так и тех, кто в местах лишения свободы оказался по постановлению судебных органов.

Напомним, что в рамках реформы предполагалось закрыть около 40 исправительных учреждений. Основную часть колоний хотели преобразовать в тюрьмы, где «будут организованы условия для того, чтобы осужденные занимались спортом, физкультурой, могли совершать прогулки, работать и учиться. Так что лучше: в одном помещении собрать сто человек или все-таки четверых?» [1]. Ответ очевиден, но есть нюансы.

Ослабить проблему можно, например, шире используя новый вид уголовного наказания – *принудительные работы*, включенные в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Появилась и возможность отбывания наказания в виде *исправительных работ по основному месту работы* осужденного. Увеличено максимальное количество времени наказания в виде *обязательных работ* с 240 до 480 часов. Введена *отсрочка отбывания наказания* осужденным, признанным в установленном порядке больными наркоманией с *направлением на принудительное лечение*, и другие меры.

Принудительные работы продолжительное время рассматривались как недостающий элемент системы наказаний. Кроме основного предназначения, включающего в себя известные правоограничения, они пополнились дополнительными. Стало обязательным предварительное назначение лишения свободы с последующей заменой его принудительными работами. Вероятно, тем самым «законодатель рассчитывал достигнуть большего эффекта в психологическом воздействии на преступника. Во-вторых, установив обязательные удержания из заработной платы осужденного (подчеркнем – дополнительные к ежемесячным удержаниям на покрытие оказываемых коммунально-бытовых услуг), законодатель показал стремление сделать принудительные работы не только альтернативным лишению свободы, но и самокупаемым наказанием» [4, с. 14]. Однако именно эти нововведенные позиции, по мнению многих ученых и практиков, «препятствуют росту применения данного наказания». Являясь реальной альтернативой лишению свободы, принудительные работы максимально приближены к этой форме уголовного наказания. Однако дополнительные удержания из заработка лиц, осужденных к принудительным работам, ставят их в худшее положение по сравнению

с осужденными, содержащимися в колониях, особенно в колониях-поселениях. Предполагаемый объем денежных поступлений от принудительных работ на счета территориальных органов ФСИН России «этих надежд не оправдал, и прежде всего в связи с невысоким уровнем заработной платы осужденных» [4, с. 15, 22].

Обратимся к традиционным учреждениям, исполняющим наказания в виде лишения свободы. Как отмечалось в центральной прессе, «тюремное ведомство начало решать судьбу колоний: каждая зона получит индивидуальный план, что с ней будет «в будущей жизни». На месте существующих зон должно появиться 400 тюрем различного режима и 200 колоний-поселений... Региональные управления Федеральной службы исполнения наказаний уже примерно определились на месте, какую колонию предстоит превратить в тюрьму, а из какой выйдет неплохое арестантское поселение» [7, с. 6]. И все же на вопрос: «Что делать с обычными колониями?» – так и не прозвучало исчерпывающего ответа. Произвести их реновацию, разумеется, возможно, но технически проще снести все бараки, а на их месте возвести современные здания. Заметим, это не просто дорого, это безумно дорого. При этом следовало бы более трезво оценивать финансовые возможности казны. Недаром на подобные запросы представители высших органов власти нередко заявляли кратко и исчерпывающе: «Денег нет».

Тем не менее у руководства ФСИН России первоначально была уверенность, что все проблемы, связанные с реализацией Концепции, вполне разрешимы. Действительно, многие колонии для пожизненно осужденных, по сути – те же тюрьмы, также строились на базе обычных зон. Немало зданий, переоборудованных в соответствии с новыми требованиями, уже действовали внутри колоний. «Пожизненные» зоны надежно отгорожены от остальных. В общем, опыт есть, хотя это не совсем то, к чему стремились инициаторы реформы. Даже простым сотрудникам и осужденным небезосновательно казалось, что без огромных денежных вливаний заявленная реформа неизбежно забуксует. И это действительно представлялось самым слабым звеном Концепции.

По данному поводу министр юстиции России К. А. Чуйченко отметил, что не все ее положения удалось реализовать. «Это надо честно и откровенно признать. Я бы даже сказал, далеко не все. Программа по большей части была нацелена на латание дыр в системе. Инфраструктура очень старая, изношенность основных фондов системы ФСИН сегодня составляет более 70 %» [5]. Высокопоставленный чиновник выразил уверенность в крайней необходимости создания новой, прогрессивной инфраструктуры, современных условий «для исполнения наказаний, в первую очередь связанных с лишением свободы. И все же нельзя так оценивать ситуацию, будто вся работа по реализации Концепции состояла только из неудач. Даже на первых этапах реформирования УИС ощущались позитивные результаты преобразований» [12].

Проблемы в реформировании отечественной УИС, по мнению главного редактора «Российского тюремного журнала» А. Бабушкина, во многом возникают из-за того, что «в тюрьму попадают те, кто принесли зло своим ближним и своим дальним, носители недобрых начал нашей жизни. И их в тюрьме во много раз больше, чем жертв следственных злоупотреблений и судебных ошибок. Работа в тюрьме есть соприкосновение со злом, олицетворенным в конкретном человеке и в его уголовном деле... Если мы хотим иметь в нашей стране тюрьму, адекватную общественным ожиданиям, то действовать надо, опираясь, по меньшей мере, на три принципа:

а) наказание должно быть направлено на изменение культуры и ценностной ориентации человека за колючей проволокой; те, кто смогли измениться, должны иметь реальный доступ к обретению свободы;

б) при исполнении наказания нельзя забывать об интересах потерпевших от преступлений и пенитенциарных сотрудников;

в) любой эксперимент, вносящий изменение в деятельность УИС, должен осуществляться под девизом „Не навреди!“.

Трудно с этим не согласиться. Отдельного разговора заслуживает тема, связанная с состоянием медицинского обслуживания в местах лишения свободы. Нередко причинами наступления вреда здоровью и смерти были отсутствие современного лечебно-диагностического оборудования в тюремных медсанчастях и ненадлежащий осмотр врачами вновь прибывших «сидельцев». Правда, согласиться с таким выводом можно только отчасти, поскольку зафиксированное количество смертей среди подопечных мест заключения ниже «естественной убыли» на воле такого же контингента. Не стоит забывать, что подавляющее большинство из них скончалось от туберкулеза, СПИДа, сифилиса и болезней, связанных с употреблением наркотиков. Кстати, вследствие пандемии 2020 г. от коронавируса в УИС умерли 15 сотрудников из 10 304 заболевших и только 1 осужденный из 2303 инфицированных [19], что ниже средних показателей по стране.

Тем не менее проблема осталась, и для ее решения принимаются меры. Так, в порядке эксперимента независимые от местного «тюремного» руководства медотряды появились в УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по Тверской области. Начальник медико-санитарной части № 69 ФСИН России (Тверь) полковник внутренней службы И. Дмитрук рассказал, что эта финансово обособленная структура включила в себя 17 филиалов, в том числе: военно-врачебную комиссию, центр санитарно-эпидемиологического надзора, центр медицинской и социальной реабилитации для сотрудников, ветеранов и членов их семей, медчасть по сопровождению этаплируемых больных, 2 больницы и 2 здравпункта. В филиалах работают 112 врачей и 240 человек среднего и младшего медицинского персонала. В результате эксперимента число жалоб на медобслуживание заметно снизилось.

В целях решения проблемы утвержден законопроект «О внесении изменений в статью 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», который обязывает проведение медицинского осмотра осужденных и выдачу медицинского заключения при водворении в штрафные (дисциплинарные) помещения. Другим Законом, принятым по инициативе ФСИН России 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 УПК РФ и статью 24 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“», закреплена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Представляет интерес и большая группа подзаконных актов, регулирующих работу медицинских подразделений УИС. К ним можно отнести: приказ Минздрава России от 26 октября 2017 г. № 869н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения»; приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» и др.

В ходе реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года получены существенные положительные результаты. Так, снизилась численность осужденных в местах лишения свободы, сняты многие излишние ограничения в порядке исполнения наказаний, значительно улучшились условия содержания, стали формироваться новые отношения между персоналом и осужденными. При ежегодном подведении итогов деятельности органов и учреждений УИС за оби-

лием цифр и фактов было трудно увидеть и тем более оценить масштаб проделанной работы, лишь сравнение стартовых условий и современного положения дел наглядно показывает количественные и качественные изменения.

Правоохранительная система России сумела переломить опасные тенденции, связанные с назначением наказаний, основанных на изоляции от общества. Лишение свободы – это очень затратная для государства мера. Однако еще важнее то, что чем больше людей проходит через «тюремные застенки», тем глубже внедряется в общественное сознание тюремная субкультура, что уже само по себе опасно. Вспомним, что в 2010 г. в местах лишения свободы ФСИН России находилось примерно 864 тыс. осужденных. По состоянию на конец 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы их осталось почти в два раза меньше. В целом произошедшие изменения можно наблюдать по материалам таблицы.

Таблица

Изменения характеристик УИС России за 10 лет (с 2010 по 2020 год)*

Параметры	2010 г. (начало года)	2020 г. (конец года)
Количество осужденных и подозреваемых в местах лишения свободы, тыс. чел.	864	486
Количество исправительных колоний	755	681
Количество осужденных в исправительных колониях, тыс. чел.	724	381,6
Количество СИЗО; ПФРСИ	226; 164	209; 91
Количество лиц, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ, тыс. чел.	131	104,1
Количество воспитательных колоний	62	18
Количество осужденных в воспитательных колониях, тыс. чел.	5,9	0,9
Количество тюрем	7	8
Количество осужденных в тюрьмах, тыс. чел.	2,8	1,2
Количество, тыс. чел.: осужденных на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; подозреваемых	534; –	460,5; 7,8
Количество исправительных центров	–	21
Количество осужденных в исправительных центрах, тыс. чел.	–	5,9

Примечание. Таблица составлена по материалам официального сайта ФСИН России по состоянию на 1 января 2010 г. и 20 декабря 2020 г. соответственно.

Перемены разительные. И все же статистика числа лишенных свободы даже на 2020 г. представляется избыточной. В силу этого особое внимание уделяется проблемам, связанным с расширением альтернативных видов наказания. Напомним, что по программе Совета Европы в ряде регионов с 2007 г. применяют так называемые *электронные браслеты*. Средства удаленного контроля позволяют в значительной степени разгрузить колонии-поселения и следственные изоляторы. Надзором призвана заниматься 81 *уголовно-исполнительная инспекция* с 1 348 филиалами. В апреле 2021 г. на учете у них состояли около 460 тыс. осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, приблизительно 8 тыс. подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении

преступлений, находившихся под домашним арестом. Нельзя не отметить как полезное нововведение учреждение 21 *исправительного центра* и 84 *изолированных участков, функционирующих как исправительные центры*, в которых состояло на учете около 6 тыс. осужденных к *принудительным работам*. В исправительном центре предоставляют спальное место с постельными принадлежностями. Одежду и питание осужденные должны приобретать сами. Место работы – в колониях и на промышленных предприятиях региона. Из их зарплаты удерживается от 5 до 20 % в пользу государства. В связи с этим отдельного рассмотрения заслуживает проблема трудовой занятости осужденных.

Федеральной целевой программой «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» поставлена задача в расчетный период подготовить в учреждениях ФСИН России дополнительно 16 750 рабочих мест, что позволило бы трудоустроить 31 700 осужденных. С целью финансовой поддержки для реализации этих планов предусмотрено выделить 2,243 млрд руб. Все это позволит если не решить, то заметно ослабить остроту проблемы эффективного трудового использования лиц, отбывающих уголовные наказания. Подчеркнем, что нередко ее относят к числу «стратегических в системе государственной политики в сфере исполнения наказаний» [11, с. 32–33].

С 2018 г. проводился очередной эксперимент в семи исправительных колониях, где осуществлено *раздельное содержание впервые осужденных и ранее отбывавших наказания* в виде лишения свободы. Это позволило разместить больше осужденных в регионе их проживания, а также сократить расходы на этапирование в другие регионы. Однако гуманизация исполнения наказаний имеет и негативные последствия. Так, в местах лишения свободы более 80 % осужденных отбывают наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления. Примерно половина из них имеют две и более судимости. Резко возросла концентрация осужденных, характеризующихся повышенной агрессивностью, психическими отклонениями, склонных к конфликтам, членовредительству, суициду, нападениям на сотрудников или осужденных. На этом фоне повышается активность криминальных лидеров, организующих противоправные действия осужденных.

Отмечается, что резко возросло число нарушений, связанных с использованием осужденными средств связи. Так, в СИЗО и колониях в 2019 г. изъято 54,7 тыс. мобильных телефонов, а за первое полугодие 2020 г. – 22 тыс. [3]. В Рязанской области один из осужденных, отбывающий наказание в исправительной колонии, используя телефон сотовой связи, путем обмана и злоупотребления доверием завладел денежными средствами граждан в размере около 30 млн руб. В московском СИЗО-1 («Матросская тишина») выявлен целый подпольный колл-центр, где процветали мошеннические действия в отношении граждан, находящихся вне пределов следственного изолятора. У одних обманым путем снимали деньги с электронных карт, у других вымогали денежные средства посредством угроз и запугивания. По подсчетам экспертов, оборот вымогательств со стороны осужденных у своих же сокамерников внутри учреждений УИС составляет не меньше 5 млрд руб. в год [16]. В силу этого необходимо учитывать направления и тенденции роста криминальной напряженности в пенитенциарной системе. Следует отметить, что ФСИН России продолжает активное взаимодействие с коллегами из других стран и международными организациями. Обновленные пенитенциарные стандарты, принятые Комитетом министров Совета Европы, предоставляют возможность осужденным в РФ обращаться с жалобами и исками в Страсбургский суд, что предполагает выплату компенсаций за нарушения судебных процедур или исполнения наказаний. За 2019 г. проведено 92 мероприятия международного характера, сотрудничество велось с профильными службами 28 государств. В рамках взаимодействия

разработана Конвенция участников Содружества Независимых Государств (СНГ) о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Исполнение данной договоренности будет способствовать более скорому и эффективному возвращению осужденных к нормальной жизни в обществе.

Тем не менее анализ современных международных отношений позволяет сделать вывод о том, что пока еще отсутствуют необходимые условия для полной имплементации положений международных документов в национальное уголовно-исполнительное законодательство. Если ранее международные договоры, принятые к исполнению в Российской Федерации, согласно нормам международного права имели верховенство над национальным законодательством, то в настоящее время их правовое поле уточняется. Благодаря внесенным в 2015 г. поправкам к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», этому органу предоставлено право налагать запрет на исполнение решений международных судов, в том числе ЕСПЧ, в случае их несоответствия положениям Конституции РФ [10, с. 376].

В целом же очевидно, что ФСИН России все больше внимания уделяет улучшению условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах лишения свободы. В апреле 2018 г. утверждена *федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)»*. В рамках ее реализации предусмотрено строительство и реконструкция 366 объектов, а также выделение более 2 млрд руб. на развитие производственного сектора УИС. Устойчивым направлением развития является применение наказаний, альтернативных лишению свободы. Их доля составляет уже более 70 % от общего количества судебных решений по уголовным делам. Параллельно с федеральной программой утверждены 102 ведомственные программы капитального ремонта почти тысячи объектов. Только за 2018–2019 гг. было принято 28 федеральных законов, 5 указов Президента Российской Федерации, 33 постановления и 13 распоряжений Правительства Российской Федерации, затрагивающих деятельность УИС.

В настоящее время важнейшим документом является новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Ее материалы представляют собой итог стратегического планирования на десятилетие вперед. К числу приоритетных направлений, наряду с общим совершенствованием деятельности учреждений и органов УИС, отнесено укрепление материально-технической базы, улучшение условий труда и содержания осужденных. В документе значительно больше, чем прежде, уделено внимания проблеме внедрения административных механизмов пробации. Ну и, конечно же, на первом этапе важнейшей задачей становится закрепление положительных результатов последних лет, во многом достигнутых благодаря либерализации уголовной политики, взаимодействию ФСИН России с правоохранительными ведомствами и органами власти.

В опубликованных материалах, характеризующих итоговые показатели при реализации предыдущей Концепции, отмечается: «В связи с применением таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, значительно уменьшилось. По состоянию на 1 января 2021 г. их число составляло 104,2 тыс. человек, что на 27,2 тыс. человек меньше, чем за аналогичный период 2010 г. (на 1 января 2010 г. – 131,4 тыс. человек). Снизилось также в 6 раз количество осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, в том числе

за счет проводимой с ними профилактической работы». В определяющей мере это стало возможно благодаря перемещению акцентов в пенитенциарной практике с лишения свободы на реализацию альтернативных наказаний. Результатом этого стало перемещение Российской Федерации с 22-го места по количеству заключенных на 100 тыс. населения на 26-е. Эта тенденция продолжает усиливаться.

Имеет смысл, хотя бы в общих чертах, сопоставить положения Концепции, завершившей свое действие в 2020 г., и вновь принятой. Это позволит осознать формирующиеся закономерности и тенденции в сфере реформирования российской пенитенциарной системы. Отметим, что обсуждаемый с 2018 г. проект новой концепции существенно отличается от окончательного варианта. С точки зрения структуры первоначальные отличия были невелики. Оба документа состояли из шести разделов, которые включали в себя 13 подразделов в старой Концепции и 15 – в проекте новой. В окончательной версии Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года содержит уже 23 раздела.

К числу дополнений отнесены материалы, связанные с медицинским и научно-техническим обеспечением; созданием к 2024 г. пенитенциарных учреждений объединенного типа; реализацией цифровой трансформации учета и управления; созданием системы пробации; перемещением старых учреждений УИС за пределы городов и рядом других направлений. На наш взгляд, представляется чрезвычайно важным «установление норматива штатной численности персонала УИС по отношению к подозреваемым, обвиняемым и осужденным, а также к лицам, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, из расчета 1:3» (разд. XVIII Концепции). Все это должно происходить на фоне продолжающегося существенного сокращения численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В итоге уже к 2024 г. предложено ликвидировать около 10 % существующих колоний и СИЗО (разд. VI Концепции). С этой целью к 2030 г. предполагается предоставить возможность всем осужденным, имеющим право по решению суда заменить лишение свободы на принудительные работы, продолжить отбывание наказаний не в колониях, а в исправительных центрах.

Немаловажны и иные различия первоначального проекта и принятой Концепции. В первом документе при оценке возможных источников финансирования запланированных программ отмечалось, что в перспективе будет узаконено привлечение средств из различных проектов *государственно-частного партнерства*, а также социально ориентированных некоммерческих организаций. В окончательном варианте все ресурсы по-прежнему будут черпаться из *федерального бюджета*.

Некоторые обозреватели выделяли в проекте Концепции-2030 предложенное разделение *условно-досрочного освобождения* на такие самостоятельные формы как: а) досрочное освобождение лиц, доказавших свое исправление, б) *условное освобождение* лиц, дальнейшее отбывание наказания которых возможно без лишения свободы. Не менее важным оценивалось «положение о разработке критериев определения степени исправления осужденных и их оценочных показателей» [17, с. 82], иных поощрительных мер уголовно-исполнительного права. В итоговом варианте можно предположить, что напрямую это затронет только женщин: беременных или имеющих ребенка в возрасте до 3 лет, содержащегося при колонии. Полагаем, что работа над этим направлением в ближайшие годы активизируется.

Помимо вошедших положений, в проект Концепции-2030 предлагалось включить вопросы, уточняющие особенности содержания в учреждениях УИС лиц, отнесенных к категориям транссексуалов, трансгендеров, транссвеститов, вопрос о возможности

условно-досрочного освобождения лиц, осужденных к пожизненному заключению, и ряд иных, не вполне еще решенных проблем. В принятом документе об этом упоминается в самом общем виде как «создание условий раздельного содержания отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (разд. XVII Концепции).

Изначально планировалось реализовать положения Концепции в три этапа. Разработчики проекта приняли за основу эволюционное развитие на базе конкретных направлений, целей и задач, но с учетом возможных корректировок, зависящих от складывающейся социально-экономической обстановки. В частности, *первый этап* мог длиться с 2020 по 2022 год. Он предполагал: разработку и утверждение плана мероприятий по реализации Концепции; разработку и корректировку федеральных целевых программ по основным направлениям реализации Концепции; пересмотр системы критериев и оценки деятельности уголовно-исполнительной системы.

Второй этап (ориентировочно 2022–2025 гг.) нацеливался: на реализацию положений Концепции по направлениям деятельности и во исполнение утвержденного плана; анализ проведенной работы и при необходимости корректировку мероприятий, предусмотренных Концепцией и планом ее реализации. *Третий этап* (ориентировочно 2025–2030 гг.) связывали с реализацией скорректированных положений Концепции по направлениям деятельности и во исполнение утвержденного плана; подведением итогов реализации Концепции и подготовкой проекта новой Концепции (пункт 2 Комплексного плана научного обеспечения деятельности ФСИН России на 2018 год).

Утвержденная Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года закрепила только два хронологических периода в ее реализации. Теперь *первый этап* будет охватывать период с 2021 по 2024 год. Как и предполагалось, основу его составит разработка нормативных правовых актов, направленных на реализацию поставленных целей и задач, а также корректировка связанных с этим федеральных целевых программ. Из позиций, на которые ранее не делали особого упора, следует назвать работу по развитию электронного взаимодействия с другими государственными органами и создание службы пробации. *Второй этап* (2025–2030 гг.) нацелен на совершенствование мер администрирования уголовно-исполнительной системы. Параллельно с этим предполагается внесение уточнений в ход реализации планов. Особое внимание предполагается уделить своевременному подведению промежуточных итогов, на основе чего планируется подготовить проект очередного документа, определяющего основные направления дальнейшего развития отечественной пенитенциарной системы.

Работа над совершенствованием законодательства в данном направлении, несомненно, будет активно продолжаться, тем более что, по мнению ряда правоведов, в УИК РФ не включена такая цель, как «восстановление социальной справедливости», несмотря на то что цели (или задачи) уголовно-исполнительного законодательства должны структурно включать в себя и цели уголовного наказания» [2, с. 20]. В связи с этим нередко высказывается мысль о необходимости более широкой оценки содержания целей уголовно-исполнительного законодательства, поскольку они «определяются двумя отраслями права: уголовным и уголовно-исполнительным» [21, с. 124].

Подводя итоги, важно отметить, что значимость проводимых преобразований в пенитенциарной системе должны ощутить прежде всего те, для кого рассматриваемые реформы предназначены. Без этого никакие благие намерения не воплотятся в жизнь.

Представляются справедливыми мнения, высказанные рядом исследователей, которые убеждены, что разработанная Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года позволяет достаточно ясно понять не только цели намеченных преобразований, но и пути их достижения.

Библиографический список

1. «А» и «Б» сидели... // Российская газета. 2010. 25 авг.
2. Ветошкин С. А. Проблемы определения целей и задач российского уголовно-исполнительного законодательства и иных юридических отраслей // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 4. С. 18–29.
3. Генпрокуратура: ситуация в колониях улучшилась, но число нарушений еще велико // ТАСС.RU. URL : https://tass.ru/interviews/10392269?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 14.01.2021).
4. Геранин В. В. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4), № 1. С. 10–26.
5. Год будет непростой. Интервью К. А. Чуйченко // Russia Today. 2020. 23 дек. URL : <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu> (дата обращения: 10.01.2021).
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // ФСИН России : официальный сайт. URL : <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 03.01.2021).
7. Куликов В. Зону приговорили. Тюремное ведомство утвердило план ликвидации существующей лагерной системы // Российская газета. 2010. 9 марта.
8. Основные результаты реализации федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» // ФСИН России : официальный сайт. URL : <https://fsin.gov.ru/activity/fcp/FCP%20Razvitie%20UIS%202007-2016> (дата обращения: 21.04.2021).
9. Посмаков П. Н. Сепарация системы наказаний // Независимая газета. 2013. 5 марта.
10. Реент Ю. А. К проблеме международного контроля за обеспечением прав осужденных к лишению свободы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1–4), № 3. С. 371–378.
11. Родионов А. В. Стратегия развития уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12 (1–4). № 1. С. 31–33.
12. Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 окт. 2011 г.) : в 2 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. Т. 2. Ч. 1. 308 с. URL : <http://apu.fsin.su> (дата обращения: 10.03.2012).
13. Селиверстов В. И. Тюрьмы не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт.
14. Селиверстов В. И. Тюремные фантомы // Независимая газета. 2012. 4 дек.
15. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex russica. 2016. № 9(118). С. 188–204.
16. Трифонова Е. Оборот незаконных коррупционных схем в системе ФСИН достигает 5 миллиардов рублей в год // Независимая газета. 2020. 17 дек. URL : https://www.ng.ru/politics/2020-12-17/1_8043_prison.html (дата обращения: 10.01.2021).

17. Усеев Р. З. Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнения с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2020. № 2(38). С. 77–86.

18. Уткин В. А. Куда сядем // Независимая газета. 2012. 4 дек.

19. «Хочу, чтобы ФСИН не рассматривали как карательный орган»: Александр Калашников о работе тюремного ведомства // Russia Today. 2020. 1 дек. URL : <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo> (дата обращения: 10.01.2021).

20. Чернышов И. Н. Анализ недоиспользования труда осужденных в различных видах исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1–4), № 4. С. 594–606.

21. Чорный В. Н. Соотношение целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (5–6 окт. 2016 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 123–125.

УДК 159.9:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.327-335

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник, ВНИИ МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: antonyaa@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Для цитирования

Антонян, Ю. М. Некоторые принципиальные возможности исправления осужденных / Ю. М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 327–335. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.327-335.

Аннотация. Исправление осужденных принадлежит к числу самых актуальных проблем пенитенциарной теории и практики. Статья посвящена еще малоизученному и весьма ограниченно применяемому способу исправительного воздействия на осужденных – психотерапии (психокоррекции). Цель исследования заключается в том, чтобы показать возможности психотерапии (психокоррекции) в борьбе с рецидивом преступлений путем воздействия на те субъективные причины и механизмы, которые уже привели к преступлению. Показаны объекты во внутреннем мире человека, которые стимулировали преступное поведение. Их разъяснение осужденному необходимо для того, чтобы он понимал причины своих действий и мог управлять ими. Дано определение мотивов, предложены способы их выявления и воздействия на них в условиях исправительного учреждения. Предпринята попытка доказать, что без воспитательно-психологического воздействия на мотивы совершенного преступления исправление преступника невозможно. Психотерапевтическое (психокоррекционное) воздействие на осужденных должно стать практикой всей исправительной системы.

Ключевые слова: осужденный, исправительное учреждение, психотерапия (психокоррекция), мотивы поведения, сознание, индивидуальное бессознательное, коллективное бессознательное.

Давно стало прописной истиной утверждение о том, что воздействовать на человека можно лишь тогда, когда хорошо знаешь его как личность, его жизнь и поступки. Все это полностью относится к осужденному в исправительном учреждении, однако с тем весьма существенным уточнением, что необходимо быть осведомленным о причине (причинах)

© Антонян Ю. М., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

совершенного им преступления. Об этом узнают из материалов личного дела, личного знакомства с преступником, из той информации, которую получает психолог колонии. Однако во всем этом объеме личностных данных недостаточно сведений о том, в силу чего было совершено преступление. Обычно бытуют поверхностные суждения вроде того, что убил потому, что был пьян, украл, потому что нуждался или был жаден до денег, и т. д. Этого явно недостаточно для исправительной работы, которая должна быть сосредоточена на мотиве преступного поведения.

Мотив следует понимать как стимул, причину поведения, а мотивацию – как процесс возникновения, развития, коррекцию мотива (мотивов). Мотив – это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется. Это не цель, не задача, которые ставит перед собой человек, это – смысл поведения. Мотивировка – это попытка рационального объяснения мотива, нередко не имеющая ничего общего с подлинными мотивами. Ее можно рассматривать и как манифестируемый личностный смысл. Цель – представление о результатах деятельности (поведения), но не сам результат, а только представление о результате. Цель, ее постановка входят в мотивацию как процесс, но цель не является мотивом, хотя и тесно взаимодействует с ним. Однако сама цель, ее выбор и постановка, равно как и способы ее достижения, тоже могут иметь свои мотивы.

Мотивы порождаются потребностями человека, которые находят свое выражение именно в мотивах. Могут быть генеральные мотивы, которые подчиняют себе остальные, в других случаях можно говорить о полимотивированности, мотивы обладают способностью изменяться и корректироваться в течение жизни человека. Если не связывать мотивы со всей жизнью индивида, то можно прийти к абсурдному выводу о том, что любой мотив возникает мгновенно под воздействием актуальной ситуации, то есть мотивы не имеют личностных корней.

У конкретного человека может существовать главный, генеральный мотив, как уже отмечалось, и наряду с ним – дополнительные, второстепенные мотивы. Именно первый определяет поступки и функционирует долгое время, иногда всю жизнь, подчиняя себе дополнительные. Например, главным может быть мотив самоутверждения, который во многом определяет способы собственной реализации, следовательно, мощно регулирует поведение и образ жизни. У других людей может быть несколько мотивов, достаточно равнозначных.

Можно отметить два уровня мотивации: рациональный, внешний, и глубинный, смысловой. Второй в наибольшей степени определяет поведение вообще и преступное поведение в частности. Так, похищение чужого имущества внешне может мотивироваться корыстью, желанием человека обеспечить себе материальный достаток, а на глубинном уровне – снизить психотравмирующую тревожность по поводу того, что необеспеченному, нуждающемуся субъекту отовсюду грозят опасности. Следовательно, вполне возможно переплетение мотивов разного уровня.

Развести рациональный и смысловой уровни мотивации бывает очень трудно, особенно в случаях совершения преступлений сложного характера, плохо поддающихся объяснению. Однако, только поняв глубинный смысл подобных преступлений, можно успешно сформулировать следственные версии и найти виновных, успешно исправлять осужденных. К сожалению, практические работники правоохранительных органов редко владеют необходимыми для этого знаниями.

Например, бывает трудно понять, почему некоторые преступники совершают изверские действия в отношении детей. Обычно пытаются объяснить это тем, что у них какие-то психические расстройства, к тому же иногда связанные с сексуальной сферой.

Однако расстройства такого рода могут быть и у людей, которые детей очень любят и никогда пальцем их не тронут. Следовательно, возникает вопрос: почему именно этот человек совершил подобные действия? Чаще всего выясняется, что преступники сами в детстве были жертвами жестокого обращения. Внутренний смысл их действий заключался в том, чтобы уничтожить эти психотравмирующие воспоминания из собственного детства, и эти поступки носят характер самоубийства, но лишь на психологическом уровне. Этот невоспоминаемый клубок детских травм внезапно актуализируется обычно в состоянии опьянения, снимается внутренний контроль над поведением [1–5].

Некоторые преступления поражают своей бессмысленностью, не укладываясь в привычные рамки представления о мотивах и механизмах преступного поведения. Преступления иногда совершаются по незначительному на первый взгляд поводу, неадекватным мотивам. Сюда могут быть отнесены ситуации гнева и ярости, вызванные, казалось бы, ничтожными обстоятельствами. В этих случаях характерны разрушительные действия со стороны лиц с нарушениями психической деятельности. Еще одну группу преступлений по непонятным мотивам составляют так называемые замещающие действия. Их суть состоит в том, что если первоначальная цель становится недостижимой, то лицо стремится заменить ее другой – достижимой. Благодаря замещающим действиям происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения. Например, человек, оскорбленный своим начальником, может выместить свою злобу на членах своей семьи.

Подобные факты встречаются в основном при совершении насильственных преступлений. Как правило, эти преступления направлены против определенных лиц. В отдельных случаях применение насилия (и в этом проявляются элементы «бессознательного» в волевом поведении) перемещается на другое лицо или объект, а не на то, поведение которого явилось непосредственным поводом для совершения преступления. Это создает иллюзию отсутствия какой-либо психологической причины в действиях преступника, представление неадекватности его поведения.

Замещение действия, а точнее, смещение в объекте действия может происходить разными путями. Во-первых, путем генерализации поведения, когда насильственные побуждения обращаются не только против лица, которое вызвало недовольство преступника, но и против других лиц, близко связанных с ним (родственников, знакомых и др.). В этих случаях правонарушитель, поссорившись с одним человеком, переносит свои враждебные чувства на друзей и близких этого человека. Во-вторых, посредством так называемых смежных ассоциаций. Например, школьник, недовольный учителем, рвет учебники по его предмету. Третий путь развития замещающих действий состоит в том, что они направляются против лица или неодушевленного предмета, которые первыми «попались под руку». В этих случаях реализация замещающего действия связана в основном с незащищенностью объекта нападения, а также с заботой нападающего о своей безнаказанности. Четвертым видом замещающих действий выступает «автоагрессия», то есть перенос насилия на самого себя.

Психика человека состоит не только из сознания, но и из бессознательного – индивидуального и коллективного, которые мало контролируются человеком и его сознанием, о них он может даже и не подозревать. Индивидуальное бессознательное представляет собой вытесненные из сознания и невоспоминаемые впечатления детства и ранней юности в силу их травматичности, порочности или ненужности для человека, а также инстинкты и автоматизмы. Они могут сохраняться у личности всю жизнь и никогда и никак не проявляться, но способны вдруг пробудиться и толкать человека на поступки, которые даже он не в силах понять и объяснить.

Можно привести множество примеров, показывающих значимость такого бессознательного в преступном поведении. Так, человек, совершающий карманную кражу, кроме желания незаконно приобрести чужие деньги может быть движим стремлением испытать острые ощущения, связанные с опасностью быть пойманным, то есть вступить в игру с судьбой. Пьяный муж, убивающий своих жену и ребенка, может тем самым на психологическом уровне (!) уничтожить самого себя, когда он был еще маленьким, и отец избивал его; поэтому такое убийство можно рассматривать и как самоубийство, но на упомянутом уровне.

Ранее речь велась только об индивидуальном бессознательном, которое первым открыл как цельное явление, его природу и значимость в человеческой жизни З. Фрейд, назвав свою теорию психоаналитической [6]. Однако кроме индивидуального бессознательного имеется коллективное бессознательное, открытое и тщательно исследованное К. Г. Юнгом [7]. Коллективное бессознательное включает в себя в форме архетипов образы людей, мистических персонажей, действий. «Архе» означает «первый» – тип, образ, передающийся из поколения в поколение путем научения и воспитания. Например, это образ вождя, начальника, раба, матери, отца, архетипов множество. Встреча человека хотя бы с одним из них способна определить его дальнейшее поведение. Архетип способен вызвать самые различные чувства и эмоции, отношения и установки. Теория К. Г. Юнга получила в науке название аналитической психологии.

С архетипами мы сталкиваемся каждый день. Так, чужой человек – это тоже архетип, он может быть хорошим, но иногда его воспринимают как непонятного или не нашего, даже таящего угрозу. Чужим может быть некий пришелец, человек из другой страны или племени, поэтому нужно быть готовым к защите от него, в том числе с помощью агрессии. Чужими являются, например, фанаты другого футбольного клуба, поэтому они «нам», истинным знатокам футбола, враги и их следует вразумить, в том числе силой. Для религиозных чужими и даже врагами являются все те, которые исповедуют другую религию, безусловно, неправильную и вредную. Их тоже можно и нужно преследовать и уничтожать.

Весьма популярным является архетип злодея. В Средние века ими были все те, которые «предавали» христианство, или неправильно верили, или были связаны с нечистыми силами. Ими, конечно, были захватчики Родины, «просто» разбойники и убийцы. Этот архетип в науке криминологии получил название личности преступника. В местах лишения свободы злодеев достаточно много: это и те, которые осуждены за особо опасные преступления, и те, которые стремятся выгладеть как злодеи для получения каких-либо выгод, в первую очередь материальных, утверждения собственного престижа и т. д.

В сфере бессознательного находятся инстинкты и автоматизмы, но следует помнить, что в психике человека главным является сознание, которое способно удержать в надлежащих рамках все виды бессознательного, исключить или минимизировать их влияние на мотивацию преступного поведения. Мы столь обстоятельно останавливаемся на всех компонентах психики и психологии человека в связи с тем, что в исправительной работе с осужденными необходимо их всесторонне учитывать. Это могут сделать специально подготовленные психологи и даже, собственно, все, кто проходил сложное обучение понимания мотивов человеческого поведения.

Таким образом, изучение мотивов совершенного преступления является неременным условием исправления осужденного. Действует примерно тот же принцип, что и в медицине: больного нельзя вылечить, не зная, чем он болен и почему он заболел. Чтобы ответить на вопрос, почему осужденный совершил преступление, прежде всего

необходимо тщательно изучить все материалы на него (личное дело, справки), побеседовать, если это возможно, с его родственниками и знакомыми, с ним самим, причем неоднократно, в полной мере используя все то, что было предварительно получено о личности данного человека.

Беседа является одним из основных способов познания человека, его особенностей как личности, жизненного пути и планов на будущее. Если она проводится в медицинских целях, ее называют клинической беседой, поскольку в ходе ее проведения можно выяснить и медицинские, в том числе психиатрические, вопросы. Беседа – чрезвычайно ответственное мероприятие, поскольку она позволяет понять человека, его жизнь и судьбу, причины поведения, в том числе преступного, определить дальнейшие шаги в общении с ним, наметить средства воспитательного воздействия и их реализовать. Чтобы последние были эффективными, необходимо, как минимум, знать о мотивах:

- преступного поведения;
- поведения в период отбывания наказания;
- возможного поведения после освобождения.

Необходимость знания во всех трех группах мотивов вызвана тем, что у человека разные субъективные побудительные причины вести себя так или иначе в разных жизненных ситуациях. Осужденный, например, за совершение экономического преступления в исправительной колонии может быть поставлен в сложное положение, когда ему придется защищаться от отрицательно настроенных преступников, если они станут что-то вымогать у него. Мотивы его поведения могут быть не такими, как при совершении преступления, за которое он был осужден.

Осужденный, успешно адаптированный в исправительном учреждении, после освобождения может столкнуться с проблемами, решение которых потребует включения мотиваций, не имеющих ничего общего с теми, которые обусловили совершение им преступления или поведения в колонии. Из этого можно сделать немаловажный вывод о том, что поведение человека полимотивировано. Полимотивация означает, что, во-первых, бессознательная мотивация может переплетаться с вполне осознанной; во-вторых, осознанные и неосознанные (бессознательные) мотивации могут взаимодействовать друг с другом; в-третьих, в разных жизненных ситуациях начинают функционировать разные мотивы, которые соответствуют именно этим ситуациям. При всем этом все мотивы будут соответствовать природе этого человека и между ними возможно обнаружение чего-то общего. Это общее не случайно, оно детерминировано природой, воспитанием, прожитой жизнью.

Вскрыть истинные мотивы очень сложно, если сам осужденный о них может ничего не знать или лишь смутно догадываться. Может оказаться, что он вообще замкнут и не желает ничего рассказывать о себе и своей жизни. О мотивах редко говорится в приговоре, и, как правило, о них ничего не сказано в соответствующей статье (статьях) Уголовного кодекса Российской Федерации. Иногда о них есть указания в актах комплексных судебных экспертиз, чаще – в комплексных судебно-психиатрических и психологических актах. Главное – не приписать осужденному мотивы его поведения, в первую очередь преступного, а извлечь их из него, что особенно трудно, если мотивы носят бессознательный характер. Мотивы – совсем не то, что лежит на поверхности, и не цель совершенных человеком поступков, а их смысл, часто глубинный. Знать мотив означает возможность изменить поведение преступника, и эту возможность следует использовать в полной мере. Мотив – это смысл поведения. Выявить мотивы означает знание и, главное, понимание человека вообще, причины его поступков, это возможность прогнозировать его поведение.

Таким образом, оказывается, что беседа является важнейшим инструментом в работе с осужденными, особенно при совершении ими сложных, запутанных преступлений, совершенных с непонятной целью и неясным мотивом. Необходимо научиться умению вести беседу: порядок постановки вопросов, настойчивость при выяснении тех, которые покажутся наиболее важными, использование необходимых тестов, проявление настойчивости или, напротив, необходимого тактичного отступления; ссылки на положительные примеры исправления других преступников, на авторитет некоторых родственников и знакомых, необходимость оказания помощи родственникам и друзьям и т. д.

Беседа – это не просто разговор, а длительное общение, в ходе которого нужно завоевать полное доверие осужденного, поэтому к ней следует тщательно готовиться. Подготовка предполагает:

- предварительное вдумчивое изучение, как отмечалось, всех материалов, содержащихся в личном деле осужденного, особенно приговора, актов всех психологических и психиатрических экспертиз, иных материалов о преступнике и совершенном им преступлении. Если понадобится повторное изучение данных материалов, то это необходимо сделать;

- предварительное знакомство с самим осужденным, его поведением в отряде, в быту, на производстве, со сведениями о нем, которые могут представить сотрудники оперативной и других служб исправительного учреждения (ИУ), и, наконец, с имеющимися сведениями у других осужденных, которые подчас знают интересующее лицо лучше, чем сотрудники. Этот этап включает в себя и внешнее наблюдение;

- беседы с сотрудниками психологической и медицинской служб (психиатрами) ИУ для получения от них соответствующих сведений о конкретном осужденном или группах таких лиц, об их личности и отношениях внутри групп;

- использование в беседе всех отрывочных разговоров и обменов репликами в ходе повседневного общения с интересующим лицом, которые не носили характер беседы, но могут оказаться полезными в процессе ее проведения;

- использование всех данных, которые поступают в ИУ извне, даже если это какие-то слухи или сплетни, на первый взгляд не достойные внимания;

- анализ всех сведений, которые будут сообщены теми, кто придет на свидание к осужденному или каким-то способом свяжется с ним. Скорее всего, это будет добровольное сотрудничество (особенно если иметь в виду родителей осужденных молодого возраста).

То, что говорит сам осужденный о мотивах совершенного им деяния, ни в коем случае нельзя игнорировать, но и не следует считать это подлинным стимулом поведения. Скорее всего, это будет мотивировка с явными или скрытыми попытками оправдаться, причем сам человек может искренне верить им же сказанному. Мотивировки способны быть весьма информативными, их нужно оценить для того, чтобы понять, почему появились именно они, а не другие, не скрываются ли за ними подлинные субъективные причины.

Саму беседу нужно строить так, чтобы осужденный чувствовал заинтересованность сотрудника в его судьбе, жизни, желание помочь ему, в частности, разобраться в том, почему и по чьей «вине» он стал таким. Это особенно важно, потому что искреннее участие всегда производит впечатление на человека, отбывающего наказание. Вот почему сама беседа не может (в большинстве случаев) носить задушевный характер и тем более не способна сравниться с исповедью, но должна быть доверительной. Это зависит от многих факторов: от времени и места ее проведения, тона и последователь-

ности вопросов, ответов на них осужденных, которые, скорее всего, будут задавать и сами преступники, от конфиденциальности беседы, от того, к какому типу преступников относится осужденный, и т. д. Для изучения личности и дальнейшей работы с ней используются различные приемы, например, с человеком «некрофильского» типа – одни, совсем другие – с представителями «непредумышленного» типа.

Первое, что должен знать сотрудник ИУ (начальник отряда, психолог и др.) об осужденном, – что за человек перед ним, какую жизнь он прожил, каковы его основные жизненные ценности, идеалы, к чему стремится, за что именно был осужден. Беседа ни в коем случае не должна носить назидательный, а тем более обличительный характер. Осужденный и без беседы знает, что убивать нельзя ни в коем случае, в том числе себя самого, но ему нужно это доказать. Иными словами, осужденного нужно не изобличать, а объяснять ему то, что с ним произошло и, главное, почему он это сделал. Если осужденный будет уверен в том, что все сказанное им о себе не будет использовано ему во вред, то он будет доверять сотруднику. Беседу следует начинать с выяснения общих вопросов о самочувствии, состоянии здоровья, отношении к нему других осужденных; выслушать жалобы и пообещать их рассмотреть, если это возможно в условиях ИУ; выяснить, остались ли у него какие-либо связи на свободе, с кем он поддерживает отношения. Большое внимание нужно уделить детству и воспитанию в детстве, отношениям к нему матери и отца, других родственников, особенно старших братьев и сестер, бабушек. Часто бывает так, что бабушка остается самым светлым образом на всю жизнь. Уже это может послужить сигналом о том, что в его семье могли быть проблемы, не всегда, естественно, негативные. Необходимо самым тщательным образом выяснить, как человек учился в школе, как относился к учебе и товарищам по учебе, хотел ли дальше ее продолжить. Очень важно знать, были ли и какие связи у осужденного в неформальных группах, особенно антиобщественной ориентации, и насколько они влияли на учебу и отношения в семье. Практика показывает, что чем крепче связи в антиобщественных малых группах, тем хуже подросток учится.

Вся послешкольная жизнь также должна быть объектом пристального внимания. Это и связи с девушками и женщинами, отношения с товарищами по работе и друзьями, в своей собственной семье: отношения с женой (в самой деликатной форме – сексуальные), и особенно отношение к детям. Важно знать о служебных перемещениях, смене места (мест) работы, целях и причинах переезда (переездов) в другой город (населенный пункт).

Если осужденный уже был судим, следует выяснить, за что, к какому наказанию был приговорен, какие умения, навыки, привычки приобрел в местах лишения свободы, как это отразилось на всей последующей жизни: насколько она изменилась и в чем именно, а может быть, ничего существенного не произошло. Необходимо установить мотивы наиболее значимых шагов в жизни данного человека, что даст возможность получить общую картину мотивации личности и облегчит понимание мотивов самого преступного поведения.

Все это возможно только в рамках беседы, особенно если необходимо понять движущие причины сложного убийства, что довольно трудно. Это бывает даже в случае убийства мужем жены, а тем более еще и детей. Так, сотрудники исправительных учреждений обычно не придают значения такому важному факту, что дети воспринимаются виновным как продолжение (психологическое) их матери, поэтому, чтобы нанести ей наибольший ущерб, лишают жизни ее детей.

Достаточно сложны для понимания мотивации так называемые безмотивные преступления. Обычно они совершаются на основе глубинных мотивов, выявить которые

могут лишь специально подготовленные сотрудники. Нередко такого рода преступления, например убийства, совершают некрофильские личности. Они убивают потому, что хотят убивать. Это очень опасные люди, своего рода охотники, только «дичь» у них особенная. Излишне добавлять, что такого типа личности представляют собой повышенную опасность. Их трудно понять, так же трудно объяснить им, почему они это сделали.

В особо сложных случаях беседу должен проводить психолог, который обязан владеть методикой и тактикой беседы. Оттачивать свое мастерство можно от беседы до беседы, но при этом, если нужно, консультируясь с другими психологами.

В беседах с глазу на глаз у осужденного появляется доверие к администрации, чем она должна особо дорожить и укреплять его. Полученная информация о человеке и мотивах совершенного им преступления должна послужить основой для осуществления воспитательной работы. Однако нужно отметить, что такая работа уже имеет место при проведении самой беседы, если она проходит успешно и между беседующими установлены доверительные отношения. Осужденному нужно объяснить, почему он это сделал, для того, чтобы он понимал самого себя и смог бы управлять своим поведением.

Успешность бесед с осужденным будет во многом зависеть от того, будут ли они сопровождаться оказанием реальной помощи осужденному: прежде всего советом, словом, поддержкой в решении проблем за пределами исправительной колонии и внутри ее.

Подведем итоги.

Обращение к психологии дает возможность выяснить ряд вопросов первостепенной важности:

1) почему и ради чего совершаются те преступления, мотивы которых неясны или неочевидны;

2) почему данный человек в конкретной ситуации совершил именно эти преступные действия, а не какие-либо иные (то есть изучение личности помогает обнаружить генезис мотивов уголовно наказуемого поведения);

3) каково влияние бессознательного на формирование сознательных мотивов преступного поведения;

4) какова роль автоматизмов или (и) других аналогичных элементов психики в совершении неосторожных преступлений.

Решение всех этих проблем имеет огромное значение для индивидуальной работы с осужденными. В процессе работы очень важно учитывать типологизацию преступников. Типы могут быть выделены по различным социальным и психологическим признакам. Одним из самых важных из них является степень общественной опасности. По этому признаку можно выделить следующие категории:

– особо опасные – те, кто убивает ради убийства: серийные сексуальные убийцы, киллеры, многократно (не менее трех раз) судимые, террористы;

– опасные, в том числе совершившие убийство в конфликтной ситуации, из ревности, а также экономические преступления;

– лица со средней степенью опасности – хулиганы, воры, грабители, экономические преступники, причинившие меньший ущерб по сравнению с теми, кто был упомянут в предыдущей группе;

– лица с наименьшей степенью общественной опасности, в том числе мелкие воры, виновные в нанесении телесных повреждений, неосторожные преступники.

Эффективность всей психокоррекционной работы (бесед, в частности) зависит от многих личностных факторов осужденного, а не только от того, какой степени тяжести преступление им совершено. Успех или провал определяется полом, возрастом, об-

разованностью, профессией, семейным положением, количеством лет, проведенных в местах лишения свободы, приверженностью морали преступного мира, а также профессиональным мастерством сотрудника. Легко себе представить, что особенно сложно реализовать психотерапевтические усилия в отношении осужденных-рецидивистов старших возрастов, много лет проведенных в исправительных учреждениях.

Следует особо остановиться на криминологической роли психических аномалий, под которыми понимаются все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня и не исключают вменяемость, но влекущие за собой личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. Такие аномалии затрудняют социальную адаптацию индивида и снижают его способность отдавать отчет себе в своих действиях, руководить ими. У лиц с психическими аномалиями преобладают нормальные психические явления и процессы, а потому они сохраняют в основном свои социальные связи, в подавляющем большинстве случаев трудоспособны, дееспособны и вменяемы. К числу психических аномалий следует отнести расстройства личности (психопатии), олигофрении в легкой степени, остаточные явления травм черепа, органические поражения центральной нервной системы, алкоголизм, наркоманию.

Ни в коем случае нельзя говорить осужденному о наличии у человека, у него в частности, бессознательной сферы, об участии бессознательных мотивов в его преступном поведении. Он может воспринять это как собственную невиновность, поскольку не осознавал, что совершает, а это способно породить жалобы в судебные органы о необоснованном осуждении.

Библиографический список

1. Бартол К. Психология криминального поведения. 7-е изд. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 352 с.
2. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ, 1990. 283 с.
3. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М. : Юрид. лит., 1978. 191 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999. 479 с.
5. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 1986. 391 с.
6. Фрейд З. Психология бессознательного : сб. произведений. М. : Просвещение, 1989. 447 с.
7. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 297 с.

УДК 343.9

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.336-343

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ИГНАТЕНКО,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kioppapu@mail.ru;

АННА АЛЕКСЕЕВНА ЛЕБЕДЕВА,
заведующий педагогической практикой,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.lebedeva@365.rsu.edu.ru

АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ДЕФОРМАЦИИ

Для цитирования

Игнатенко, В. И. Антиобщественный образ жизни и проблемы его деформации / В. И. Игнатенко, А. А. Лебедева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 336–343. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.336-343.

Аннотация. Совсем немного времени прошло с тех пор, когда писать о каком-либо образе жизни, а тем более антиобщественном было запрещено. В советский период существовал единственный, «самый процветающий и благополучный» социалистический образ жизни, и вся социальная политика была направлена на его восхваление. Реальный же образ жизни оставался неизученным. В силу этого образ жизни оказался малоизвестной категорией. Тем не менее следует отметить, что образ жизни – это одна из важнейших категорий, которая определяет многие жизненные процессы. Так, образ жизни населения свидетельствует о степени благополучия страны, можно сказать, это – визитная карточка государства, характеризующая уровень развития его производительных сил и производственных отношений. В то же время образ жизни – это довольно сложная и неустойчивая категория, которая при изменении условий жизнедеятельности может изменяться, деформироваться в такую субстанцию, какая произвела такой образ жизни. В позитивной субстанции, в роли которой выступают условия жизни, образ жизни обычно имеет положительный характер, в негативной – его характер будет отрицательным. В последнем случае образ жизни получает негативную направленность и становится антиобщественным образом жизни. Следует подчеркнуть, что в статье речь идет о категории, которой нет в отечественной криминологии, но которая давно используется в учебниках по криминологии зарубежных стран (США, Германия, Финляндия и другие государства).

© Игнатенко В. И., Лебедева А. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: образ жизни, антиобщественный образ жизни, поведение, деформация, духовная сфера.

Образ жизни – это понятие социологии, он представляет собой целостную структуру, «сотканную» из элементов материальной и духовной жизни общества [1, с. 193]. Образ жизни позволяет глубоко и всесторонне характеризовать поведение, интересы, потребности, ценностные ориентации человека, его устремления и жизненные цели. Все указанные элементы входят в структуру образа жизни, составляющую его основу. Однако в силу различных обстоятельств благополучный образ жизни может изменяться (деформироваться) и превращаться в неблагополучный – антиобщественный образ жизни.

Известно, что образ жизни человека определяется условиями жизнедеятельности, в которых он существует. В свою очередь, его поведение зависит от образа жизни. Отсюда следует, что какие бы меры ни принимались для изменения негативного поведения правонарушителя, успех не будет достигнут до тех пор, пока не будут изменены условия его жизнедеятельности. Именно условия окружающей среды деформируют образ жизни. Таким образом, вследствие негативного воздействия среды в благополучном образе жизни появляется другой – неблагополучный, антиобщественный образ жизни. Нужно сказать, что эти два образа жизни существуют как сообщающиеся сосуды, содержание которых зависит от особенностей окружающей среды.

Российские криминологи имеют дело лишь с антиобщественным поведением, в состав которого входит преступление как негативное деяние и преступность как антиобщественное явление. Однако такой узкий диапазон интересов криминологии искажает реальность бытия. Почему-то понятия «образ жизни», «антиобщественный образ жизни» в криминологии отсутствуют, что затрудняет выявление реальных причин преступного поведения и организацию профилактической деятельности. Опыт свидетельствует о том, что стойкий эффект в преодолении негативных явлений дает не борьба, а замена этих негативных деяний позитивными интересами, доставляющими человеку удовольствие. У несовершеннолетних большой интерес проявляется к спорту, творчеству, самодетельности, туризму, автоделу и т. д.

Следует отметить, что антиобщественный образ жизни человека – это часть общепринятого образа жизни, которая под влиянием негативных факторов среды получает определенную деформацию, и человек вынужден вести антиобщественный образ жизни, совершать преступления. Антиобщественный образ жизни имеет три части: а) сферы образа жизни; б) содержание образа жизни; в) структура образа жизни.

А. Деформированные сферы образа жизни – это общепринятые сферы жизнедеятельности, типичные для исторически конкретных взаимоотношений, фиксирующих особенности общения, поведения и склада мышления людей в трудовой, семейно-бытовой, досуговой и других сферах. Деформация в них произошла в результате негативных влияний условий среды.

Б. Деформированное содержание образа жизни – это выражение содержания в двух аспектах (объективном и субъективном). С позиций объективного рассматриваются деформированные способы совместной деятельности, общественная связь людей, определяющая характер их общения и поведения; с позиций субъективного аспекта содержание – это негативные цели общения, интересы и мотивы деятельности, ценностные ориентации. Все это изменение происходит в негативных условиях среды.

В. Деформированная структура образа жизни – выступает как целостная структура, «сотканная» из элементов материальной и духовной жизни общества.

Все элементы общепринятого образа жизни (А, Б, В) под влиянием негативного воздействия среды деформируются и превращаются в антиобщественный образ жизни. Однако это указано с позиций общего понятия образа жизни общества, а с позиций образа жизни личности – это некий синтез, воплощение диалектического единства социально-типического и неповторимого в поведении, общении и складе мышления отдельного человека [1, с. 193]. Все элементы его образа жизни или часть из них в негативной среде деформируются и принимают антиобщественный характер.

Антиобщественный образ жизни можно классифицировать и по степени деформации: мало деформированный, деформированный, значительно деформированный, сильно деформированный. Касаясь вопроса деформации, профессор Г. А. Аванесов указывает на то, что социальная деформация формируется тогда, когда в общественном развитии перевешивают негативные отношения, в том числе криминального свойства [2, с. 7]. Следовательно, деформация начинается с негативных отношений, включающих в себя нравственные нормы, которые затем переходят в нормы криминального характера. В дальнейшем деформация «сопровождается возрастающей динамикой нарушения норм уголовного права, изменяется образ жизни людей, когда указанные нормы просто игнорируются членами общества, оно уже бессильно остановить надвигающиеся все новые и новые криминальные угрозы [2, с. 7].

Таким образом, в основе классификации различных типов образа жизни лежат главные человеческие ценности. Однако при классификации антиобщественного образа жизни следует учитывать степень деформации образа жизни в связи с отчуждением от тех или иных ценностей и нарушением норм, регулирующих общественные отношения, а также в связи с определенной степенью изоляции и соответствующей утратой тех или иных жизненных благ, восполнение которых происходит путем совершения преступлений.

Категория «антиобщественный образ жизни» имеет три уровня: общесоциальный, особенный и индивидуальный. Она, во-первых, характеризуется соотношением общественно полезных видов деятельности с антиобщественными (чем более в образе жизни будут преобладать антиобщественные виды деятельности, тем сильнее он будет деформирован), во-вторых, зависит от способа приобретения материальных благ, направленности основных затрат материальных средств. Необходимо также отметить, что особое место в образе жизни занимают характер проведения свободного времени, структура и направленность основных досуговых занятий, выбор друзей и ценностные ориентации группы неформального общения.

Антиобщественный образ жизни включает в себя и некоторые образования психологического характера. Так, на первых этапах деформации аморальный образ жизни нередко связан с моралепатией, под которой понимаются различные виды моральной дезадаптации личности, нередко приводящие к нарушениям социальных норм и отклонениям в поведении, особенно у молодежи. Профессор Ю. М. Антонян подчеркивает, что «моралепатия не включает в себя отклонения и поступки, возложение юридических санкций, а, следовательно, охватывает лишь непротивоправное, хотя и безнравственное поведение. Для криминологии она представляет значительный интерес, поскольку такое неведение может в дальнейшем перейти в противоправное» [3, с. 27]. Таким образом, моралепатия является одним из показателей начальной стадии отклонений в образе жизни личности, которая сигнализирует о его неблагополучии. В характеристике антиобщественного образа жизни, на наш взгляд, следует исходить из общепринятых понятий, содержание которых определяется тремя основными элементами:

1) уровнем жизни, то есть наличием и комфортабельностью жилья, величиной заработной платы, наличием других материальных ценностей (машина, видеотехника, дача и т. д.). Иными словами, уровень жизни свидетельствует о возможности удовлетворения потребностей;

2) качеством жизни, то есть насколько качественно и полно удовлетворяются материальные и духовные потребности;

3) стилем жизни, в котором находят выражение устоявшиеся привычки, умения и навыки, то есть стереотипы привычного поведения в соответствующих жизненных ситуациях, проявляющиеся в различных сферах образа жизни.

Известно, что поведение человека зависит от его образа жизни, следовательно, антиобщественное поведение является результатом его антиобщественного образа жизни. А с чем связано появление любого образа жизни? Аристотель писал: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [4, с. 389]. Именно нужда деформирует образ жизни личности, превращает его в антиобщественный. Образ жизни каждого человека должен соответствовать нормам, привычкам и требованиям общества, в котором живет этот человек. Даже находясь в другой стране, он должен знать и соблюдать традиции, присущие этому этносу, народу, с которым его свела судьба.

Обычно, когда возникают какие-нибудь жизненные трудности, говорят – такова судьба. Это не всегда истина. В данном случае имеет место не судьба, а, как говорил Аристотель, нужда, потребность в чем-то или в ком-то, а это связано с образом жизни человека. Стоит избавиться от нужды, удовлетворить свою потребность, и все встает на свои места. В силу этого не надо драматизировать сложившуюся ситуацию, ссылаясь на «горькую судьбу». В таких случаях нужно активно действовать, подключая духовно-волевою сферу.

Понятия духовно-волевой сферы нет в криминологии, но она есть и большую роль играет в антиобществологии – науке, в которой указано, что под воздействием негативных факторов среды образ жизни может деформироваться, превращаться в неблагополучный, антиобщественный. Антиобществология появилась в начале лихих 90-х годов XX века, в то сложное время, когда «рухнул» социализм, его социальная политика и, естественно, сам социалистический образ жизни общества.

В советское время господствовал социалистический образ жизни, поэтому было запрещено говорить и писать о любом ином образе жизни, тем более антиобщественном. За инакомыслие следовали жесткие санкции. Именно тогда потребности, которые нередко трудно было удовлетворить правомерными способами, вынуждали некоторых людей использовать неправомерные, антиобщественные формы, способствующие появлению антиобщественного образа жизни. Известно, что природа не терпит пустоты – там, где уменьшается социальная сфера, появляется криминальная. Эта закономерность проявляется в любой сфере образа жизни человека, а сам образ жизни деформируется и становится антиобщественным. Отечественная криминология не включает в состав предметов своего изучения категорию образа жизни, в том числе антиобщественного. Вследствие этого мы были вынуждены основать новую науку – антиобществологию, в которой предметом изучения является антиобщественный образ жизни. Возникают вопросы: «Что за наука антиобществология? Где и когда она возникла?»

Антиобществология – это наука, изучающая проблемы антиобщественного образа жизни и вопросы преодоления антиобщественных явлений в разных сферах жизнедеятельности, типах деформированного образа жизни, одним из которых является антиобщественный. Предметом антиобществологии является антиобщественный образ жизни

(АОЖ). Антиобщественный образ жизни как предмет антиобществологии значительно шире, чем предмет криминологии – преступность. Отечественная криминология изучает преступление, преступное поведение, причины преступности, формы и методы борьбы с ней, а антиобществология – антиобщественный образ жизни, типы деформированного образа жизни, причины их деформации и особенности их проявления, пути преодоления негативных явлений.

У криминологии и антиобществологии одинаковая цель – борьба с антиобщественными явлениями, но масштабы разные: у криминологии – преступления и иные криминальные явления, а у антиобществологии – преодоление как криминальных, так и других антисоциальных явлений. Все социальные явления, связанные с образом жизни, изучает социология. Антиобществология интегрирует знания криминологии, психологии, социологии и ряда других наук, пытаясь с их помощью объяснить появление и существование негативных явлений. У этих наук и задачи разные: у криминологии – снизить уровень преступности, у антиобществологии – восстановить общественное спокойствие и благополучие граждан.

Антиобществология в определенной мере возникла в результате исследования на тему «Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлении несовершеннолетних», когда предупреждение АОЖ было объявлено новым направлением в борьбе с преступностью [5].

Следует отметить, что криминология и антиобществология – это науки не соперницы, а союзницы – обе ведут борьбу с негативными явлениями разной степени общественной опасности и в разных сферах жизнедеятельности: криминология – в уголовно-правовой, антиобществология – в социальной сфере. В уголовно-правовой системе основой являются правоохранительные органы, в социальной – система социального контроля. Последняя уже давно используется в зарубежных странах, в России она находится в зачаточном состоянии, да и в отечественной криминологии это понятие отсутствует. Можно объяснить тотальный характер преступности в нашем обществе в некоторой степени этим обстоятельством. Следует обратить внимание на особенности понятия антиобщественного образа жизни, его отличия от понятия преступности, которые заключаются в следующем:

1. Понятия преступности и антиобщественного образа жизни трудно сравнивать: если понятие преступности указано в литературе, то понятия «антиобщественный образ жизни» нет ни в социологии, ни в криминологии, отсутствует оно и в энциклопедических словарях.

2. Самое главное отличие: преступление – это негативное деяние, совершившийся акт, а АОЖ – это негативный процесс, продолжающийся неопределенный период.

3. Если преступление имеет определенную степень общественной опасности, зависящую от тяжести совершенного преступления, то АОЖ – неопределенную, но зависящую от типа его деформации.

4. Если преступность возникает в результате появления антиобщественного образа жизни, являющегося его причиной, то АОЖ не порождается, а появляется под влиянием негативной среды, он деформируется и превращается из благополучного в неблагополучный, в том числе антиобщественный.

5. Если преступление нередко имеет открытый характер, то АОЖ часто маскируется под благополучный образ жизни, его общественная опасность повышается из-за такого «коварства».

6. Антиобщественный образ жизни может проявляться в менее общественно опасных формах, чем преступность: лезть, сплетни, клевета, обман, ссоры, скандалы, интриги,

но в соответствующих ситуациях они перерастают в преступные деяния, поэтому своевременно нужно принимать меры противодействия АОЖ.

7. Проявляется закономерность: чем большее время благополучный образ жизни «находится» в неблагоприятных условиях (среде), тем быстрее он превращается в неблагоприятный – антиобщественный образ жизни.

Кроме особенностей антиобщественного образа жизни, были выявлены его основные признаки:

1. Паразитизм – приобретение жизненных благ и ценностей за счет других лиц.
2. Стремление к самоутверждению любым путем, вплоть до преступных посягательств.
3. Приобщение к криминальной субкультуре: жаргон, клички, татуировки, стиль поведения и т. д.
4. Приобщение к привычкам негативного характера: пьянство, наркотизм, сквернословие, наглость, неуважение, дерзость и т. п.
5. Игры в карты «под интерес», стремление к обогащению и быстрому избавлению от него.
6. Стремление к участию в антиобщественных группах.
7. Грубость и высокомерие в отношениях с окружающими.
8. Пренебрежение к женскому полу.

Что касается преступного образа жизни, то он, кроме указанных признаков, отличается самой высокой степенью общественной опасности, противоправностью, особенно тогда, когда создаются преступные сообщества (организованная и профессиональная преступность), террористические и иные антиобщественные группировки.

Антиобщественный образ жизни несовершеннолетних обычно связан с неблагоприятными условиями их жизни в семье, школе и ближайшем окружении. Воздействие негативных условий среды нередко превращает трудного подростка в правонарушителя, а затем в преступника. Специалисты отмечают: «Трудных подростков не бывает, есть трудные взрослые».

Преступление представляет собой конечный результат антиобщественного формирования. Этот путь у подростка начинается с нарушения некоторых нравственных норм, можно сказать, что подросток начинает вести антиобщественный образ жизни. Известный русский ученый Д. А. Дриль, изучая причины преступности несовершеннолетних, писал: «Преступлениями не дебютируют или, по меньшей мере, почти никогда. Обычно начинают с дурных и безнравственных действий» [6, с. 93].

Опыт работы с трудными подростками, состоящими на учете в органах внутренних дел, свидетельствует о том, что подросток, попавший в антисоциальную компанию, через некоторое время становится дезорганизатором в классе, грубит, перестает слушаться учителей и родителей. И наоборот, включение такого трудного подростка в здоровый коллектив, особенно в спортивную секцию, в которой культивируются интересные и ценные для здоровья виды деятельности, позволяет ему через некоторое время освободиться от «груза» антисоциальных качеств, способствует процессу социализации, восстановлению благополучного образа жизни. Через спортивную деятельность можно не только воспитывать ценные качества характера, но и активно изменять образ жизни правонарушителя. Подросток ориентирует свое поведение и образ жизни на ту среду, которая его окружает и одобряет.

Определенный интерес представляет процесс превращения благополучного образа жизни в неблагоприятный, антиобщественный. У подростков он выражается в скверно-

словии, грубости, мелком воровстве в школьных раздевалках. С такими негативными проявлениями уже нужно бороться, не давая возможности утвердиться вредным привычкам. Однако часто малозначительные деяния остаются без внимания родителей, учителей, друзей. Такое поведение окружающих называется попустительством и способствует еще большей деформации личности, и аморальный образ жизни превращается в асоциальный, затем в предкриминальный и т. д. По этому поводу профессор И. И. Карпец пишет, что истоки антиобщественного поведения преступника вообще и рецидива в частности следует искать в начале жизненного пути, там, где начиналось его формирование как личности, как социального существа [7, с. 243]. Не встречая препятствий, пройдя все этапы деформационного процесса, впитав в себя большой «заряд» негативных свойств, образ жизни достигает высшей степени деформации и превращается из криминального в преступный, становится достоянием уголовно-правовой системы.

При изучении деформации образа жизни несовершеннолетних следует обратить внимание на такое важное обстоятельство: ликвидировать антиобщественный образ жизни с его негативными проявлениями можно, заменив его интересными делами и занятиями (спорт, техническое творчество и т. д.), способными возбудить у подростков значительно больший интерес, чем антиобщественные деяния. Иначе они могут вновь заняться прежней негативной деятельностью. Необходимо знать, что «детские души, как окопы: не займем мы, займут другие». Это правило нужно помнить каждому педагогу (тренеру), работающему с подростками и молодежью, ведущими антиобщественный образ жизни. Следует находить и использовать такие виды деятельности, которые изменили бы интересы и потребности, стали бы увлечениями в сфере свободного времени.

В целях улучшения борьбы с негативными явлениями в каждом регионе (районе) следовало бы вновь создать общественные пункты охраны порядка, которые будут противодействовать негативным явлениям совместно с системой социального контроля по месту жительства граждан, в которую включить силы и средства преодоления антиобщественного образа жизни. Существует проблема АОЖ и в научном отношении, так как учебные заведения юридического профиля обучают студентов и курсантов по курсу криминологии – науки о преступности. Подготовка специалистов, не имеющих представления об антиобщественном образе жизни, его особенностях и причинах появления, потребует, на наш взгляд, введения новой науки – антиобществологии, в которой предметом изучения должен стать антиобщественный образ жизни и иные антиобщественные явления, которые криминология не включает в сферу своих научных интересов и предметов. Для решения многочисленных проблем необходимо создать департамент преодоления антиобщественного образа жизни, предусмотрев в нем службы предупреждения деформации сфер образа жизни, службы выявления и преодоления деформированных типов АОЖ в соответствии с возрастом, степенью общественной опасности, интересами, потребностями и т. д. Главное – способствовать благополучию в каждой сфере образа жизни человека.

Именно на основе такой деятельности в прошлые годы была построена воспитательно-профилактическая работа курсантов Высшей школы МВД СССР с трудными подростками, которая имела ошеломляющий успех: преступность в регионе, где были шефами курсанты, за два года снизилась в три раза. Следует отметить, что высокая эффективность этой работы была достигнута благодаря удивительным организаторским способностям педагога, организатора работы по месту жительства А. А. Лебедевой. В. И. Игнатенко, возглавлявший работу с подростками, состоящими на учете в правоохранительных органах, после выступления на заседании российской криминологической ассоциации, был

включен в советской состав делегации криминологов на VI Международный конгресс криминологов социалистических стран, состоявшийся в Москве в 1986 г. [8].

Подводя итоги концепции «антиобщественный образ жизни», следует обратить внимание на ряд важных выводов, которые до сих пор не отражались в отечественной криминологической науке.

1. Категория образа жизни и понятие антиобщественного образа жизни должны найти свое место в отечественной криминологии. Это позволит ей встать в один ряд с зарубежной криминологией, где указанные элементы и понятия уже давно используются в криминологических исследованиях и обучении студентов.

2. В отечественной криминологии следует дать авторскую классификацию антиобщественного образа жизни, указать особенности каждого этапа деформированного образа жизни и его основные признаки.

3. Следует дать понятия антиобщественного образа жизни и деформированного образа жизни, причин деформации образа жизни человека.

4. Необходимо дать и обосновать понятие науки антиобществологии и ее отличие от криминологии.

5. Указать и обосновать значительно большую общественную опасность антиобщественного образа жизни по сравнению с преступностью. Отечественным криминологам нужно уделять внимание не только криминальной сфере, но и социальной, недостатки которой плодят преступность – речь идет об улучшении системы социального контроля во всех сферах жизнедеятельности и отраслях народного хозяйства.

6. Уголовно-правовую систему следует усилить системой социального контроля, каждый социальный институт страны наделить функциями социального контроля.

Библиографический список

1. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М. : Политиздат, 1988. 479 с.

2. Аванесов Г. А. Наука криминология: накопленный опыт, современные проблемы, перспективы развития // Криминологический журнал. 2004. № 1(6). С. 3–9.

3. Антонян Ю. М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Генезис и профилактика дезаппетивных преступлений. Ереван : Айастан, 1987. 206 с.

4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4.

5. Игнатенко В. И. Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних: криминологический и пенитенциарный аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 430 с.

6. Дриль Д. А. Преступность и преступники. СПб., 1985. 295 с.

7. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1973. 287 с.

8. Игнатенко В. И. Борьба с антиобщественным образом жизни подростков – важное направление предупреждения преступности несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 47. С. 181–182.

УДК 343.152(470+44)
DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.344-358

ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ БЕЛОНОСОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института, Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Для цитирования

Белоносков, В. О. Исполнение приговора в уголовно-процессуальном законодательстве России и Франции / В. О. Белоносков // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 344–358. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.344-358.

Аннотация. В статье сравнивается уголовно-процессуальная стадия исполнения приговора в Российской Федерации и во Французской Республике. Целесообразность этой стадии в уголовном процессе в свое время вызывала различные вопросы. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ей посвящена глава 47, которая состоит из шести статей. В Уголовно-процессуальном кодексе Французской Республики этот раздел в 104 раза больше: включает в себя 622 статьи, в том числе 416 статей законодательной части и 206 статей декретов Государственного Совета. Для российского читателя данный факт вызывает интерес: что же такого содержится в этом объемном законодательном регулировании? Во французском законодательстве исполнение приговора представляет собой лишь часть исполнительного производства, которое проникает как в другие стадии уголовного процесса (предварительное расследование), так и в другие отрасли права (уголовное) или иные отрасли знаний (уголовно-исполнительное право, оперативно-розыскная деятельность, криминалистика). Однако по своей природе указанные отношения продолжают оставаться именно уголовно-процессуальными, а потому содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Французской Республики. Обращает на себя внимание не только более детальная регламентация этих отношений, но и их действительно демократический характер. В качестве примеров приведены и проанализированы наиболее интересные с точки зрения отечественного правоприменителя статьи, которые способны вызвать живой интерес. В силу такого подхода современное французское уголовно-процессуальное законодательство в 4,7 раза превосходит по своему объему уголовное законодательство. Учитывая, что в стране отсутствует уголовно-

© Белоносков В. О., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

исполнительный кодекс, значение Уголовно-процессуального кодекса только возрастает. Исходя из исторической близости корней российского и французского уголовно-процессуального законодательства сделан вывод о целесообразности рецепции широкого понимания исполнительного производства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, что способно не только унифицировать его с европейским законодательством, но и сделать более детальным, демократичным и повысить его статус.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, стадия исполнения приговора, Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики, законотворчество, правовое регулирование.

Для более правильного понимания качества отечественного уголовно-процессуального законодательства бывает очень полезно сравнить его с зарубежным законодательством. В результате можно прийти к интересным выводам, например, если сравнить не часто обсуждаемую в уголовно-процессуальной теории стадию исполнения приговора со своим аналогом из Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики (УПК Франции). Из-за нетипичности этой стадии, своеобразия процесса познания, процессуальной формы, автономности функции участников в 60-е – 70-е годы прошлого века достаточно серьезно обсуждался вопрос, а относится ли эта стадия вообще к уголовному процессу [1, с. 19]. Несмотря на многочисленные качественные отличия (отсутствие уголовного дела, следователей, дознавателей, нефиксированная роль прокурора и т. д.), эту стадию компромиссно оставили в рамках уголовного процесса потому, что она регламентирует все же судебный порядок разрешения рассматриваемых вопросов с соблюдением процессуальной формы, свойственной для всего уголовного судопроизводства в целом и вынесения итогового процессуального решения – постановления судьи [1, с. 33]. В противном случае эту деятельность пришлось бы регулировать в рамках других отраслей права, что могло бы привести к нарушению процессуального единообразия.

В настоящее время стадия исполнения приговора занимает гл. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и скромно состоит из 6 статей, в которых в самом общем виде перечислены: а) суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора; б) вопросы, подлежащие рассмотрению при исполнении приговора; в) порядок разрешения этих вопросов; г) процесс обжалования постановлений суда. Однако наряду с разнообразными и довольно многочисленными общими вопросами этой главы совершенно непонятно, по какой причине отдельно выделены: а) отсрочка исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ); б) ходатайство о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ). Другие вопросы, упомянутые в данной главе, остались вне законодательного регулирования, видимо, с учетом их передачи на усмотрение правоприменителя – не лучшего способа их разрешения.

По статистике за последние годы наблюдается рост числа нарушений закона при исполнении уголовных наказаний: 2017 г. – 118 486; 2018 – 115 349; 2019 – 123 410; 2020 г. – 124 586 (www.genproc.gov.ru). Для объективности отметим, что эти цифры плохо согласуются с количеством жалоб и заявлений граждан в органы прокуратуры по вопросам надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний: 2016 г. – 47 100; 2017 – 47 100; 2018 – 44 754; 2019 – 47 563; 2020 г. – 45 767 (www.genproc.gov.ru). Однако, несмотря на эти разные тенденции, считаем, что одной из основных причин такого положения является излишне предоставленное усмотрение правоприменителю ввиду

чрезмерной лаконичности уголовно-процессуального регулирования стадии исполнения приговора, хотя в этом сложном процессе могут быть и другие причины.

В отличие от такого подхода в УПК Франции вопросы исполнения наказаний рассматриваются в широком смысле и именуется *исполнительным производством*, которому посвящена Пятая книга с большим количеством частей, глав, разделов, параграфов. Кроме законодательной части (*Partie législative*) в УПК Франции имеется часть, регламентированная декретами Государственного Совета (*Partie réglementaire – Décrets en Conseil d'Etat*). Пятая книга УПК Франции состоит из 416 статей законодательной части и 206 статей декретов Государственного Совета.

Напрашивается само собой разумеющийся вопрос: что же такого содержится в этих статьях? Для ответа на него нам необходимо провести обзор Пятой книги УПК Франции. Учитывая очень большой объем этого раздела и гораздо меньший объем настоящей статьи, мы вынуждены остановиться на наиболее интересных моментах с точки зрения отечественного правоприменителя. Следует сразу оговориться, что мы не ставим задачу указания на отдельные пробелы или формулирования предложений по совершенствованию отечественного законодательства. При таком большом объеме это нереально. Хотелось бы уделить внимание другой задаче – показать принципиально иной подход к правовому регулированию: с одной стороны, это нетипичные для современного российского правоприменения демократические тенденции уголовно-процессуального регулирования, с другой – широкий подход к регламентации рассматриваемых вопросов.

Итак, первая часть Пятой книги УПК Франции называется «Исполнение уголовных наказаний» и состоит из 3 глав и 6 разделов.

Глава 1 «Общие положения» состоит из 18 статей (ст. 707–712 УПК Франции). Статья 707 УПК Франции достаточно мягко формулирует целевые установки: «По судебному решению или по судебному контролю вынесенные решения по уголовным делам кроме особых случаев исполняются *наиболее эффективным способом в наилучшие сроки*. Режим исполнения наказаний в виде лишения или ограничения свободы направлен на *реабилитацию* осужденных, содействуя их разумному поведению, уважению прав и интересов общества, предотвращению новых нарушений...». Причем каждое лицо, приговоренное к лишению свободы, имеет право по возможности на постепенное возвращение к свободе (применение мер, не связанных с лишением свободы, освобождение от работы, домашний арест с электронным наблюдением, условное освобождение), избегая случаев освобождения без юридического сопровождения. В отличие от такого законодательного регулирования ч. 1 ст. 1 УИК РФ целью исполнения наказания считает исправление осужденных, что не только самонадеянно, но и не находит реального подтверждения. Удивительно, что большая часть рассматриваемой главы посвящена вопросам материальной ответственности и штрафным санкциям, что свидетельствует о демократичном характере исполнения уголовных наказаний.

Глава 2 «Юрисдикция применения наказаний» состоит из 4 разделов.

Раздел 1 «Виды и состав учреждений». В трех статьях этого раздела (ст. 712-1–712-3) говорится о составах судов, которые уполномочены рассматривать вопросы об исполнении наказаний, о связях со службой пробации, помогающей осуществлять контроль за осужденными, об апелляции. В ст. 712-3 УПК Франции обращается внимание *на обязательно состязательный характер всех судебных разбирательств этого производства*. Такое упоминание отсутствует в гл. 47 УПК РФ, к тому же из содержания ч. 2 ст. 399 следует, что в судебном заседании стадии исполнения приговора обязательным участником являются только представители органов или учреждений, исполняющих на-

казание. Участие всех иных субъектов факультативное. Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 своего постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» пояснил судам, что рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия в *открытом* судебном заседании, *не допуская изъятий и ограничений* понижения уровня гарантий на судебную защиту, но о состоятельности ничего сказано не было. Практике известны неединичные случаи организации выездных судебных заседаний в пенитенциарных учреждениях (например, по условно-досрочному освобождению или иным вопросам), которые проводятся поточным методом, где сложно говорить о какой бы то ни было состоятельности, хотя эти данные не отражаются ни в какой статистике.

Вместе с тем определенные положительные сдвиги в этом направлении все же происходят. Например, генеральный прокурор РФ в своих указаниях ставит вопрос об обязательном участии подчиненных прокуроров в судебных заседаниях по исполнению приговоров. Тем не менее участие прокурора еще не свидетельствует о подлинной состоятельности процесса. Отсюда вывод: даже предположение о том, чтобы судебный процесс в стадии исполнения приговора мог носить обязательно состязательный характер, нам представляется чем-то фантастическим, а не законодательно закрепленным.

Вопросы состязательной процедуры судебного разбирательства продолжаются в разделе 2 «Компетенция и процедура суда первой инстанции» УПК Франции. В семи статьях этого раздела (ст. 712-4–712-10) говорится о процедуре рассмотрения дел по исполнению наказаний в суде первой инстанции. Кроме общих положений, свойственных судам при рассмотрении уголовных дел, здесь имеются некоторые особенности. Например, вопросы исполнения наказания разрешаются пенитенциарным судьей после обсуждения с *комиссией по применению наказания* (ст. 712-4-1 УПК Франции). Такой инстанции нет в российском законодательстве. Она возглавляется судьей, членами комиссии являются прокурор, руководитель пенитенциарного учреждения и представитель службы пробации. Речь идет о предварительном коллегиальном обсуждении рассматриваемого вопроса, которое отнюдь не заменяет собой состязательного характера судопроизводства. Российской практике известна лишь комиссия при начальнике пенитенциарного учреждения, высказывающая свое мнение по поводу условно-досрочного освобождения, но это совсем другое. Предварительное коллегиальное обсуждение в такой комиссии помогает более качественно проводить состязательный процесс судебного заседания, более ответственно подходить к принятию итогового решения, препятствовать необоснованному или тенденциозному подходу (что актуально для отечественного правоприменения). В этом же разделе регламентируются полномочия указанных субъектов применительно к частным случаям. Например, при принятии решений о сокращении наказания, разрешении выхода из учреждения, выходе в сопровождении, размещении вне учреждения, домашнем содержании с использованием электронного контроля пенитенциарный судья по ходатайству осужденного или сторон может обязать руководителя пенитенциарного учреждения или службы пробации внести коррективы во время прибытия и убытия осужденного, время посещения отдельных мест в благоприятных для осужденного целях, если это не отразится на исполнении наказания (ст. 712-8 УПК Франции).

Раздел 3 «Процедура апелляционного обжалования» УПК Франции в своих пяти статьях (ст. 712-11–712-15) говорит о возможности в зависимости от характера нарушений двух форм апелляционного обжалования: а) в течение 24 часов и б) в течение 10 дней. В состязательном судебном процессе принимают участие прокурор, адвокат, представители

службы пробации и ассоциации жертв преступлений, возможно также участие осужденного. Судье помогают два заседателя (как в советском суде народные заседатели). При отрицательном решении апелляционной инстанцией может быть установлен запрет на повторное обжалование по тем же основаниям на определенный срок. Регламентируются многочисленные полномочия других субъектов при апелляционном обжаловании.

Раздел 4 «Общие положения» УПК Франции, состоящий из 11 статей (ст. 712-16–712-23), начинается любопытным полномочием: «Суды, ответственные за исполнение наказаний, при осуществлении своих полномочий могут проводить сами или побуждать к проведению на всей территории страны любых экспертиз, слушаний, дознаний, расследований или любой другой меры для индивидуализации приговора или обеспечения выполнения осужденным обязательств, возлагаемых на него в соответствии с таким решением». Тем самым сняты ограничения на совершение субъектами всякой познавательной деятельности под руководством суда, в том числе расследования или дознания. Это особенно ценное положение, которое способно выступить препятствием для извращения сути по формальным основаниям, что особенно важно в условиях действительно состязательного процесса. В этом же разделе регламентированы уголовно-процессуальные полномочия потерпевшего и гражданского истца, в том числе связанные с их защитой, последствия неисполнения осужденным возложенных на него обязанностей и ограничений, вопросы проведения психолого-психиатрической экспертизы и т. д.

Глава 3 «О международном сотрудничестве в целях исполнения решений о конфискации» состоит из 2 разделов, 3 параграфов и 42 статей, которые подробно регламентируют эту деятельность с участием суда, прокурора и других субъектов:

раздел «О передаче и исполнении решений о конфискации в соответствии с рамочным решением Совета Европы от 6 октября 2006 г.» состоит из трех параграфов: а) «Общие положения»; б) «Положения, относящиеся к решениям о конфискации ценностей, вынесенным французскими судами»; в) «Положения, относящиеся к решениям о конфискации ценностей, вынесенным судами государств – членов Совета Европы»:

раздел «Об исполнении решений о конфискации, вынесенных судебными органами других иностранных государств».

Более 3 лет назад в УПК РФ была введена гл. 55.1 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем» (Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ), состоящая из 7 статей. Необходимо обратить внимание на то, что:

– до декабря 2017 г. такие уголовно-процессуальные отношения в России вообще не регулировались;

– в УПК Франции рассматриваемые уголовно-процессуальные отношения более подробно урегулированы (им отведено 2 раздела, 3 параграфа, 42 статьи), тогда как гл. 55.1 УПК РФ компактно состоит из 7 статей;

– глава 55.1 УПК РФ имеет более декларативный и политизированный характер (например, должны учитываться возможные противоречия с Конституцией РФ), в то время как французский аналог имеет большую практическую направленность, детализацию и конкретизацию. Имеются и другие отличия [2, с. 103].

Часть 1-а «Наказание в виде домашнего ареста с электронным наблюдением» УПК Франции относительно небольшая и содержит 8 статей (ст. 713-42–713-49). Регламентация этого раздела начинается с удивительного для нашего восприятия полномо-

чия судьи. Согласно ст. 713-42 УПК Франции над лицом, приговоренным к домашнему аресту с электронным наблюдением, устанавливается судебный контроль со стороны судьи по исполнению наказаний. В последующих статьях конкретизируется сущность такого судебного контроля и многочисленные частные случаи, связанные с продлением, прекращением, заменой этой меры на помещение в пенитенциарные учреждения.

Часть II «О задержании» УПК Франции состоит из 6 глав, 13 разделов, 141 статьи (ст. 714–728-76) и регламентирует соответствующие полномочия в широком смысле: не только на стадии исполнения приговора, но и в предварительном расследовании.

Глава 1 «Исполнение предварительного заключения» УПК Франции начинается со ст. 714, в которой говорится о том, что предварительное заключение осуществляется в арестных домах, которые находятся неподалеку от судов. Видимо, очень удобно рядом с судом иметь арестный дом, что может облегчить проведение неизвестного для отечественного правоприменения социально-судебного наблюдения, о чем будет сказано ниже.

Согласно ст. 716 УПК Франции заключенные в арестных домах содержатся в *индивидуальных* камерах. Исключение может быть сделано только: а) по их просьбе; б) если заключенный докажет, что в его интересах не оставаться одному; в) в интересах работы, профессиональной подготовки или образования. В 2016 г. впервые в истории Франции руководство страны поставило цель – достигнуть к 2025 г. 80 % уровня индивидуального содержания заключенных. Эта амбициозная программа успешно выполняется, количество пенитенциарных учреждений увеличивается [3, с. 17]. Для сравнения: в России при норме 4 м² на одного заключенного реальное содержание может составлять от 2,3 м² в Республике Крым до 3,8 м² в Московской области. В 2019 г. ФСИН России подготовила предложения для президента о необходимости принятия мер по улучшению условий содержания в СИЗО, среди которых было в том числе уголовно-процессуальное полномочие – наделение начальников СИЗО правом отказывать в приеме подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести в случае переполненности камер (<https://fparf.ru/news/fpa/problemy-soderzhaniya-v-sizo-i-puti-ikh-resheniya>). Хотя это предложение не было принято, но комментарии, как говорится, излишни.

Глава 2 «Исполнение наказаний, ограничивающих свободу» УПК Франции состоит из 9 разделов.

Раздел 1 «Общие положения» в ст. 716-3 регламентирует, что если истечение срока приходится на праздничный или выходной день, то освобождение производится в предыдущий рабочий день, что свидетельствует о демократичном подходе. В России, наоборот, освобождение происходит в первый последующий рабочий день.

Согласно ст. 716-5 УПК Франции задержание на дому возможно с санкции прокурора, но не ранее 6 часов и не позднее 21 часа. Такая регламентация в отличие от п. 5 ст. 113 УПК РФ не имеет исключений, в чем проявляется более уважительное отношение к личности.

В соответствии со ст. 717-1 УПК Франции пенитенциарный судья может предложить заключенному пройти медицинское лечение во время его заключения, если врач считает, что это лицо будет подвергнуто такому лечению в соответствии с Кодексом общественного здравоохранения. Крайне удивительное в силу своей доброжелательности полномочие судьи – предложить заключенному пройти медицинское лечение. Видимо, можно позавидовать не только юридическим, но и медицинским аспектам, когда врач может посчитать, что в соответствии с Кодексом общественного здравоохранения субъект может быть подвергнут лечению в пенитенциарном учреждении.

Другое удивительное полномочие. Согласно ст. 719 УПК Франции депутаты, сенаторы и члены Европарламента, избранные от Франции, могут в любое время посещать заключенных без каких-либо ограничений как сами, так и в сопровождении одного или нескольких журналистов. Такой уровень открытости и прозрачности никем не оспаривается, а воспринимается как должное.

Ни в УПК РФ, ни в УИК РФ не только не содержится подобной регламентации, но и, наоборот, как в ряде законов (ч. 4 ст. 89 УИК РФ, ст. 17 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 217-ФЗ), так и в ряде подзаконных актов (приказ ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий», приказ ФСИН России от 18 марта 2019 г. № 203), имеется большое количество подробно регламентированных ограничений на посещение, а о журналистах вообще речи не идет.

Раздел 1-а «Условное освобождение» УПК Франции состоит из одной статьи (ст. 720), где сказано, что при отбытии осужденным от половины до 2/3 срока за одно или несколько преступлений с лишением свободы в совокупности до 5 лет включительно ситуация изучается пенитенциарным судьей. После изучения на комиссии по исполнению наказания судья может по мотивированному решению условно освободить осужденного. Если положение осужденного не рассматривается в соответствии с этой нормой, судья апелляционного суда может по собственной инициативе или по ходатайству осужденного или прокурора распорядиться об условном освобождении в соответствии с этой статьей.

Раздел 2 «Отсрочка и разделение наказания, связанные с лишением свободы» УПК Франции состоит из двух статей (ст. 720-1–720-1-1), в которых говорится о неизвестном для российского законодательства институте. Если осужденному остается отбыть два года лишения свободы, то в исправительных целях этот срок в некоторых случаях может быть отсрочен или разделен на части по медицинским, семейным, профессиональным или социальным показаниям. Оговариваются процедура и условия принятия такого решения, возможность проведения медицинской экспертизы, ограничения и противопоказания. В целом раздел отличается подчеркнуто демократичной регламентацией.

Раздел 3 «О периоде безопасности» УПК Франции состоит из четырех статей (ст. 720-2–720-5), в которых речь идет о времени, в течение которого к осужденному нельзя применять смягчающих мер: отсрочка, разделение наказания, помещение вне учреждения, разрешение на выход, условное освобождение и т. д. Это время составляет от половины до 2/3 срока, установленного судом. Для пожизненно осужденных лиц этот срок может составлять от 22 до 30 лет. В разделе также оговариваются случаи проведения медицинской экспертизы, кассационного обжалования, судебного сокращения или увеличения этого срока.

Раздел 4 «Сокращение наказания» УПК Франции состоит из пяти статей (ст. 721–721-3) и представляет собой еще один неизвестный для российского законодательства институт. Согласно ст. 721 УПК Франции каждый заключенный пользуется кредитом на сокращение срока наказания из расчета три месяца за первый год, два месяца за каждый последующий год. При наказании более одного года возможно сокращение по семь дней за месяц, но не более двух месяцев. Достаточно подробно сформулированы условия, порядок и запреты на сокращение этого срока.

Раздел 5 «О расположении вне учреждений, разрешении на выход и выходе в сопровождении» УПК Франции состоит из семи статей (ст. 723–723-6-1), в которых регла-

ментируются перечисленные смягчающие меры, процессуальный порядок применения, основания отказа. Отличительной особенностью раздела является его демократический характер.

Раздел 6 «Помещение под электронное наблюдение» УПК Франции содержит девять статей (ст. 723-7–723-13-1). Длительность применения этой меры не должна превышать два года. В ст. 723-8 УПК Франции обращается внимание на то, что электронное наблюдение должно гарантировать уважение достоинства и конфиденциальность личности. Такое требование проявляется в том числе в том, что при применении этой меры сотрудники пенитенциарной службы могут проверять осужденного в месте его нахождения, *просить* увидеть его, однако они *не могут* заходить в жилище без разрешения (ст. 723-9 УПК Франции).

Раздел 7 «Упрощенные процедуры исполнения наказаний» УПК Франции состоит из одного параграфа «Положения, применяемые к свободным осужденным», чему посвящено семь статей (ст. 723-15–723-18). Речь идет о процедурах, не связанных с лишением свободы (электронное наблюдение, исправительные работы, размещение вне учреждений и т. д.), а также о процессуальных полномочиях сотрудников пенитенциарных учреждений, прокуроров, пенитенциарных судей при их применении. Такие положения применяются, как правило, к осужденным на срок не более двух лет лишения свободы.

Раздел 9 «Положения, применяемые по судебному контролю к лицам, совершившим тяжкие преступления и проступки» УПК Франции содержит 13 статей (ст. 723-29–723-39). Положения этого раздела применяются к лицам, осужденным к лишению свободы на срок не менее семи лет, или над которыми установлено социально-судебное наблюдение на срок не менее пяти лет, или осужденным за новое рецидивное преступление. Речь идет о принципиально новом явлении для российской юриспруденции – уголовно-процессуальной регламентации мер судебного контроля, перечисленных в ст. 132-44, 132-45 Уголовного кодекса Франции. Они достаточно многочисленны, это: прибытие по повестке к судье или социальному работнику; подчинение контролю социального работника и сообщение ему необходимых сведений об исполнении ограничений; извещение социального работника о смене места работы, жительства, перемещениях на срок свыше 14 дней, сообщение о возвращении; получение предварительного разрешения пенитенциарного судьи о смене места работы, жительства, о поездках за рубеж; занятие профессиональной деятельностью и учебой; выполнение предписаний медицинского и лечебного контроля, если это связано с употреблением наркотиков и алкоголя; запрет посещения заранее установленных мест; запрет встреч с заранее оговоренными лицами; запрет владения и ношения оружия; соблюдение санитарных, социальных, воспитательных, психологических ограничений, связанных с ресоциализацией и т. д. Некоторые из этих мер явно непривычны для российского правоприменителя (поездки за рубеж, владение и ношение оружия и др.). В данном разделе закреплены полномочия пенитенциарного судьи по сокращению, продлению, замене ограничений в связи с социально-судебным контролем. Вместе с тем содержание раздела свидетельствует о возможности не только демократичного, но и, если потребуется, достаточно строгого регулирования соответствующих уголовно-процессуальных отношений.

Глава 3 «Общие положения о различных пенитенциарных учреждениях» УПК Франции состоит из восьми статей (ст. 724–728). Представляет интерес ст. 727-1, в которой закреплено, что для предотвращения побегов, обеспечения порядка и безопасности в пенитенциарных и связанных с ними медицинских учреждениях министр юстиции может уполномочить сотрудников пенитенциарных учреждений досматривать (перехватывать,

записывать, прекращать) переписку заключенных, в том числе при помощи разрешенных электронных средств, кроме переписки с адвокатами, которая фиксируется и хранится в течение года. В этой же статье говорится о прокурорском контроле за данным видом деятельности.

Глава 4 «Денежные средства заключенных» УПК Франции состоит из одной статьи (ст. 728-1), подразделяющей денежные средства, находящиеся на счете заключенного, на три части: а) по которым истцы могут заявлять свои требования; б) замороженные до освобождения; в) для свободного пользования заключенным. Администрация учреждения может покрывать ущерб, причиненный заключенным, без дисциплинарного или уголовного преследования за счет его средств.

Глава 5 «Перевод заключенных» УПК Франции состоит из восьми статей (ст. 728-2 – 728-9). Во второй раз (после гл. 3 в ч. 1) мы встречаем регулирование международного сотрудничества при отбытии уголовных наказаний, но уже по вопросам перевода заключенных. Регламентируются уголовно-процессуальные полномочия судов, прокуроров, руководителей пенитенциарных учреждений при принятии заключенных, подтверждении их статуса, режима содержания и решения других вопросов. В соответствии со ст. 798-9 УПК Франции повторное уголовное преследование или осуждение невозможно по тем же основаниям, по которым осужденный отбывал наказание во Франции.

В следующей главе продолжается регулирование вопросов международного сотрудничества.

Глава 6 «Исполнение решений по отбыванию наказаний в соответствии с рамочным соглашением Совета Европы от 27 ноября 2008 г. о применении принципа взаимного признания судебных решений об осуждении к лишению свободы и их исполнении» УПК Франции состоит из 4 разделов и 67 статей:

раздел 1 «Общие положения» состоит из пяти статей (ст. 728-10–728-14);

раздел 2 «Положения, относящиеся к исполнению наказаний в странах Европейского союза по решению судов Франции» состоит из четырех параграфов (вопросы выдачи по запросам; перевод и транзит; соглашение о судебном преследовании и исполнении приговора за другое преступление; исполнение наказания) и 16 статей (ст. 728-15–728-30);

раздел 3 «Положения, относящиеся к исполнению наказаний на территории Франции, вынесенных судами стран Европейского Союза» состоит из 6 параграфов (основания отказа признания и правоприменения; получение и расследование прокурором ходатайства о признании и приведение его в исполнение; решение о признании, приведении в исполнение, обжаловании; исполнение наказаний; перевод; предварительное заключение) и 40 статей (ст. 728-31–728-70 УПК Франции);

раздел 4 «Положения о транзите по французской территории» состоит из шести статей (ст. 728-71–728-76). Министр юстиции дает разрешение на транзит по французской территории лиц, переданных с территории государства, вынесшего приговор, на территорию государства, исполняющего приговор. Правила транзита должны строго соответствовать французским законам и не допускать никаких дополнительных ограничений прав и свобод задержанных.

Таким образом, в Пятой книге УПК Франции имеются 3 главы (3, 5, 6), 6 разделов и 117 статей, посвященных вопросам международного сотрудничества. Для сравнения, в УПК РФ часть пятая «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» состоит из 4 глав и 28 статей. Из этого можно сделать вывод о том, что УПК Франции не только более детально, но и более демократично регламентирует соответствующие уголовно-процессуальные отношения. В качестве примера можно при-

вести ст. 462.1 УПК РФ «Транзитная перевозка выданных лиц», введенную в действие Федеральным законом от 17 декабря 2009 г. № 324-ФЗ, которая в своих пяти частях в самом общем виде регламентирует очень непростые отношения. Во французском законодательстве аналогичным уголовно-процессуальным отношениям посвящен отдельный раздел, состоящий из шести статей. В соответствии со ст. 728-74 УПК Франции министр юстиции принимает решение о транзите как можно скорее, но не позднее одной недели после получения запроса. Согласно ст. 728-75 УПК Франции осужденное лицо может содержаться под стражей только в течение времени, строго необходимого для транзита по французской территории. Однако, если министр юстиции не может гарантировать, что осужденный не будет привлечен к ответственности, задержан или подвергнут иному ограничению его личной свободы на французской территории за действия или осуждение, имевшиеся ранее, он информирует об этом власти запрашивающей транзит стороны (ст. 728-73 УПК Франции). Очень удивительное для отечественного правоприменителя как полномочие господина министра, так и последствие такого полномочия!

Часть III «Об условном освобождении» УПК Франции состоит из 13 статей (ст. 729–733). Целью условного освобождения провозглашена реинтеграция осужденного в общество и предотвращение его рецидива. Определенный интерес вызывают две статьи: а) ст. 729-1 УПК Франции, которая предусматривает возможность сокращения срока наказания для осужденного на пожизненное заключение; б) ст. 729-2 УПК Франции об условном освобождении иностранных граждан с их обязанностью покинуть территорию страны. В этом разделе также говорится о разнообразных уголовно-процессуальных отношениях: о процедуре наложения наказаний различной степени тяжести, комиссионном использовании мер безопасности, полномочиях наблюдательной комиссии, возможности проведения психолого-психиатрической экспертизы об использовании иных смягчающих мер наказания, например, исправительных работ, электронного наблюдения, пробации.

Часть III-а «Общественные работы» УПК Франции состоит из двух статей ст. 733-1–733-2), в которых регламентируются основания, условия и процессуальный порядок назначения этого вида наказания.

Часть IV «Отсрочка и отложение» УПК Франции состоит из 4 глав и 19 статей (ст. 734–747-4):

глава 1 «Простая отсрочка» – 3 статьи;

глава 2 «Отсрочка с испытанием» – 10 статей;

глава 3 «Отсрочка с обязанностью выполнения общественных работ» – 4 статьи;

глава 4 «Отложение» – 2 статьи.

В этом разделе представлена детальная регламентация институтов отсрочки и отложения: порядка избрания, изменения, отмены. Если в УПК РФ лишь одна ст. 398 предусматривает отсрочку исполнения приговора, а в этой статье только в ч. 2 упоминается лишь о рассрочке уплаты штрафа, то во французском законодательстве судья по исполнению наказания может не только корректировать, изменять или отменять обязательства обвиняемого, но и в некоторых случаях накладывать дополнительные обязательства в соответствии с положениями данного раздела. Так, если осужденный соблюдает меры контроля и помощи, а также возложенные на него особые обязанности, то судья по исполнению наказаний может *объявить обвинительный приговор утратившим силу* (ст. 744 УПК Франции). Однако приостановление исполнения приговора не распространяется на возмещение ущерба, а также на инвалидность, запреты и дисквалификацию, вызванные осуждением (ст. 746 УПК Франции).

Часть V «Идентификация личности заключенного» УПК Франции небольшая, состоит из одной статьи (ст. 748), в которой говорится об особенностях в некоторых случаях публичного судебного оспаривания идентификации личности после задержания, побега и т. д. Такое оспаривание может возникнуть, например, в ходе или в связи с новым обвинением. Отечественному правоприменителю, видимо, сложно понять, зачем нужно в этом случае проводить открытое и состязательное судебное разбирательство.

Часть VI «Судебное принуждение» УПК Франции состоит из 12 статей (ст. 749–762) и регламентирует случаи усиления судом наказания при уклонении осужденного от выполнения возложенных на него обязанностей. Как правило, это фиксированные сроки лишения свободы вместо штрафных санкций. Однако эти меры не применяются к несовершеннолетним и лицам, достигшим 65-летнего возраста. Регламентированы также иные права и обязанности субъектов, процессуальный порядок применения этой меры.

Часть VII «Запрет пребывания» УПК Франции, состоящая из шести статей (ст. 762-1–763), регламентирует ограничения на появления осужденного в установленных судом местах и контроль такого ограничения. Запрет не может превышать 10 лет за преступление и 5 лет за проступок. Сущность такого ограничения заключается: а) в регулярных отметках осужденного в уполномоченных службах, контролирующих исполнение судебного решения; б) информировании пенитенциарного судьи о перемещениях за пределы установленных ограничений; в) реагировании на запросы любого органа и должностного лица, осуществляющего указанный контроль.

Часть VII-а «Социально-судебное наблюдение» УПК Франции, состоящая из десяти статей (ст. 763-1–763-9), говорит о принципиально новом для отечественного правоприменителя институте. Меры социально-судебного наблюдения закреплены в ст. 132-44–132-45 Уголовного кодекса Франции. К ним относятся прибытие по повестке к судье или социальному работнику; подчинение контролю социального работника и сообщение ему необходимых сведений об исполнении ограничений; извещение социального работника о смене места работы, жительства, перемещениях на срок свыше 14 дней, сообщение о возвращении; получение предварительного разрешения пенитенциарного судьи о смене места работы, жительства, о поездках за рубеж; занятие профессиональной деятельностью и учебой; выполнение предписаний медицинского и лечебного контроля, если это связано с употреблением наркотиков и алкоголя; запрет посещения заранее установленных мест; запрет встреч с заранее оговоренными лицами; запрет владения и ношения оружия; соблюдение санитарных, социальных, воспитательных, психологических ограничений, связанных с ресоциализацией, и т. д.

Социально-судебное наблюдение назначается по постановлению пенитенциарного судьи на срок не более 10 лет за проступки и 20 лет за преступления. Оно может быть как самостоятельным, так и дополнительным видом наказания. Несоблюдение этих мер влечет за собой лишение свободы на срок до трех лет за проступки и до семи лет за преступления. При избрании социально-судебного наблюдения судья разъясняет осужденному последствия несоблюдения этих мер. В этой части также регламентированы вопросы возможного проведения медицинской экспертизы, лечения больных, иные процессуальные действия.

Часть VII-б «Электронное наблюдение в целях обеспечения безопасности» УПК Франции состоит из пяти статей (ст. 763-10–763-14). Эта мера устанавливается, как правило, за год до освобождения заключенного с целью изучения его общественной опасности и возможности рецидива. Пенитенциарный судья назначает эту меру на срок не более двух лет (ст. 763-10 УПК Франции). Судья имеет право эту меру изменить, дополнить

или отменить (ст. 763-11 УПК Франции). Электронное наблюдение может быть установлено не позднее одной недели до освобождения осужденного (ст. 763-12 УПК Франции). Применение этой меры должно гарантировать уважение достоинства, целостности и неприкосновенности личности, содействовать ее ресоциализации.

Часть VII-в «Исполнение заключения и probation в соответствии с рамочным решением Совета Европы от 27 ноября 2008 г.» УПК Франции в четвертый раз регламентирует вопросы международного сотрудничества в Пятой книге УПК Франции, но уже под углом зрения probation. Часть очень объемна, состоит из 3 глав, 3 разделов и 43 статей (ст. 764-1–764-43):

- 1) общие положения;
- 2) положения, касающиеся признания и исполнения решений о probation в государствах Совета Европы, вынесенных французскими судами;
- 3) положения, касающиеся признания и исполнения решений о probation во Франции, вынесенных судами стран Европейского союза:
 - а) принятие просьб о признании и исполнении решений о probation;
 - б) признание и исполнение решений о probation;
 - в) контроль исполнения probation, альтернативных мер и последующих решений в случаях непризнания.

Институт probation неизвестен российскому законодателю, но это эффективная форма контроля осужденного со стороны государства и гражданского общества, о необходимости которой неоднократно упоминалось в юридической литературе [4, 5].

Часть VII-г «Наказания по программе проверки» УПК Франции, состоящая из одной статьи (ст. 764-44), также удивительна и актуальна для отечественного правоприменителя. Речь идет о результатах работы французского антикоррупционного агентства, которое не реже одного раза в год предоставляет прокурору Республики отчет о результатах работы по этому направлению. В статье предусмотрено, что любой осужденный может сообщить прокурору о фактах коррупции или злоупотреблениях со стороны персонала (во французском языке это элегантно называется «о трудностях исполнения наказаний»). В случае подтверждения указанных «трудностей» прокурор может передать материалы дела пенитенциарному судье для *досрочного прекращения приговора* по мотивированному постановлению. Ничего подобного в УПК РФ нет, как и нет французского закона о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизацией экономической жизни (от 9 декабря 2016 г.). Наивно считается, что в этом просто нет никакой необходимости! Несмотря на то что в 2017 г. директор ФСИН России А. Реймер был осужден на 8 лет за преступление коррупционной направленности, коррупционные скандалы с высокопоставленными сотрудниками регулярно сотрясают это ведомство.

Часть VIII «О юридическом учете (о судимости)» УПК Франции состоит из 26 статей (ст. 768–781). Эти отношения регулируются также 33 статьями (ст. R62 – R90 УПК Франции) декретов Государственного Совета, а всего 59 статьями. Если в ст. 400 УПК РФ очень компактно и в самом общем виде говорится только о возможности снятия судимости, то во французском законодательстве судимость рассматривается гораздо шире. Это и постановление на один из трех видов централизованного учета (по степени тяжести), осуществляемого Министерством юстиции; и правовые последствия, ограничения, исправления; и перечень субъектов, которым могут быть предоставлены эти сведения (не только правоохранительным органам, но и работодателям, кредитно-финансовым, административным, международным и иным органам). Отсутствие регламентации подобных вопросов в отечественном законодательстве означает использование в необходимых

случаях сомнительного усмотрения со всеми его репрессивно-бюрократическими характеристиками, не ограниченными никакими демократическими правилами и институтами.

Часть IX «Реабилитация заключенных» УПК Франции состоит из 2 глав и 18 статей (ст. 782–799). Если в отечественном законодательстве гл. 18 УПК РФ «Реабилитация» состоит из 7 статей, то в УПК Франции их 18, и даже целая глава посвящена реабилитации юридических лиц.

Часть X «Судебные издержки» УПК Франции состоит из 16 статей (ст. 800–803-7) и 133 статей (ст. R91–R249-8) декретов Государственного Совета, а всего 149 статей. Эта часть очень объемна потому, что в ней оговариваются абсолютно все потенциально возможные издержки, начиная от уголовного или восстановительного правосудия, полиции, гонораров экспертам, специалистам, в том числе за выполнение функций социального контроля, вспомогательному персоналу, медиаторам, представителям прокуратуры, переводчикам, иным вспомогательным специалистам по электронному обслуживанию и техническим средствам, расходы на поисковые и копировальные услуги, по архивной и проверочной деятельности для оправданных, по работе с несовершеннолетними, специалистам по защите детства, ипотечной регистрации и т. д. В отличие от такого широкого подхода в отечественном законодательстве вопросы процессуальных издержек прописаны поверхностно, им посвящены только две статьи (ст. 131–132 УПК РФ). По отечественному законодательству все остальное издержками не признается, хотя в действительности субъекты могут нести большие потери в связи с уголовным преследованием.

Раздел УПК Франции, состоящий из статей декретов Государственного Совета, посвящен следующим вопросам:

– международное сотрудничество (раздел особых производств как упрощенная процедура для обмена информации, применяемая в рамках Совета Европы) – пять статей (ст. R49-35–R49-39);

– электронное наблюдение – три части: 31 статья в части «Об электронном наблюдении» (ст. R57-10–R57-30-10); 41 статья в части «Установка мобильного электронного наблюдения в качестве меры безопасности» (ст. R61-7–R61-42) и 11 статей в части «Мобильный электронный детектор приближения» (ст. R61-43–R61-53), а всего эти отношения урегулированы 83 статьями;

– «Об отложении» – 4 статьи (ст. R58–R60-1);

– «О социально-судебном наблюдении» – 8 статей (R61–R61-6);

– «О юридическом учете (судимости)» – 33 статьи (ст. R62–R90);

– «О судебных издержках» – 133 статьи (ст. R91–R249-8).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Французское уголовно-процессуальное законодательство рассматривает исполнение приговора как составную часть исполнительного производства – более широко явления, которое распространяется как на этап предварительного расследования (заключение под стражу, наложение ареста, электронное наблюдение и т. д.), так и на вопросы деятельности пенитенциарных учреждений, международного сотрудничества, технического контроля, юридического учета и др. Такие вопросы в отечественном правоведении традиционно относятся либо к другим стадиям и разделам самого уголовного процесса (например, предварительное расследование, меры уголовно-процессуального принуждения), либо к другим отраслям права (например, уголовного, уголовно-исполнительного), либо к другим отраслям знаний (например, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность), хотя указанные правоотношения остаются по своей природе

именно уголовно-процессуальными, на что обращалось внимание в юридической литературе [1, 6, 7], а уголовно-процессуальные отношения должны регулироваться именно УПК РФ для недопущения нарушений единообразного регулирования. Имеющийся в России Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» не может считаться равноценным аналогом французского исполнительного производства, так как он в своих 130 статьях регулирует узкий круг правовых отношений, связанных исключительно с деятельностью пристава-исполнителя.

2. Рассматриваемые отношения получили в УПК Франции чрезвычайно подробную, всестороннюю и детальную регламентацию. С одной стороны, сюда входят явления, хорошо известные российскому уголовно-процессуальному законодательству (апелляционное производство, международное сотрудничество, реабилитация заключенных, исполнение предварительного заключения, судебные издержки и др.), уголовному или уголовно-исполнительному законодательству (положения о пенитенциарных учреждениях, о судимости, об общественных работах, перевод заключенных, денежные средства заключенных, запрет пребывания, электронное наблюдение в целях обеспечения безопасности, упрощенные процедуры исполнения наказаний и др.). С другой стороны, во французском законодательстве закреплены уголовно-процессуальные институты, отсутствующие в УПК РФ (пробация, судебские заседатели, судебская комиссия по применению наказания, социально-судебное наблюдение, кредит на сокращение срока наказания, период безопасности, наказание по программе соблюдения и др.). Именно таким широким подходом объясняется, почему Пятая книга УПК Франции состоит из 622 статей, в том числе 416 статей законодательной части и 206 статей декретов Государственного Совета.

3. Яркой отличительной особенностью французского уголовно-процессуального законодательства является его демократичность, соблюдение принципов и фундаментальных положений, реальное уважение прав и свобод человека и гражданина. Хотя упомянутое постановление Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» также подтвердило необходимость более широкого и демократичного понимания требований положений исполнения приговора гл. 47 УПК РФ, в настоящее время такое решение 10-летней давности уже воспринимается не иначе как наивное по следующим причинам. Во-первых, репрессивность современного уголовно-процессуального законодательства возросла с 71 % в 2017 г. до 91,6 % в 2020 г. [7, с. 71]. Во-вторых, аналогичная тенденция дублируется современной практикой правоприменения. Тем не менее мы считаем, что демократичность законодательства не является наивной вещью, у нее большие потенциальные возможности.

4. Широкое понимание исполнительного производства повышает статус не только УПК Франции, но и уголовного процесса в целом. По степени объема, значимости и сложности уголовно-процессуальные отношения превосходят уголовно-правовые, закрепленные в УК Франции. Если УПК Франции на сайте Legifrance занимает 1704 страницы, то УК Франции – 391 страницу, или в 4,7 раза меньше. При этом следует иметь в виду, что в стране нет уголовно-исполнительного кодекса.

5. Историческая близость корней российского и французского уголовно-процессуального законодательства наталкивает на мысль о проведении критической переоценки УПК РФ и введении в его структуру исполнительного производства для более детальной и демократической регламентации уголовно-процессуальных отношений с перспективой их унификации с европейской системой. А если посмотреть шире, то и

задуматься, не стоит ли отечественный УПК приблизить к французскому (или другому европейскому)? Ведь по здравой логике рано или поздно мы все равно к этому должны прийти, и немаловажно, что путь к этой цели способен существенно повысить статус уголовного процесса.

Представляется, что эти вопросы достойны обсуждения.

Библиографический список

1. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2006. 192 с.
2. Белоносов В. О. Уголовно-процессуальное законодательство в 2017 году // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 100–104.
3. Белоносов В. О. Тюрьмы Франции: аспект делегированного управления : монография. Самара : Амирит, 2021. 186 с.
4. Уткин В. А. Европейские правила о пробации и проблемы ее реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1. С. 45–50.
5. Уткин В. А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.
6. Маликова Н. Б. Процессуальные нормы уголовно-исполнительного права и их функции при исполнении лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 23 с.
7. Белоносов В. О. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 4. С. 67–72.

УДК 343.244.24

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.359-365

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права и криминологии,

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация,

e-mail: malikov_bz@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Для цитирования

Маликов, Б. З. Сущность и правовые основы применения принудительных работ / Б. З. Маликов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 359–365. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.359-365.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы актуальности применения принудительных работ как альтернативы лишению свободы в механизме депенализации. В настоящее время эти важные аспекты уголовной и уголовно-исполнительной политики государства оцениваются на уровне политико-правовой и теоретической проблемы в реализации задач сокращения затрат государства на функционирование исправительных учреждений, снижения численности осужденных, содержащихся в них, а также повышения социальных возможностей труда в процессе исправления осужденных. В силу этого автор проводит экскурс в историю формирования правовых и организационных предпосылок создания в России механизма альтернатив лишению свободы, которые стали частью системы видов уголовных наказаний, альтернативных санкций, институтов смягчения наказания и освобождения от его отбывания. Особое внимание уделяется оценке сущности и правовым основам применения судами принудительных работ, вопросам совершенствования их исполнения.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, принудительные работы, труд осужденных, ограничение свободы.

Современная уголовная и уголовно-исполнительная политика в России формируется на основе учета постсоветских объективных экономических и социальных факторов и предпосылок дальнейшего развития социума. Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. отражало факт разрыва с советским и социалистическим прошлым. В своем содержании она несла и несет дух идей и принципов развития капиталистического индустриального общества производства и потребления, а также мирового опыта социального устройства, ориентированного на приоритет прав и свобод человека. Последу-

© Маликов Б. З., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ющие постсоветские четверть века показали, что капитализм в России «приживается» с определенными социальными издержками. Постсоциалистический бизнес и капиталистическое производство изначально не были четко ориентированы на социальные обязательства и цели качественного обустройства страны и жизни народа, о чем было отмечено Президентом Российской Федерации В. В. Путиным [1]. Сам процесс «реставрации» капитализма в России спровоцировал у части населения в определенной мере социальную дезориентацию и деградацию, подтолкнул к проявлениям криминального поведения. Причинами тому стали не в полной мере правомерная по характеру и форме проведения приватизация социалистической собственности, разгосударствление системы экономики и хозяйствования. Ведь это все составляло экономическую основу социальной конструкции страны, системы координации и выравнивания уровня жизни на всем огромном по масштабам пространстве России и разнородности регионов от Центра. За «обрушением» механизма прежней экономики и социального устройства страны последовали проявления безработицы и нищеты.

Безусловно, состояние правопорядка в Российской Федерации немыслимо без устойчивой системы правоотношений, одним из важных векторов которых является уголовно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Нами отмечено ранее, что в постсоветской России возникли совершенно иные социальные предпосылки криминализации населения на собственной экономико-социальной основе. Для криминологов, специалистов в области уголовного и уголовно-исполнительного права эти факторы не остались незамеченными. Ведь они должны были повлечь за собой и соответствующие изменения в содержании политики противодействия криминалу, совершенствование механизмов правосудия и уголовно-исполнительной деятельности. Ежегодно в России совершается свыше 2 млн преступлений, к уголовной ответственности привлекается более 1 млн чел. Судами осуждается к наказаниям свыше 500 тыс. чел., в том числе почти 150 тыс. чел. к лишению свободы [2], количество которых в местах лишения свободы остается еще значительным.

Стремление к формированию эффективной уголовной и уголовно-исполнительной политики с наличием реальных механизмов депенализации в процедурах применения и исполнения уголовных наказаний является оправданной и проверенной временем перспективой. Об этом свидетельствуют как данные по сокращению применения судами наказания в виде лишения свободы, так и практика исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Практика условного осуждения в целом оправдывает их применение, особенно в отношении несовершеннолетних лиц.

Одним из приоритетных направлений современной уголовной политики в применении наказаний является осуществление последовательной депенализации в реализации уголовной ответственности и расширение практики перехода от более строгих наказаний к более мягким их видам. В числе ряда альтернативных мер применению лишения свободы на определенный срок стало наказание в виде принудительных работ. Оно классифицируется в качестве основного вида наказания (ст. 45 УК РФ) и введено в санкции более 340 составов преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации как альтернатива лишению свободы при осуждении за преступления небольшой и средней тяжести, а также за тяжкие преступления, совершенные впервые, на срок не свыше 5 лет (ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ). Основным условием такой замены лишения свободы на принудительные работы является вывод суда о возможно-

сти исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. Для исполнения принудительных работ создано и функционирует в системе УИС России 108 исправительных центров (ИЦ) и изолированных специализированных участков ИЦ [3], на учете которых состоит 6669 осужденных [4].

Вопросам оценки правовой сущности принудительных работ посвящен ряд работ в теории уголовного права, криминологические аспекты личности осужденных этой категории подвергались исследованию в трудах ученых-криминологов и специалистов уголовно-исполнительного права. Правовая характеристика принудительных работ позволяет оценивать их в целом как уголовное наказание с присущими ему признаками. Это наказание включено в систему наказаний ст. 44 УК РФ под п. 3.1 после наказания «ограничение свободы» и перед наказанием «арест». Такое местоположение позволяет констатировать, что законодатель относит его к категории пограничного вида наказания. Ведь его «соседство» с ограничением свободы является свидетельством тому, что оно остается наказанием, основу которого составляют правоограничения, сохраняющие осужденным право широкого взаимодействия с институтами гражданского общества. Тем самым они не суживают их право на свободу до пределов изоляции от общества. Для них свобода остается социальным благом и основным фактором их исправления. Вместе с тем принудительные работы размещены законодателем перед более строгим видом наказания – арестом. Это их местоположение указывает на то, что они по строгости и ограниченности права на свободу достаточно близки к процедурам изоляции физических лиц от общества. Нормы уголовно-исполнительного законодательства указывают на сущность и характер правоограничений в принудительных работах. Осужденные к принудительным работам, как правило, отбывают наказание по месту жительства и размещаются для проживания в общежитиях исправительного центра для обеспечения за ними надзора (ст. 60.1, 60.11 УИК РФ). Дополнительным ограничением для некоторой части осужденных является то, что при отсутствии исправительного центра по месту жительства они могут направляться для отбывания наказания в другой субъект Российской Федерации. В целях соблюдения принципа равенства и в качестве компенсации за дополнительные правоограничения такие осужденные должны иметь право на погашение судимости по истечении шести месяцев после отбытия наказания. Это положение следует закрепить в п. 3 ч. 3 ст. 86 УК РФ.

Законодатель предусмотрел в ст. 53.1 УК РФ, что сущностью принудительных работ является привлечение осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Тем самым трудовое воздействие в режиме контроля исправительного центра сочетает в себе дух правосудия, государственного принуждения, исправительных начал и стремление осужденного к правомерному поведению. Они назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет. Из заработка осужденных производятся удержания по приговору суда от 5 до 20 %. В целях исправления осужденных и стимулирования их труда уголовное законодательство должно иметь норму, предоставляющую осужденным право обращаться в суд после отбытия 1/3 срока наказания с вопросом о снижении размера удержаний из их заработка в два раза либо об освобождении от удержания таковых. В качестве аргумента такой необходимости следует отметить то обстоятельство, что в советское время условно осужденные и условно освобожденные с обязательным привлечением к труду (аналог принудительных работ) уклонялись от отбывания таких мер. Более того, многие из них из-за низкой оплаты труда вместо материальной помощи семьям «истощали» их бюджет, требуя от них средства на питание и быт, а некоторые совершали корыстные преступления.

Принудительные работы должны быть применимы ко всем категориям осужденных, которые отбыли 1/2 срока лишения свободы в порядке замены и в течение года не имели нарушений режима и дисциплинарных взысканий. Почему возможна такая постановка вопроса в механизмах депенализации? Мы полагаем, что в современных социальных реалиях исправление осужденных в местах лишения свободы представляется весьма нереальным и даже абсурдным. Рыночные экономические отношения усугубили проблему нравственности, изменили некоторые признаки правопослушной личности, стерли грани между гражданственностью и конформистским поведением. В социуме в настоящее время человек нередко прибегает к самореализации не посредством сложившихся стереотипов каких-либо отношений в коллективе, а посредством «вторжения» личности путем презентации своих индивидуальных качеств в конкретную социальную среду, игнорируя устоявшиеся коллективные формы взаимодействия. В современном мире вектор индивидуализма начал превалировать над коллективными формами и проявлениями. Эти особенности должны учитываться во всех формах работы с осужденными. Ведь еще в советское время ученые-пенитенциаристы, педагоги и психологи ставили под сомнение исправительную функцию мест лишения свободы, подвергая критике «позитивные» начала коллектива осужденных. В советской «тюремной» практике изоляции осужденных в ИТУ искажалась и сама исправительная сущность организации режима и труда осужденных под «гнетом» давления изоляции, криминальной субкультуры и неформальных нормативов. Известно, что по причинам «злоупотреблений» и деформаций был отменен институт самодеятельных организаций осужденных в исправительных учреждениях. Возможно, есть необходимость и в переосмыслении целей наказания, а также функциональной сущности мест лишения свободы осужденных не как «исправительной», а как «уголовно-исполнительной». В связи с этим есть смысл наименования исправительных учреждений для исполнения лишения свободы изменить на уголовно-исполнительные учреждения: колонии общего, строгого и особого режимов; тюрьмы, лечебные учреждения, воспитательные учреждения (для несовершеннолетних осужденных). Несовершеннолетние осужденные к лишению свободы должны быть изолированы от общества не в карательных и исправительных целях, а в целях включения их в принудительный процесс социализации (воспитания, обучения, привития навыков правопослушного поведения, развития личных способностей и интереса к труду, привития алгоритмов по выстраиванию позитивных и конструктивных отношений в семье, коллективе, обществе). В силу этого учреждения для исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних лиц следует именовать воспитательными учреждениями (как вид уголовно-исполнительных учреждений). Отметим, что несовершеннолетние осужденные, освобожденные от отбывания этого вида наказания в порядке оснований нормы ч. 2 ст. 92 УК РФ с применением принудительной меры воспитательного воздействия, направляются в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Советская уголовная политика изначально формировалась на идее учета приоритета созидательной роли и позитивной сбалансированности интересов трудящихся в социуме, в котором криминальное поведение в перспективе будет лишено негативных социальных и межличностных предпосылок. Однако для этого необходимо было пройти длительный путь формирования новых экономических социалистических отношений, создания достойных устойчивых условий жизни для трудящихся, воспитания большинства членов советского общества на социалистических духовных началах, идеях о реальных факторах реализации прав и свобод личности как всесторонне развитых индивидах социума с активной жизненной позицией, сплоченных осознанием своей

значимости в общих делах во имя своего блага и Отечества. Большинство безграмотных советских граждан того времени в целом восприняли новый, не ведомый никому ранее поворот в своей жизни в направлении решительных перемен в сторону социализма и поддержали его.

Вместе с тем в теории социализма слабым местом, на наш взгляд, оказалось то положение, что народ можно «перевоспитать» – коренным образом изменить его мировоззрение, сделать восприимчивым к новым обычаям и традициям, способным исключать из сознания значимость связи поколений и многое другое, что имело место в жизни предков и предшествующих поколений, изменить систему отношений, сформировать более осознанное и ответственное поведение каждого. Тем не менее в практической стороне дела советская власть и государство должны были определиться в вопросах противодействия криминалу, основную массу субъектов общественно опасного поведения которого составляли трудящиеся люди. В связи с этим было решено, опираясь на инициативу В. И. Ленина, изменить характер и содержание уголовной политики РСФСР. Гуманизация уголовно-карательной политики и практики должна была осуществляться в направлении перехода «от тюрем к воспитательным учреждениям» и дополнена механизмами депенализации. Первыми реальными мерами в этом направлении стали: а) введение в систему наказаний нового их вида – принудительных работ без лишения свободы; б) применение условного осуждения; в) расширение практики смягчения наказания и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; г) амнистия, прочно вошедшая в систему форм реализации уголовной ответственности. В дальнейшем механизм депенализации совершенствовался, но размах «перевоспитания» путем применения наказания в виде лишения свободы осужденных за контрреволюционные преступления, саботаж власти и откровенный криминал обрели значительные масштабы в стране, за которыми «позитив» новых институтов уголовного и исправительно-трудового права выглядел весьма скромно. По указанным причинам за годы Великой Отечественной войны и первое десятилетие после победы в стране в местах лишения свободы было сосредоточено более 2,5 млн граждан СССР. Деизоляция осужденных в 1953 г. в форме широкой амнистии привела к резкому всплеску криминала. Страна и правоохранительные органы не были готовы взять под контроль свыше 1 млн освобожденных из ИТУ лиц, имеющих криминальный и тюремный опыт, способных и готовых к преступному промыслу в форме насилия, краж, грабежей, разбоев и бандитизма. Ошибки механизма депенализации в форме амнистии заставили эту практику реализации уголовной ответственности применять весьма продуманно, избегая при этом принятия необоснованных решений. Последующее десятилетие в СССР стало периодом реформ уголовно-судебного механизма, исправительно-трудовой системы и политики государства в сфере борьбы с преступностью, укрепления правопорядка и законности. В обновленное уголовное и исправительно-трудовое законодательство РСФСР в начале 1960-х годов были внесены изменения, которыми предусматривалось: а) перевод осужденных из исправительно-трудовых учреждений в колонии-поселения; б) осуждение к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления»).

Появление нового типа исправительно-трудовой колонии было первой попыткой создать организационно-правовую форму отбывания лишения свободы без строгой изоляции осужденных. Колонии-поселения стали формой деизоляции осужденных к лишению свободы и элементом механизма депенализации в механизме применения

судами лишения свободы. Следующим значимым этапом сокращения числа осужденных в местах лишения свободы, ограничения применения изоляции осужденных в качестве наказания, а также обеспечения «специализации» системы ИТУ на содержании в них осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, при рецидиве преступлений, злостных нарушителей режима, криминальных авторитетов стал институт условного освобождения из мест лишения свободы и условного осуждения с обязательным привлечением осужденных к труду. Для этих целей Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. были заложены политико-правовые основы нового института применения уголовно-правового принуждения. На основании Указа из мест лишения свободы освобождению под надзор спецкомендатур органов внутренних дел подлежали лица, впервые осужденные на срок: а) до трех лет включительно; б) до пяти лет включительно, отбывшие не менее одного года; в) до десяти лет включительно, отбывшие не менее двух лет; г) свыше десяти лет, отбывшие не менее пяти лет лишения свободы. Кроме того, фактором ослабления карательной политики стало принятие Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Данные политико-правовые и организационные меры были направлены на решение народно-хозяйственных задач, трудовую занятость осужденных, восстановление или сохранение социально полезных связей, семейных отношений, приучение их к правопослушному поведению под надзором органов внутренних дел и дисциплине в трудовых коллективах. Развал СССР и социалистических экономических отношений привел к утрате экономической и организационной основы применения этой формы трудового использования осужденных, в которой объединены интересы осужденных, экономики государства, организации уголовно-исполнительной деятельности и правоохраны.

В современных экономических условиях, нам представляется, идея подобного трудового использования для целей широкого применения принудительных работ вполне заслуживает должного внимания. Мы склонны полагать, что в новых подходах к оценке значения принудительных работ следует видеть не возможность с помощью осужденных к этому виду наказания решить проблему замены на рынке труда в России рабочих-мигрантов, а решение более обстоятельно целого комплекса социальных и экономических вопросов нашей страны [5]. Ранее нами было отмечено, что государственное принуждение осужденных к труду под надзором исправительного центра – это не есть принуждение к труду. Государственное принуждение на основании приговора суда является сущностью уголовного наказания (ч. 1 ст. 43 УК РФ). В силу этого наказание в виде принудительных работ в своем наименовании должно отражать его специфическую сущность – обязательное привлечение осужденного к труду в условиях ограничения свободы. Принудительные работы должны иметь и соответствующее наименование – «социальный труд» или «социально значимые работы». Как вид наказания они представляют собой альтернативу лишению свободы, применяются судами с учетом трудоспособности и желания осужденных отбывать их в порядке замены основного наказания при его назначении или в порядке смягчения (ст. 80 УК РФ). Их применение основано на учете интереса каждого осужденного трудиться в условиях свободы и надзора, испытывать правоограничения, составляющие сущность данного вида наказания, соблюдать требования режима, не допускать правонарушений. Все эти моменты, присущие исполнению принудительных работ, имеют свою специфику. Это касается организации процедур исполнения наказания, надзора за осужденными, трудовой деятельности, жизнеустройства и поведения, а также формирования у них устойчивого правопослушного поведения.

Привлечение осужденных к принудительным работам из числа россиян к труду в условиях свободы нельзя расценивать как фактор, повышающий конкуренцию на рынке труда [6]. Во-первых, осужденные – это граждане нашей страны, оказавшиеся в неординарной жизненной ситуации, – принудительного воздействия процедур уголовного наказания, исключающих для них возможность свободного выбора поведения, личной социальной организации и реализации права на труд. Во-вторых, государство обязано создавать осужденным условия для реализации своего права на труд, на активное участие в трудовых отношениях, на достойный заработок. В-третьих, именно через умелую организацию труда осужденных можно достичь цели наказания, а также активизировать их интерес к всестороннему развитию и реализации своих интеллектуальных, физических, профессиональных, творческих способностей, удовлетворению личных и социальных потребностей. Организация труда с его значимыми социальными аспектами способна сбалансировать и оптимизировать сам процесс отбывания наказания, наполнить его содержание значимостью и смыслом, сочетающимся с интересами осужденных, исключить возможность упрощения его до состояния пустого и вредоносного времяпрепровождения за государственный счет (средства налогоплательщиков).

Библиографический список

1. Путин В. В. напомнил о важности социальной ответственности бизнеса // РИА Новости. URL : <https://ria.ru/20210311/biznes-1600776075.html> (дата обращения: 24.05.2021).
2. Статистика по судимости. URL : <https://pravo.ru/news/231097> (дата обращения: 30.05.2021).
3. Исправительные центры ФСИН России. URL : <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry> (дата обращения: 23.05.2021).
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // ФСИН России : официальный сайт. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Калашников А. Об организации исправительных центров для осужденных к принудительным работам и использовании их труда на крупных объектах, где не хватает рабочей силы, вместо мигрантов. URL : https://tass.ru/obschestvo/11420747?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.05.2021).
6. Россияне поддержали идею привлекать к работе заключенных вместо мигрантов. URL : <https://news.mail.ru/society/46543103/?frommail=1> (дата обращения: 01.06.2021).

УДК 343.25

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Для цитирования

Геранин, В. В. Смертная казнь в России: состояние и перспективы / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 366–377. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377.

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам и перспективам смертной казни. В ней последовательно рассматриваются юридические, экономические, социальные и духовно-нравственные аспекты смертной казни в России, анализируемые в разрезе восстановления ею своего полного суверенитета. При вступлении в Совет Европы Россия обязалась не применять смертную казнь, и до настоящего времени Конституционный Суд Российской Федерации считает эту договоренность главным и решающим основанием отказа от применения данного наказания. Авторы статьи полагают, что это один из результатов принятия ограниченного суверенитета, на который страна вынужденно пошла в 90-е годы прошлого века. Суверенитет государства обеспечивается не только его экономическими, политическими или военными возможностями. Не менее важной является духовная составляющая общества. В силу этого, в значительной мере восстановив паритет в других сферах (а в военной добившись преимуществ), пришло время воссоздания в России духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе исторического и культурного развития государства. Одним из важнейших скрепов, объединяющих российский народ, является торжество со-

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

циальной справедливости. Смертная казнь, применяемая за некоторые преступления (например, за убийство детей), воспринимается обществом именно как безальтернативное наказание, единственно способное восстановить нарушенную социальную справедливость. Судя по результатам многочисленных опросов, так считает 60–70 % населения. В случае выхода страны из Совета Европы, что вполне возможно в условиях усиливающегося противостояния России с коллективным Западом, автоматически утратят юридическое значение все договоры, связывающие ее с этой международной организацией, включая запрет на смертную казнь. В этих условиях, опираясь на мнение подавляющего числа населения, политическому руководству страны и ее законодательному органу не останется ничего иного, как вернуть смертную казнь в судебную и правоприменительную практику. Как следствие, законодателю придется пересмотреть правовое регулирование как оснований назначения, так и порядка исполнения пожизненного лишения свободы, которое сегодня многими воспринимается именно как альтернатива смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, Конституционный Суд Российской Федерации, суверенитет, нравственность, духовность, социальная справедливость.

В мае 2021 г. исполнилось 25 лет со дня принятия Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), который был подписан Президентом РФ 13 июня 1996 г. и вступил в силу с 1 января 1997 г. Кроме прочих важных новелл, отличавших его от предшествующего УК РСФСР 1960 г. (разворот к приоритетной защите прав и свобод человека вместо первоочередной защиты интересов государства, усиление ответственности за тяжкие преступления при одновременном ее снижении за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые, и пр.), в Кодекс было введено в качестве отдельного наказания пожизненное лишение свободы. До этого с 1992 г. оно применялось лишь в порядке помилования при замене смертной казни, поскольку отсутствовало в перечне уголовных наказаний, а потому не могло назначаться судами.

Первоначально, со времени вступления УК РФ в силу в 1997 г., и в течение восьми последующих лет пожизненное лишение свободы применялось исключительно как альтернатива смертной казни. Несмотря на то что в 2004 г. согласно изменениям, внесенным в ст. 57 УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации»), законодатель «отвязал» пожизненное лишение свободы от смертной казни, изъяв из его качественной характеристики альтернативность, оба эти наказания по-прежнему воспринимаются и рассматриваются большинством населения как коррелирующие друг другу уголовно-правовые меры. Это не случайно, поскольку в обществе не было, нет и даже в среднесрочной перспективе не предвидится выработки приемлемого для всех решения применительно к смертной казни как виду уголовного наказания. Собственно, дискуссия относительно ошибочности или, напротив, необходимости отмены использования смертной казни как безальтернативного средства защиты общества от наиболее тяжких и опасных преступлений началась еще в досоветский период истории России и с переменной интенсивностью продолжается до настоящего времени [1–9]. Можно сказать, что смертная казнь и все, что с ней так или иначе связано, – это одна из самых

обсуждаемых проблем в нашем обществе. Практически все известные медийные личности, представители науки, культуры, различных конфессий, политики в разное время высказывали свое отношение к данному вопросу.

По сути, общество разделено на две неравные части: на тех, кто хотел бы отмены моратория на смертную казнь (76 %), и тех, кто категорически против этого (14,5 %) [10]. Следует также отметить, что часть населения желает сохранить status quo (не отказываться от смертной казни, но при этом и не применять ее). За более чем полтора десятилетия дискуссии оппоненты исчерпали все возможные аргументы правоты своей позиции, которые, впрочем, нисколько не поколебали точку зрения другой стороны.

В конечном счете наиболее важная, принципиальная причина противоречий во взглядах заключается в абсолютно разной оценке социальных, нравственных, духовных и юридических последствий влияния смертной казни на общество. Сторонники ее применения утверждают, что это наказание полезно, поскольку достигает реализации двух его основных целей: оказывает мощное профилактическое воздействие и восстанавливает социальную справедливость. Да, об исправлении, разумеется, речь не идет, но оно, по мнению отдельных теоретиков, лишь постулируется законодательством в отношении и других наказаний, а потому имеет сугубо теоретическое значение. Отметим, что относительно исправления как цели наказания также идет оживленная дискуссия и авторы данной статьи придерживаются иной точки зрения.

Противники смертной казни утверждают, что она не оказывает сколько-нибудь заметного предупредительного воздействия на преступность, а лишь усиливает уровень жестокости в обществе. Учитывая возможность неисправимой ошибки в деятельности суда и органов предварительного расследования, они считают наиболее приемлемой альтернативой смертной казни пожизненное лишение свободы. По их мнению, при этом достигаются все три цели наказания: пожизненное лишение свободы достаточно сурово, чтобы оказывать профилактическое воздействие и удовлетворять общественные запросы, а также не исключает шанса преступнику исправиться.

На наш взгляд, дальнейшее продолжение дискуссии в том же ключе бесплодно. Рациональнее сосредоточиться на том, существует ли сегодня у законодателя возможность выбора – изъять наказание в виде лишения свободы из Конституции РФ и УК РФ или начать его применение? Если выбирать первый вариант, прежде необходимо ответить на вопрос: в состоянии ли пожизненное лишение свободы быть равноценной заменой смертной казни?

На сегодняшний день в отношении правового регулирования смертной казни в России ситуация сложилась непростая. После провала ГКЧП и прекращения существования СССР как субъекта международного права в 1991 г. руководством РФ было принято стратегическое решение об избрании сближения с Западом важнейшим приоритетом внешней политики. В результате в 1992 г. Россию приняли в Международный валютный фонд, российский Президент впервые принял участие в саммите «Большой семерки», а 7 мая 1992 г. была подана заявка России на вступление в Совет Европы. Среди обязательств, которые Парламентская ассамблея поставила перед Россией, были в том числе ратификация и принятие Европейской конвенции по правам человека, а также ратификация Протокола № 6 об отмене смертной казни в мирное время. Если Конвенция в 1998 г. была ратифицирована (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»), то Протокол № 6 хотя и был подписан, но до настоящего времени не ратифицирован, а следовательно, не имеет для России юридически обязывающего значения.

Первым из подготовительных мероприятий к реализации выполнения названных требований было принятие Закона РФ от 17 декабря 1992 г. № 4123-1 «О внесении изменений в статью 24 Уголовного кодекса РСФСР», направленного на создание альтернативы смертной казни и расширение практики помилования приговоренных к ней осужденных. Тем не менее статистика помилований и приговоров, приведенных в исполнение, до времени вступления УК РФ в силу показывает значительные колебания: от 1 казненного в 1992 г. до 86 в 1995 г. [11].

В феврале 1996 г. Россия была принята в Совет Европы, а в мае того же года Президент РФ издал Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Хотя ожидавшееся объявление Указом моратория на исполнение смертной казни не последовало, с августа-сентября 1996 г. он начал действовать фактически, поскольку Президент перестал рассматривать дела приговоренных к смертной казни, а согласно ч. 4 ст. 184 УИК РФ без решения Президента РФ исполнение данного наказания невозможно.

Поскольку, во-первых, принятая в 1993 г. Конституция РФ допускает применение смертной казни, во-вторых, вступивший в силу в 1997 г. УК РФ предусматривает ее как один из видов наказаний и, в-третьих, так называемый мораторий так и не был закреплен даже президентским Указом, судам ничего не оставалось, как продолжать выносить смертные приговоры и после вступления России в Совет Европы. Успешная попытка выхода из данной правовой неопределенности была предпринята Конституционным Судом РФ, который своим постановлением от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» запретил судам назначать смертную казнь, обосновав свой запрет тем, что не во всех субъектах России на тот момент были созданы суды присяжных заседателей, участие которых по таким делам обязательно. В течение десяти последующих лет данное основание было единственным препятствием для применения исключительной меры. Следует признать, что с точки зрения легитимности такой подход был единственно приемлемым в отсутствие законодательного решения. Однако с завершением формирования в 2009 г. исполнительных органов муниципальных образований в Чеченской Республике, составляющих списки кандидатов в коллегии присяжных, у судов с 2010 г. вновь открывалась возможность назначать смертную казнь. Это означало бы неизбежный конфликт России с Советом Европы, к которому государство на тот момент не было готово. Во избежание противоречий в правоприменительной практике Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд РФ за разъяснениями.

По существу, перед Конституционным Судом РФ была поставлена задача, которую правомочен решить только референдум, поскольку речь шла о внесении изменений в главу 2 Конституции РФ. В силу этого Конституционный Суд ограничился рассмотрением только п. 5 резолютивной части своего постановления от 2 февраля 1999 г. Подтвердив необходимость продолжения действия запрета на применение смертной казни, Конституционный Суд обосновал свое решение тем, что Россия должна выполнять свои международные обязательства, на условиях исполнения которых состоялось ее приглашение в Совет Европы, а также сложившимся в стране конституционно-правовым

режимом. В результате этого в стране произошел необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни (определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»)).

Является ли данная аргументация достаточной для решения столь сложной проблемы? Некоторые специалисты называют ее не только небесспорной, но и малоубедительной [12, с. 198]. Возможно, с этими критическими замечаниями можно было бы согласиться, если не принимать во внимание то положение, в которое был поставлен Конституционный Суд. С одной стороны, международные обязательства, которые Россия стремится последовательно и неукоснительно выполнять, демонстрируя транспарентность и предсказуемость своей политики, с другой – отсутствие нормативно-правового решения: не ратифицирован Протокол № 6 об отмене смертной казни, не внесены какие-либо ограничения на ее применение ни в Конституцию, ни в уголовное законодательство. Необходимо было также принимать во внимание мнение большинства населения, согласно которому (на фоне не снижающегося на тот момент уровня преступности) смертную казнь предлагалось восстановить. В силу этого определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р продолжило проводимую государством линию по постепенной подготовке общества к изъятию смертной казни как одного из уголовно-правовых средств воздействия на преступность. Поскольку моратория как нормативного акта не существует (и не существовало), упомянутое постановление и определение Конституционного Суда РФ, воспринимаемые в совокупности, до сегодняшнего дня выступают единственным юридическим основанием, препятствующим применению в России смертной казни.

Давая определению Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р геополитическую оценку, Ю. А. Кизилев отметил, что в его разъяснениях возобладали принцип «реализации ограниченного суверенитета» с предоставлением приоритета «международно-правовой тенденции» и принятым на себя Российской Федерацией «обязательствам» [13, с. 92]. Таким образом, смертная казнь из юридической проблемы переросла в политико-правовую, имеющую как внутрисударственное, так и международное значение с решающим преимуществом последнего.

Особенностью внешнеполитического курса России, вне зависимости от обстоятельств, всегда было безусловное выполнение принятых международных обязательств, и в первую очередь ратифицированной Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (собственно, как того и требует Конституция РФ, в ст. 15 закрепившая приоритет международных норм над национальным законодательством). В силу этого на протяжении четверти века вхождения России в Совет Европы шансов на возобновление применения смертной казни в стране практически не было. В противном случае Россию могли ожидать санкции, среди которых допускалось ее исключение из того объединения, членом которого она ранее так стремилась стать.

На наш взгляд, с вхождением в Совет Европы Россия приобрела не столько политические дивиденды (особенно в начальный период), сколько экономические. Отметим, что Европейский союз являлся и на сегодняшний день остается крупнейшим экономи-

ческим партнером нашей страны, на долю которого приходится около 40 % российского товарооборота в сфере внешней торговли [14]. Государство в течение длительного периода просто не могло себе позволить потенциальный риск исключения из Совета Европы и связанные с этим негативные экономические и финансовые последствия. В то же время чрезмерная ориентация на Европу, обусловленная попыткой России интегрироваться в евроатлантическую систему, по существу, поставила страну в зависимость от нее. Осознание этой опасности привело к разработке и реализации новой внешнеэкономической стратегии России: постепенной внешнеэкономической переориентации на Восток. Справедливость такого подхода стала особенно ощутимой после 2014 г., когда страны коллективного Запада начали проводить агрессивную санкционную политику против России с целью ее «сдерживания». Желание поставить Россию «на место» у Запада зашло столь далеко, что он для ужесточения санкций стал использовать откровенные провокации (дела Скрипалей и Навального).

В условиях, когда, казалось бы, незыблемая категория «верховенство международного права» стала подменяться термином «порядок, основанный на правилах», у России для отстаивания своего суверенитета не осталось выбора, кроме как вводить ответные санкции. Если первоначально они касались лишь продуктов питания и некоторых товаров, то в последнее время обострившееся противостояние вынудило Россию к аналогичным действиям. Так, в мае 2021 г. в заявлении МИД России объявлено о запрете въезда в страну восьми представителям официальных структур ЕС, в числе которых и председатель Европарламента Д. Сассоли [15]. Отметим, что санкции, введенные против еврочиновников такого уровня, недвусмысленно выражают готовность России к разрыву отношений с Евросоюзом, о допустимости которого заявил глава МИД России С. В. Лавров [16]. Нужно полагать, данное высказывание свидетельствует о том, что Россия успешно осуществляет внешнеэкономический разворот и подготовилась к любому развитию событий. Выход России из Совета Европы, по утверждению постоянного представителя РФ при Совете Европы И. Солтановского, приведет к автоматическому выходу страны из ряда конвенций, в том числе из Европейской конвенции по правам человека (<https://iz.ru/1137013/2021-03-15/postpred-rf-rasskazal-o-posledstviakh-vykhoda-iz-soveta-evropy>). Одним из последствий также станет освобождение России от данных ею при принятии в Совет Европы обязательств и фактическое обнуление значения одного из двух основных факторов, определяющих судьбу смертной казни в России, – международно-правового. Одновременно с этим утратит значение и без того слабо аргументированная нормативно-правовая часть обоснования неприменения смертной казни, изложенная в определении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-Р.

Вторым важнейшим фактором, формирующим позицию законодателя в отношении смертной казни и серьезно влияющим на выбор точки зрения руководством страны, является мнение населения. Несмотря на некоторый разброс результатов проводимых в стране опросов, общая тенденция очевидна – подавляющее большинство жителей полагает необходимым возврат к применению этого наказания. Так, по данным опроса населения, проведенного Госдумой в октябре 2019 г., возможность применения смертной казни в России не отрицали 73 % опрошенных; опрос, проведенный аналитическим центром «Левада-Центр» в октябре 2019 г., – 73 %; опрос РИА Новости в ноябре 2019 г. – 69 %; опрос ИА REGNUM в феврале 2020 г. – 85 % (<https://rg.ru/2019/10/11/reg-pfo/gosduma-zapustila-opros-o-smertnoj-kazni-posle-ubijstva-devochki-v-saratove.html>; <https://ria.ru/20191101/1560486013.html>; <https://regnum.ru/news/society/2844498.html>). Не думаем, что столь высокой доля сторонников смертной казни была бы без резонансного убий-

ства ребенка, произошедшего в октябре 2019 года в г. Саратове. Именно оно послужило триггером для резкого прироста этой части участников опроса, и в данном случае не так уж важно, что большинство считает допустимым применять смертную казнь только к педофилам, виновным в убийстве детей. Главное в другом – общество (от сенатора до домохозяйки) не отрицает саму возможность применения исключительной меры наказания. Представляется, что массовое убийство школьников казанской гимназии в мае 2021 г., судя по многочисленным высказываниям в СМИ, лишь прибавило число сторонников смертной казни. В проведенных после этого события исследованиях, ввиду очевидности ответов, вопрос об отношении населения к смертной казни даже не ставился. Его заменили выяснением основных причин преступления и предложений по ужесточению правил оборота оружия (<https://www.levada.ru/2021/05/31/tragediya-v-shkole-v-kazani>).

Одним из основных аргументов противников смертной казни является утверждение о том, что современное цивилизованное общество не может себе позволить сохранять примитивное и низменное чувство – месть [3, 7]. Следовательно, такое наказание – это негуманная мера, реализуемая посредством узаконенного умерщвления приговоренного государством, хотя моральные правомочия у последнего отсутствуют [17, с. 499].

В действительности, как справедливо указывал профессор Н. А. Стручков, «наказание – кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство отплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали» [18, с. 59–60]. Отметим, что нередко такие категории, как «мораль», «нравственность», «общечеловеческие ценности», используются лишь в качестве средства манипулирования человеческим сознанием. Особенно это характерно для описания отношения общества к смертной казни. Аболиционисты (сторонники отмены смертной казни), обосновывая свою позицию, призывают к гуманизму, человеколюбию, защите общечеловеческих ценностей, толерантности, ставя в пример прежде всего европейские государства, причем перечисленные термины, по их мнению, характеризуют только те просвещенные и цивилизованные общества, в которых отказались от смертной казни, тогда как ее использование свидетельствует об отсталости и даже варварстве таких государств.

Для того чтобы пояснить нашу позицию, необходимо разобраться с терминами, используемыми участниками дискуссии. Наиболее часто обеими сторонами используется понятие «мораль», синонимом которой многие ошибочно называют «нравственность». В действительности если мораль – это система норм и принципов, определяющих поведение человека в обществе, и выступает (как и право) в качестве всеобщего регулятора общественных отношений, то нравственность присуща отдельному индивиду. Другими словами, мораль – это выработанный в данном конкретном обществе идеал человеческого поведения, а нравственность – реальные поступки индивидуума, зависящие от его воли и сознания. Мораль исторически и социально обусловлена, а потому нестабильна и обновляется вслед за существенными изменениями в жизни общества. Так, если в конце XIX в. известный английский поэт и писатель О. Уайльд был осужден к двум годам каторжных работ за гомосексуализм, то в XXI в. за признанные гомофобными слова о том, что семья – это добровольный союз одного мужчины и одной женщины, лондонской полицией был арестован пожилой проповедник (<https://polit.info/538916-v-londone-arestovali-svyashennika-za-gomofobnye-citaty-iz-biblii>). Примерно за 200 лет моральные ценности английского общества, за которыми последовал и закон, сменились на противоположные.

Кроме морали и нравственности, социология, культурология, психология оперируют таким понятием, как «духовность», под которой понимаются объединяющие общество начала, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций. Для России, оказавшейся сегодня одной из немногих развитых стран, сохранивших традиционные понятия и ценности, и не принимающей навязываемые ей под видом толерантности однополые браки, распространение ЛГБД идеологии, эвтаназию, нет иного выхода, кроме как решительно отстаивать свой менталитет, причем речь идет уже не о настоятельных рекомендациях, а о принятии обязывающих норм. В частности, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) обязал Россию обеспечить правовую основу для заключения однополых браков. Аргументы Правительства РФ о том, что это противоречит интересам сообщества в целом, были отклонены. Посредством отказа однополым парам регистрировать брак Россия вышла за рамки предоставленной ей свободы усмотрения [19].

Подчеркнем, что суверенитет государства обеспечивается не только его экономическими, политическими или военными возможностями. Не менее важной является духовная составляющая общества. Многими исследователями отмечалось, что наша страна на рубеже веков стагнировала именно из-за утраты национальной идеологии. Более того, некоторые из них отмечают, что начавшийся «процесс возрождения духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе протекает не благодаря государству, а органически, спонтанно» [20, с. 101]. В отличие от нестабильной морали духовность не подвержена значительным колебаниям. В ней выкристаллизованы ценности, имеющие цивилизационное значение, сохранившие так называемую народную нравственность. Не случайно духовность нередко связывают с верой, религией, играющей важную роль в жизнедеятельности государства и тысячелетиями хранящей и проповедующей общечеловеческие ценности, формирующие культурный код нации.

В России ведущей является православная вера, которую, по данным ВЦИОМ на 2021 г., исповедуют 66 % россиян [21]. Другими словами, это подавляющее большинство верующих нашей страны. В связи с этим важно подчеркнуть, что в 2000 г. были приняты Основы социальной концепции Русской православной Церкви, в разделе IX которых отмечается, что «вопрос об отмене или неприменении смертной казни должен решаться обществом свободно, с учетом состояния в нем преступности, правоохранительной и судебной систем, а *наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества* (выделено нами. – В. Г., С. М.)». Позиция Русской Православной Церкви как социального института выражена недвусмысленно: «Особая мера наказания – смертная казнь – признавалась в Ветхом Завете. Указаний о необходимости ее отмены нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви» (<https://pravbiblioteka.ru/reader/?bid=69763>).

В поисках национальной идеи, являющейся стержнем национального самосознания, смыслом существования народа и утраченной с развалом Советского Союза, в стране идут острые дискуссии, в ходе которых обсуждаются ее различные варианты, включая патриотизм. Не отрицая значения патриотизма как объединяющего общество социального чувства и его тесную связь с содержанием понятия «национальная идея», мы полагаем, что более обобщающей категорией все же является справедливость, или, точнее, социальная справедливость. Под этим термином чаще всего понимается соответствие подлинной ценности конкретных людей, групп или профессий их реальным условиям жизни и положению в обществе, то есть соответствие деяний воздаянием, прав – обязанностям, заслуг – получаемым благам [22, с. 6].

Для России на всем пути ее исторического развития основной объединяющей идеей было и остается торжество справедливости. Одновременно ощущение ее отсутствия становилось главной причиной недовольств, смут и волнений больших народных масс. Именно идея создания государства и общества, основанных на стремлении населения к справедливости, лежала в основе лозунгов, используемых РСДРП для привлечения на свою сторону миллионов граждан России и позволившая в 1917 г. с такой легкостью свергнуть самодержавие. Подчеркнем, что и по прошествии более чем 100 лет запрос населения России на формирование государства, основанного на концепции социальной справедливости, все так же высок. Так, по итогам 2019 г. Россия вошла в число стран с самым высоким уровнем социального неравенства: 82 % личных богатств сконцентрировано у 10 % населения страны, а 45 % национального дохода контролирует всего 1 % населения [23, с. 3]. По мнению профессора Г. В. Гречихина, ситуация такова, что увеличивающееся с каждым годом социальное неравенство и расслоение общества вызывают у огромной части людей недовольство проводимой социальной политикой, что в конечном итоге приводит к возрастанию недоверия к власти [24]. В силу этого основные усилия правительства страны, на наш взгляд, должны быть направлены прежде всего на поэтапное сокращение социального неравенства и утверждение социальной справедливости в качестве внутригосударственной стратегии страны. Разумеется, речь идет не о разработке утопической модели построения общества (некоего аналога «Города Солнца»), в котором будет достигнуто абсолютное социальное равенство и отсутствовать несправедливость. Эта мечта человечества нереализуема, поскольку не согласуется ни с биологическими, ни с экономическими законами, ни с законами социального развития. Особенностью справедливости как оценочного понятия является то, что она всегда индивидуальна и потому нередко разнонаправленна. Например, с тем, что в решении суда признается справедливым стороной обвинения, вряд ли согласится сторона защиты, и наоборот. Истинным мерилom справедливости того или иного события или поступка может выступать не мнение индивида и даже не группы людей, а позиция общества, то есть того, что мы в данном конкретном случае понимаем под словом «народ», и тогда оценочная и потому субъективная категория «справедливость» уступает место социальной справедливости, опирающейся на мнение подавляющего большинства населения страны.

Если согласиться с тем, что социальная справедливость – важный, если не важнейший показатель создания гармоничного и процветающего общества, а достижение социального равенства (равенства возможностей) – основная линия внутренней политики государства, нельзя не отметить прозорливость разработчиков Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В наиболее сложный для нашей страны за все послевоенные годы период, характеризовавшийся глубоким экономическим и политическим кризисом, традиционные цели уголовного наказания были дополнены еще одной – восстановлением социальной справедливости.

В отсутствие нормативно-правового определения данной цели анализом ее понятия и содержания занимается наука. Так, профессор А. В. Наумов, характеризуя ее восстановительный характер, отмечает, что допущенная в результате совершения преступлений социальная несправедливость нейтрализуется применением имущественных уголовно-правовых санкций. В тех же случаях, когда преступление приводит к смерти или причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего, социальная справедливость восстанавливается (насколько это возможно в данном случае) назначением преступнику длительного срока лишения свободы [25, с. 364]. Близкой позиции придерживаются

и авторы, выделяющие компенсационный характер цели восстановления социальной справедливости, предполагающий материальное возмещение всех расходов, понесенных жертвой преступления [26, с. 42].

Соглашаясь в целом с рациональностью упомянутых характеристик, основывающихся прежде всего на активных действиях виновного по заглаживанию вреда, все же отметим, что обе концепции бессильны при причинении смерти потерпевшему. В этом случае сколько-нибудь достаточно ни восстановить, ни компенсировать ущерб невозможно. Иное дело, когда государство после катастроф, стихийных бедствий, повлекших за собой человеческие жертвы, оказывает помощь семьям погибших. Эти действия не охватываются понятием «восстановление социальной справедливости», поскольку, как правило, отсутствовало само ее нарушение. Кроме того, как известно, любое преступление наносит вред не только конкретному лицу, но и обществу, социуму, причиня моральные и нравственные страдания большому кругу лиц и разрушая тем самым социальную справедливость. Именно поэтому правоохранительным органам нередко приходится прилагать немало усилий для защиты лиц, подозреваемых в убийстве или изнасиловании детей, от расправы, то есть от праведного гнева членов общества, бессознательно стремящихся восстановить социальную справедливость. Как нам представляется, их действиями руководит не столько желание отомстить (одно из древнейших человеческих чувств, которое никуда не исчезло и в наши дни), сколько осознание того, что в арсенале государства сегодня просто нет тех средств, с помощью которых можно восстановить нарушенную социальную справедливость – «отплатить душегубу по заслугам». На это указывают результаты многочисленных опросов, приведенные нами.

Таким образом, не каждое преступление можно компенсировать, используя материальные возможности виновного. За некоторые из них для восстановления социальной справедливости подавляющее большинство граждан безальтернативно требует лишения преступника жизни, и государство для укрепления единства общества вынуждено будет рано или поздно восстановить смертную казнь за отдельные преступления.

Заключение

Отношение к смертной казни по-прежнему разделяет общество на две неравные части: около 60–70 % населения за ее восстановление, остальные – против либо не определились с выбором. И каждое резонансное преступление увеличивает критическую массу. Сохранив смертную казнь в качестве одного из уголовных наказаний в Конституции РФ и УК РФ, политическое руководство страны и законодатель тем самым не исключают возможность вернуться в определенной ситуации к ее применению.

На сегодняшний день юридическим основанием неприменения смертной казни в России является не некий мораторий, связываемый рядом СМИ с именем экс-президента РФ Б. Н. Ельцина, а рассматриваемые в единстве решения Конституционного Суда РФ: постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П и определение от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р. Основным аргументом, не позволяющим России применять данное наказание, в этих документах названы международные обязательства России, принятые ею при вступлении в Совет Европы. В случае выхода страны из этой международной организации, вероятность которого в последние годы только возрастает, у политического руководства государства при решении судьбы смертной казни, не останется иного выхода, кроме как опираться на мнение населения.

Если и есть что-то общее, объединяющее большинство представителей всех слоев общества, то это – социальная справедливость. Выработавшаяся веками и составляющая основу национального самосознания социальная справедливость является

наиболее объективным инструментом оценки здоровья общества, его духовного единения. Между тем Россия входит в число стран с самым высоким уровнем социального неравенства. Устранение этой диспропорции, как свидетельствуют многочисленные опросы населения, является насущной задачей государства, причем ответы жителей нашей страны показывают, что речь идет не о подравнении всех по какому-то образцу, а в предоставлении всем равных возможностей и равенстве всех перед законом.

Называя восстановление социальной справедливости одной из целей наказания, УК РФ тем самым вносит значительный вклад в укрепление единства общества. В связи с этим отметим, что и разработчики теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации посчитали необходимым закрепить цель восстановления социальной справедливости, отсутствующую в действующем законе, в новом УИК РФ [27, с. 43].

Полагая необходимым возврат применения смертной казни, общество тем самым признает ее безальтернативность для восстановления социальной справедливости, нарушенной отдельными преступлениями. Судя по тому, как шаг за шагом Россия последовательно восстанавливает свой суверенитет и более не готова поступаться принципами, смертная казнь, согласно воле подавляющего большинства населения страны, начнет применяться в ближайшие годы. Уже сегодня нужно задуматься о том, каковы перспективы сохранения в нынешнем виде пожизненного лишения свободы, фактически являющегося альтернативой смертной казни.

Библиографический список

1. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000. 272 с.
2. Гернет М. Н. Смертная казнь. М. : Тип. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. 149 с.
3. Алексеев С. С. Жизнь – абсолютная ценность // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М. : Юридическая литература, 1989. С. 336–338.
4. Карпец И. И. Польза или зло? // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М. : Юридическая литература, 1989. С. 350–366.
5. Келина С. Г. Когда убивает государство: смертная казнь против прав человека. М. : Прогресс, 1989. 421 с.
6. Михлин А. С. Смертная казнь – быть ли ей в России? // Журнал российского права. 1998. № 10-11. С. 138–147.
7. Вицин С. Е. Время казнить в России закончилось? // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 10–12.
8. Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России. М., 2016. 758 с.
9. Побегайло Э. Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России. СПб., 2017. 475 с.
10. Нужна ли в России смертная казнь? Итоги опроса ИА Regnum. 3 февраля 2020 г. URL : <https://regnum.ru/news/society/2844498.html> (дата обращения: 23.06.2021).
11. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. 535 с.
12. Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // Lex Russica. 2016. № 7(116). С. 190–198.
13. Кизилов А. Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // Lex Russica. 2016. № 12(121). С. 79–94.
14. ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь – ноябрь 2020 г. URL : <https://customs.gov.ru/press/federal/document/263604> (дата обращения: 23.06.2021).

15. Заявление МИД России в связи с российскими ответными мерами на очередные санкционные решения ЕС от 30 апреля 2021 г. URL : https://www.mid.ru/web/guest/maps/ee/-/asset_publisher/mo1LgblkJbRf/content/id/4719537 (дата обращения: 23.06.2021).

16. Лавров заявил о готовности к разрыву отношений с Евросоюзом // РИА Новости. 2021. 12 февр. URL : <https://ria.ru/20210212/lavrov-1597157215.html> (дата обращения: 23.06.2021).

17. Дворецкий М. Ю., Анапольская А. И. Смертная казнь: за и против // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 497–502.

18. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 288 с.

19. ЕСПЧ обязал Россию узаконить однополюе союзы // Коммерсантъ. 2021. 13 июля. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4899483> (дата обращения: 13.07.2021).

20. Овчинников А. И. Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. 2016. № 6(79). С. 100–105.

21. ВЦИОМ. Великий пост. Аналитический обзор. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 03.07.2021).

22. Возьмитель А. А. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. 2016. № 8. С. 6–15.

23. Соловьева О. О. Россия оказалась в мировых лидерах по неравенству // Экономика. 2019. № 12. С. 3–5.

24. Гречихин Г. В. Проблемы социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5(147). С. 14–17.

25. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с.

26. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 2. 498 с.

27. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. М. : Юриспруденция, 2017. 326 с.

УДК 343.985.7:343.81

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.378-384

ТАЛЯТ АЛИЕВИЧ СУЛЕЙМАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент Института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре уголовного процесса и криминалистики,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru;

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент Института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре уголовного процесса и криминалистики,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: editor62@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Для цитирования

Сулейманов, Т. А. Преодоление противодействия расследованию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях / Т. А. Сулейманов, В. В. Фомин // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 378–384. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.378-384.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с преодолением противодействия расследованию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях. Излагаются тактические рекомендации по нейтрализации деятельности осужденных, оказывающих противодействие в расследовании уголовного дела. Выбор способа преодоления противодействия является составной частью тактических рекомендаций по расследованию уголовного дела. Преступные группы, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств в исправительных учреждениях, характеризуются организованностью, наличием криминального опыта. При установлении факта противодействия расследованию обязательно требуется оперативное сопровождение уголовного дела. Проблема противодействия расследованию преступления может быть разрешена с использованием комплекса организационно-правовых, оперативных и криминалистических мер в сочетании с обеспечением безопасности участников уголовного процесса.

© Сулейманов Т. А., Фомин В. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: тактические рекомендации и приемы, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, исправительное учреждение, противодействие расследованию, особенности производства следственных действий в исправительном учреждении.

Первоначальный этап расследования пенитенциарных преступлений – это промежуток времени, в течение которого проводятся отдельные следственные действия, а также оперативно-розыскные, организационные и режимные мероприятия, направленные на установление фактических данных об обстоятельствах совершенного преступления, закрепление следов преступления, розыск лица, его совершившего, выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления [1, с. 10]. Исследуя понятие «противодействие расследованию уголовного дела», можно отметить точку зрения В. И. Ищенко, согласно которой «под противодействием понимается разновидность ненормативного поведения участника(ов) уголовного процесса и заинтересованных в исходе дела лиц, выражающееся в реализации различных приемов, уловок, хитростей, направленных на умышленное воспрепятствование законной деятельности должностных лиц и органов по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств, изобличающих лицо, совершившее преступление, в целях обеспечения уклонения его от уголовной ответственности или смягчения наказания» [2, с. 45].

Основную роль в противодействии раскрытию и расследованию пенитенциарных преступлений играет криминальная субкультура, опасное социальное явление, способное оказывать отрицательное влияние на раскрытие и расследование уголовного дела. Противодействие расследованию уголовного дела определяет линию поведения участников процесса из числа обвиняемых, осужденных в период предварительного расследования [3]. Обвиняемые противодействовать процессу расследования уголовного дела начинают одновременно с планированием совершения преступления, они продумывают варианты своего алиби, инсценировки, дачи ложных показаний и т. д. Находясь в следственном изоляторе, обвиняемые обмениваются информацией о способах противодействия, расширяют варианты своего ненормативного поведения в рамках расследования по уголовному делу.

Наиболее типичные способы противодействия расследованию уголовного дела по пенитенциарным преступлениям известны следственной практике. Самым распространенным и доступным способом для обвиняемых и осужденных является уничтожение материальных следов преступления, которые могут быть оставлены на месте происшествия. Ввиду того что следователь не всегда может сразу возбудить уголовное дело по факту совершения преступления на территории ИУ, у осужденного есть запас времени уничтожить, изменить следы преступления, выполнить инсценировку места происшествия, что повлечет за собой утрату следов преступления и доказательств. При такой следственной ситуации необходимо проведение по горячим следам оперативно-розыскных и режимных мероприятий, направленных на обеспечение охраны места происшествия, задержание подозреваемого и изолирование его от остальных осужденных.

Производство неотложных следственных действий в условиях ИУ имеет специфические особенности. Оперативные сотрудники исправительного учреждения одними из первых обнаруживают признаки преступления, имеют возможность пресечь совершение преступления. Для осужденных совершение преступления является вполне привычным событием, они знакомы с тактикой производства следственных действий и потому могут предпринять меры по противодействию расследованию уголовного дела, уничтожить

следы преступления, доказательства. От того, насколько быстро и безотлагательно будут действовать оперативные сотрудники исправительного учреждения при производстве неотложных следственных действий, будет зависеть успех расследования по делам о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы.

Важным обстоятельством, которое может повлиять на объем и достоверность получаемой информации при допросе потерпевшего, свидетеля, является их отношение к совершенному преступлению, эмоциональное состояние потерпевшего. Потерпевший может быть слишком возбужден или угнетен, поэтому допрос потерпевшего лучше отложить на более позднее время, ограничившись получением самых важных фактов. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что отсрочка допроса потерпевшего может привести к негативным последствиям. В условиях ИУ потерпевший подвергается угрозам, угрозам со стороны осужденных.

В свою очередь, на достоверность свидетельских показаний влияет ряд факторов, например, характер личных отношений с подозреваемым, обвиняемым, наличие обстоятельств, которые компрометируют самого свидетеля [4]. Необходимо также установить характер взаимоотношений свидетеля с обвиняемым, его возможную причастность к деянию обвиняемого, принять меры к предупреждению и разоблачению лжесвидетельства.

Подозреваемые и обвиняемые – это участники процесса, наиболее заинтересованные в исходе дела, а потому склонные к утаиванию или искажению обстоятельств совершенного преступления. При этом указанные лица уголовной ответственности за дачу заведомо ложных или за отказ от дачи показаний не подлежат. Для обвиняемого и подозреваемого дача показаний – это их законное право и одновременно способ защититься от предъявленного обвинения. Признание обвиняемым себя виновным в совершении преступления, если отсутствуют иные доказательства виновности обвиняемого, не может служить доказательством его виновности и быть положено в основу его обвинения. В силу этого следователю нужно получить не признание обвиняемого, а правдивые показания, то есть установить фактические, полно и объективно отражающие действительные обстоятельства дела.

Иногда перед началом допроса возникает конфликтная ситуация, при которой происходит совмещение интересов следователя (как представителя государства) и допрашиваемого лица, которое объективно создает почву для реального противостояния между указанными субъектами [5]. К таким факторам можно отнести страх допрашиваемого (перед правосудием, за свою жизнь и здоровье, за своих близких), ненависть, корысть и т. д. В данном случае чрезвычайно важно, чтобы следователь заранее предвидел возможное наступление конфликтной ситуации еще на этапе планирования расследования уголовного дела, при подготовке к проведению допроса, изучению личности допрашиваемого. Этот так называемый предконфликтный период характеризуется тем, что допрашиваемый еще не дал показания, он не дал ложных показаний, не отказался от дачи показаний, не стал имитировать сердечный приступ или иным способом противодействовать расследованию уголовного дела. При этом следователю стало известно о наличии указанных факторов, которые могут привести к конфликтной ситуации. Данный период наиболее благоприятен, чтобы изменить складывающуюся ситуацию и вывести ее из разряда конфликтных.

Безусловно, когда человек попадает в стрессовую ситуацию, он прилагает все силы, чтобы выйти из подобной ситуации с наименьшими потерями. Давая заведомо ложные показания, допрашиваемый становится на путь обмана, считая такое поведение наиболее результативным, единственно правильным, способным помочь ему выйти из

сложившейся ситуации. Задача следователя показать ошибочность подобной линии поведения, предложить допрашиваемому законопослушную линию поведения, которая поможет ему предотвратить наступление вредных последствий. При расследовании пенитенциарных преступлений основными субъектами противодействия выступают подозреваемый и обвиняемый.

В целях повышения эффективности производства следственных действий по пенитенциарным преступлениям необходимо установление взаимодействия следователя с оперативным подразделением исправительного учреждения для получения необходимой информации о противодействии расследованию уголовного дела и способах его преодоления. В ходе проведения оперативно-розыскных и режимных мероприятий оперативные сотрудники ИУ получают информацию по совершенному преступлению, которую впоследствии возможно использовать в качестве доказательств по уголовному делу. Своевременные действия следователя и оперативных сотрудников по нейтрализации противодействия в процессе расследования позволят установить необходимые обстоятельства совершенного преступления, выявить и закрепить следы преступления, что в конечном итоге сведет к минимуму действия обвиняемого по противодействию расследования уголовного дела.

Расследование уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ, может проводиться при отрицательных условиях, которые характеризуются тем, что участники процесса в большинстве своем не заинтересованы в расследовании уголовного дела, особенно если по делу отсутствует потерпевший. Обвиняемый и свидетель(свидетели) избирают такую линию поведения, как оказание противодействия следователю в расследовании уголовного дела [6], причем мотивы, которыми руководствуются участники процесса, могут быть весьма различны. Участники уголовного процесса могут оказывать противодействие осознанно, самостоятельно либо в результате угроз, давления, оказываемых извне. Вполне реальна ситуация, когда интересы обвиняемого и свидетеля совпадают, но в силу разных причин они не желают продолжения расследования уголовного дела. В связи с этим тактические рекомендации по расследованию уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ, кроме советов, как провести то или иное следственное действие, должны содержать и перечень наставлений по преодолению типичных способов противодействия в расследовании уголовного дела.

В самом общем смысле под противодействием расследованию уголовного дела понимаются умышленные действия участников уголовного процесса, которые направлены на воспрепятствование установлению обстоятельств происшедшего события и производству расследования по уголовному делу. Конечная цель противодействия – помочь обвиняемому уклониться от уголовной ответственности. Расследование преступлений, совершенных на территории ИУ, означает, что в подавляющем большинстве случаев подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу является осужденный. Лицо, будучи осужденным, уже знакомо с криминальной субкультурой, традициями преступного мира. Одним из правил криминальной субкультуры является полный запрет на сотрудничество с администрацией ИУ, органами расследования ни при каких обстоятельствах. Осужденный, нарушивший этот запрет, подлежит суровому наказанию, его социальный статус в ИУ понижается до самого низшего. Для нашего случая это означает, что если свидетель, обвиняемый являются осужденными, то они обязаны соблюдать правила криминальной субкультуры. При этом лидеры отрицательно настроенных группировок из числа осужденных поощряют и помогают тем осужденным, которые оказывают противодействие в расследовании уголовного дела.

Наиболее известными способами противодействия являются оказание давления, принуждение, высказывание угроз следователю; уничтожение, повреждение следов преступления, вещественных доказательств; подкуп эксперта, специалиста; высказывание угроз в отношении свидетеля, потерпевшего. По делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ, наиболее типичными являются запугивание участников процесса, отказ от дачи показаний, дача заведомо ложных показаний, самооговор, уничтожение следов преступления, вещественных доказательств, высказывание угроз в отношении представителей администрации ИУ, следователя.

Особенность расследования пенитенциарного преступления заключается в том, что осужденные бывают прекрасно осведомлены о ходе расследования, в деталях знают, какие показания были даны обвиняемым или свидетелем. Незаконный оборот наркотических средств в ИУ осуществляется в основном организованными группами, к уголовной ответственности привлекаются наркокурьеры или сбытчики, а в исправительной колонии еще и потребители наркотических средств. Так происходит потому, что все участники группы проинструктированы на случай задержания, каждый знает свою легенду и линию поведения. Показаний в отношении организаторов никто не дает (опасно для жизни), поэтому из всей группы к уголовной ответственности привлекается 1–2 участника, которые совершили один эпизод сбыта, приобретения или хранения наркотического средства. Остальные участники группы, организаторы группы начинают оказывать противодействие расследованию уголовного дела.

Еще одна специфическая особенность незаконного оборота наркотических средств в ИУ заключается в том, что оборот наркотических средств является результатом организованной и договорной деятельности определенных лиц, наркотрафик не носит случайного характера, он выстроен и запланирован не на единичный эпизод, а на канал сбыта. Здесь случайных людей быть не может. На том, кого задержали, вся информация и обрывается. Если нужно и поступит указание, задержанный возьмет вину на себя. Осужденные, как потребители наркотических средств, максимум могут дать показания в отношении сбытчика. Дальше им ничего не известно. Отсюда получается, что в случае задержания сбытчика об этом становится известно всем участникам группы, которые незамедлительно начинают противодействие расследованию уголовного дела. Применительно к такому отрицательному условию требуется выработка мер противодействия.

Противодействие расследованию преступления начинается с момента задержания подозреваемого. Для преодоления противодействия следователю рекомендуется взаимодействовать с оперативным аппаратом ИУ для выработки совместных решений. Второй рекомендацией является полная изоляция задержанного, безотлагательный вывоз его в СИЗО, чтобы избежать утечки информации о ходе расследования и оказания давления на подозреваемого. Если на территории ИУ необходимо выполнить первоначальные следственные действия с участием задержанного, то они должны проводиться в отсутствие посторонних (как сотрудников ИУ, так и осужденных). Принимаются меры к тому, чтобы задержанный не смог сообщить о своем задержании. После задержания осужденного оставлять его для пребывания в ИУ не рекомендуется, необходимо перевести его в СИЗО. Следует свести к минимуму производство следственных действий на территории ИУ с целью избежать какого-либо воздействия на осужденного. В случае необходимости в отношении задержанного по решению следователя могут быть приняты меры безопасности. Место и время проведения следственных действий должны определяться с учетом упреждения действий лиц, которые оказывают противодействие

расследованию уголовного дела. В большинстве случаев обвиняемый не должен знать, когда и какое будет проводиться следственное действие, для него оно должно быть неизвестным, внезапным. При наличии противодействия необходимым становится производство оперативно-розыскных мер для сопровождения уголовного дела.

Из процессуальных мер противодействия можно назвать тактику поведения следователя, когда подозреваемый, обвиняемый дает ложные показания. Для противодействия даче ложных показаний следователь конкретизирует показания обвиняемого, проверяет их, выясняет у обвиняемого, кто может подтвердить его показания, проводит очную ставку с участием обвиняемого, противопоставляет ложным показаниям обвиняемого доказательства, которые опровергают показания обвиняемого. Для преодоления противодействия могут быть также использованы средства видеозаписи при производстве следственных действий. Это позволит в будущем показать суду линию поведения обвиняемого на предварительном расследовании, опровергнуть его утверждение, что показания он давал под принуждением.

Таким образом, диагностирование и выбор способа преодоления противодействия являются составными частями тактических рекомендаций по расследованию уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ. Преступные группы, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств в ИУ, характеризуются организованностью, наличием криминального опыта, умением оказывать противодействие расследованию уголовного дела. При установлении факта противодействия расследованию обязательно требуется оперативное сопровождение уголовного дела. Преодоление противодействию расследованию – деятельность следователя, основанная на оценке следственной ситуации, по выработке организационно-правовых решений, которые направлены на локализацию и нейтрализацию мер противодействия, предпринимаемых недобросовестными участниками процесса и иными лицами. Следователь должен активно использовать тактические рекомендации по противодействию расследованию уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ. Проблема противодействия расследованию преступления может быть разрешена с использованием комплекса организационно-правовых, оперативных и криминалистических мер в сочетании с обеспечением безопасности участников уголовного процесса.

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Под противодействием расследованию уголовного дела понимаются умышленные действия участников уголовного процесса, которые направлены на воспрепятствование установлению обстоятельств происшедшего события и производству расследования по уголовному делу. Конечная цель противодействия – помочь обвиняемому уклониться от уголовной ответственности.

2. При расследовании уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств в ИУ, противодействие может быть оказано со стороны как участников процесса, так и иных лиц.

3. Перечень способов преодоления противодействия по уголовному делу носит рекомендательный характер, относительно конкретного преступления следователь может применить и иные меры по противодействию. Главное требование, чтобы эти меры носили законный характер. Меры преодоления противодействия можно подразделить на несколько подвидов в зависимости от критерия деления (организационные, криминалистические, оперативно-розыскные, процессуальные).

Библиографический список

1. Грязева Н. В., Морозов Р. М. Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. 185 с.
2. Ищенко В. А. Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и основные направления его нейтрализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.
3. Головина Е. В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1(84). С. 21–35.
4. Славгородская О. А. К вопросу о достоверности показаний свидетеля // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 20–25.
5. Чистова Л. Е. Получение идеальной информации о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами // Вестник экономической безопасности. 2017. № 1. С. 141–148.
6. Титов С. М. Противодействие расследованию уголовных дел и его соотношение с конституционным правом на защиту в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел : сб. науч. ст. Руза : Моск. обл. фил. Моск. ун-та МВД России, 2012. С. 114–119.

УДК 343.91:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.385-395

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОХРИН,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент Института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре уголовного права,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-0900-1195,

e-mail: hohrinsa@yandex.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛОВ БЕЗОПАСНОСТИ (РЕЖИМА И НАДЗОРА) ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Хохрин, С. А. Общая характеристика преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы / С. А. Хохрин // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 385–395. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.385-395.

Аннотация. Одной из форм предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками отделов безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений и следственных изоляторов, является изучение их общих характеристик. Криминологическая характеристика преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) позволяет выработать комплекс мер, направленных на ее предупреждение. В статье рассмотрены криминологические и уголовно-правовые характеристики преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) как одних из основных отделов исправительных учреждений и следственных изоляторов, особенности структуры преступлений, совершаемых указанными сотрудниками. Для этого проведен анализ криминологических и уголовно-правовых характеристик преступлений, совершаемых сотрудниками отделов безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений и следственных изоляторов. Выводы и оценки основываются на научном анализе: сведений о состоянии законности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2016–2020 годы; информации портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации; статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний о состоянии уголовно-исполнительной системы России; статистических данных Следственного департамента Министер-

© Хохрин С. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ства внутренних дел Российской Федерации; анализе представленных материалов из территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний по Забайкальскому краю, Воронежской, Вологодской, Волгоградской, Владимирской, Ивановской, Иркутской, Магаданской, Нижегородской, Сахалинской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Томской, Тюменской, Ярославской областям, Кемеровской области – Кузбассу; результатов собственных и иных криминологических исследований, посвященных анализу состояния преступности в России и ее регионах; аналитических отчетов и обзоров по рассматриваемой тематике, в том числе размещенных в сети Интернет на официальных сайтах исследовательских центров. На основе анализа статистических данных сделан прогноз о краткосрочной перспективе динамических показателей и состоянии преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений. В статье использованы такие общенаучные методы исследования, как обобщение, анализ и синтез, конкретизация. Эмпирические методы исследования – сравнение, описание. Автор полагает, что увеличение количества преступлений, совершенных сотрудниками отделов безопасности (режима и надзора), может быть связано с ухудшением криминогенной обстановки в исправительных учреждениях, а также с повышением криминальной активности осужденных.

Ключевые слова: сотрудники отделов безопасности (режима и надзора), криминология, преступление, пенитенциарная преступность, уголовно-правовая характеристика.

Введение

Изучая характеристику пенитенциарной преступности, необходимо рассмотреть общую характеристику спецконтингента, находящегося в пенитенциарных учреждениях. Анализ официально опубликованной статистики показал, что в период с 2016 по 2020 год в учреждениях отбывали наказание за совершение особо тяжких преступлений 49,7 % осужденных, тяжких – 41,2, преступлений средней тяжести – 7,7, преступлений небольшой тяжести – 1,1, преступлений по неосторожности – 0,9 % (<http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>).

Реализация наказания в виде лишения свободы, по мнению ряда ученых, является основной причиной пенитенциарной преступности. Как показывает практика, пенитенциарная преступность тесно переплетается с субкультурой осужденных. Ранее в своей работе мы отмечали, что в исправительных учреждениях доля преступлений насильственного характера, посягающих на жизнь и здоровье осужденных, незначительна. Однако необходимо отметить рост числа совершаемых преступлений, которые относятся к пенитенциарным и влияют на нормальное функционирование учреждения, дискредитируют пенитенциарную систему. Это происходит на фоне увеличения количества лиц, состоящих на различных видах профилактического учета. В течение 2016–2020 гг. количество указанных лиц росло, а вместе с этим и число преступлений, совершаемых ими в период отбывания наказания, а также нарушений режима содержания. По мнению А. П. Стуканова, отличительной особенностью преступности в местах лишения свободы является повышенная общественная опасность и жестокость. Следует отметить, что официально регистрируется только незначительная часть совершенных пенитенциарных преступлений [1, с. 66]. Косвенно это подтверждается и официальными статистическими данными. Если ранее сведения о нарушениях режима содержания

со стороны осужденных не фиксировались, то начиная с 2019 г. только по системам охранного телевидения зафиксировано более 1 млн нарушений. Это наводит на мысли о возможности сокрытия совершенных преступлений на территории исправительных учреждений. В рамках анализа информации мы ознакомились со статистическими данными о количестве отказов в возбуждении уголовных дел. С 2016 по 2020 год происходило снижение числа зарегистрированных отказов (отчеты ФСИН России по форме 2-УИС за 2016–2020 гг.). Считаем, что это происходило в первую очередь из-за сокращения количества осужденных и сотрудников в учреждениях. Данная ситуация оказывает влияние на общую картину совершаемых пенитенциарных преступлений в учреждениях УИС. Пенитенциарному преступнику легко оказаться в тех же условиях и под влиянием тех привычек, устоев, которые способствовали преступлению, которое он совершил до осуждения. Именно поэтому произошедшие изменения в социально-правовой политике в уголовно-исполнительной системе свидетельствуют о росте уровня криминогенных процессов, направленных на дестабилизацию обстановки в пенитенциарных учреждениях со стороны криминально настроенных осужденных. Указанная активность подтверждается увеличением количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, дезорганизацией деятельности учреждений.

Результаты

В числе приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики государства остается соблюдение в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) условий содержания осужденных, защита конституционных и иных гарантированных законом прав указанной категории лиц, обеспечение надлежащего состояния законности и правопорядка в учреждениях пенитенциарной системы. Преступность сотрудников УИС представляет собой сложный механизм, который напрямую связан с исполнением наказания в виде лишения свободы. Непосредственная степень повышенной опасности преступлений, совершаемых сотрудниками, характеризует объект пенитенциарного преступления. Объект пенитенциарных преступлений охватывает широкий ряд общественных отношений, что представляет сложность при его определении. Например, при применении насилия со стороны сотрудников в отношении осужденных субъект преступления посягает не только на телесную неприкосновенность и здоровье осужденного, но и на государственную власть и порядок управления. Форму трехэлементного построения объекта преступления указывал в своих работах Е. А. Фролов, а дополнительным объектом преступления он считал то, что данные общественные отношения заслуживают самостоятельной защиты, независимо от того что основное посягательство деяния направлено на другие отношения [2, с. 23–24].

Утверждение о том, что пенитенциарные преступления относятся к числу многообъектных, в литературе вызывает спор. По мнению П. П. Осипова, смерть осужденного или причинение вреда его здоровью не дает оснований для определения данного преступления многообъектным. Он считает, что это приведет к признанию личных интересов сотрудников пенитенциарных учреждений выше других и, как следствие, к отсутствию равенства людей перед законом [3, с. 428]. Схожей точки зрения придерживается З. А. Николаева. Она указывала на то, что при воздействии на содержание оказывается воздействие субъекта на два элемента общественного отношения [4, с. 12].

Главным в данном вопросе является установление основного критерия пенитенциарного преступления. Е. А. Фролов за основу предлагал взять отношения, которые охраняются законодателем [2, с. 15]. Н. И. Коржанский под основным объектом понимал сущность совершенного преступления, причем понятие «сущность преступления» не

раскрывалось [5, с. 30]. Такая позиция активно поддерживалась в зарубежных источниках уголовного права, но в более поздний период мнения разошлись. Так, в иностранных изданиях указывалось, что основным является содержание вины субъекта [6, с. 29]. О. А. Борисов настаивает на том, что немаловажную роль при установлении непосредственного объекта преступления играет мотив преступного поведения субъекта [7, с. 6]. Практика показывает, что совершение преступлений сотрудниками исправительных учреждений всегда имеет общественный резонанс, привлекает пристальное внимание со стороны различных граждан, правозащитных или общественных организаций. Следовательно, устранение причин, условий, а также последствий совершенных преступлений со стороны государства всегда характеризуется отвлечением сил и средств, привлечением большого количества материальных ресурсов.

Изучение характеристик преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) целесообразнее начинать с общих показателей преступности сотрудников УИС. С 2016 г. происходит поступательное увеличение общего количества преступлений, совершенных сотрудниками УИС (рис. 1). Это происходит на фоне постоянной оптимизации численности личного состава и возложения дополнительных задач, связанных с созданием пенитенциарных учреждений на территории Республики Крым, введением нового вида уголовного наказания – принудительных работ, обеспечением контроля за страдающими наркоманией, реализацией мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, охраной объектов территориальных органов Минюста России. Кроме того, ФСИН России за счет имеющейся штатной численности осуществлена реализация федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» и обеспечивается исполнение федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)».

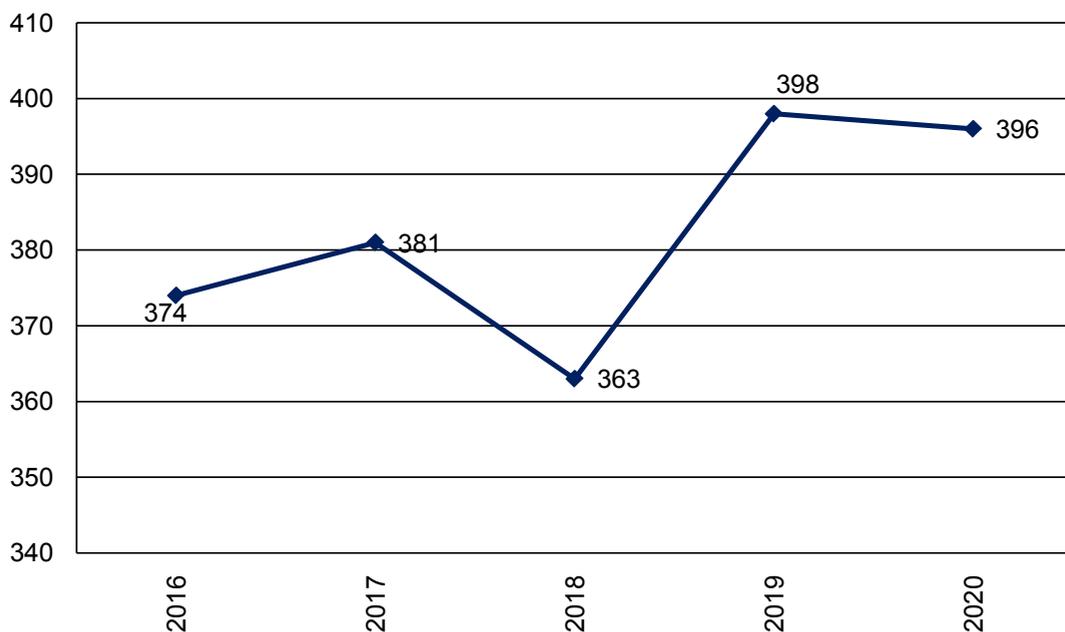

Рис. 1. Динамика количества преступлений, совершенных сотрудниками УИС в 2016–2020 гг.

утвержденных постановлениями Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 и от 6 апреля 2018 г. № 420 соответственно.

Субъектами совершаемых преступлений выступают руководители, средний и младший начальствующий состав. Проведенный анализ статистических данных показал, что на протяжении 2016–2020 гг. количество преступлений, совершаемых сотрудниками категории младшего начальствующего состава, незначительно увеличилось на фоне общего снижения у категорий среднего начальствующего состава и руководителей (рис. 2).

Например, если рассматривать характеристику изменений удельного веса совершаемых преступлений за последние 10–15 лет, то у сотрудников, относящихся к категории руководителей, показатели преступлений колеблются от 15 % в 2005 г. до 13 % в 2018 г. Удельный вес преступлений, совершаемых средним и старшим начальствующим составом, колеблется от 52 % в 2005 г. до 48 % в 2018 г. от общего количества преступлений. Удельный вес преступлений, совершаемых младшим начальствующим составом, колеблется от 33 % в 2005 г. до 39 % в 2018 г. от общего количества преступлений (отчеты ФСИН России по форме 2-УИС за 2016–2020 гг.).

Из проанализированных данных следует, что основной группой, совершающей преступления, является средний и старший начальствующий состав (фактически половина всех зарегистрированных преступлений). На долю руководителей приходится немногим более 10 %, остальные преступления совершает младший начальствующий состав. Показатели позволяют утверждать о недостаточной работе кадрового аппарата территориальных органов ФСИН России. Именно поэтому выработку мер по предупреждению преступности сотрудников, по нашему мнению, целесообразнее проводить по направлению отделов и служб учреждений. Необходимо также отметить, что анализ динамики совершения преступлений в исправительных учреждениях позволяет судить

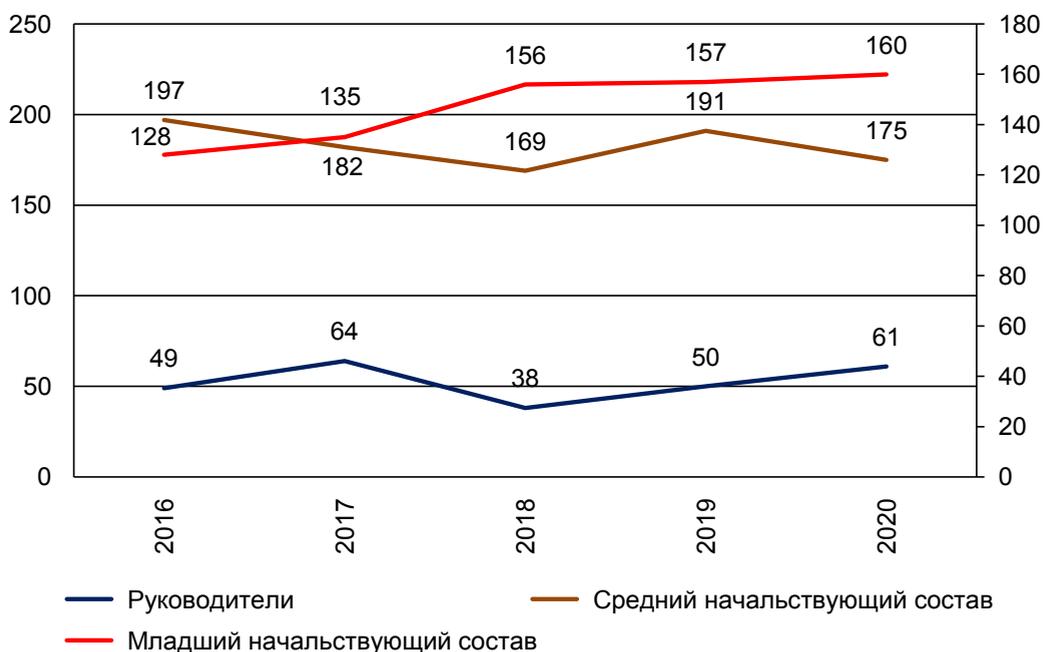

Рис. 2. Количество преступлений, совершенных различными категориями сотрудников УИС в 2016–2020 гг.

о том, что ликвидировать причины, способствующие их совершению, добиться коренного перелома в деле профилактики преступлений, стабильности в снижении их количества так и не удалось.

Сотрудники УИС реализуют функции государства по борьбе с преступностью, представляющие собой комплексную деятельность персонала по обеспечению жизнедеятельности осужденных, а также их охране [9, с. 376]. Важная роль в этом процессе отводится сотрудникам отдела безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений, следственных изоляторов, тюрем и психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением Министерства здравоохранения [далее – отделов безопасности (режима и надзора)], от которых зависит надежная охрана и изоляция осужденных. Преступность сотрудников данной службы представляет собой сложный механизм, который связан с исполнением наказания в виде лишения свободы. Любое преступление, совершенное в исправительном учреждении со стороны сотрудника, не только посягает на отдельных лиц, но и оказывает влияние на состояние работы и обстановки в учреждении.

Анализ официальных статистических данных (отчеты ФСИН России по форме 2-УИС за 2016–2020 гг.) позволяет сделать вывод о том, что списочная численность личного состава отделов безопасности на протяжении 2016–2020 гг. имеет незначительное снижение – на 3,7 %. Это свидетельствует о нестабильности и слабом контроле со стороны руководства за состоянием укомплектованности личного состава, а также о постоянном росте нагрузки на личный состав (рис. 3).

В то же время ситуация с преступностью сотрудников отделов безопасности остается достаточно сложной. Необходимо отметить отрицательную динамику процентного соотношения количества преступлений, совершаемых сотрудниками подразделений

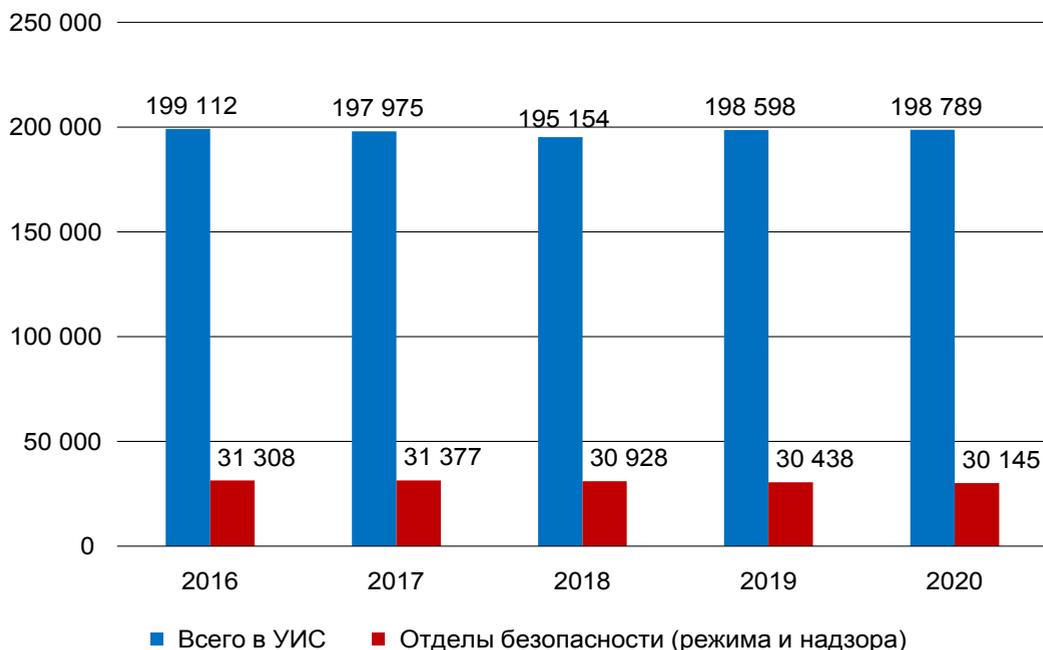

Рис. 3. Показатели списочной численности личного состава в период 2016–2020 гг.

безопасности, и общего количества преступлений (рис. 2). Так, если в 2016 г. количество совершенных ими преступлений составило 31,1 % от общего числа совершенных преступлений сотрудников УИС, то в 2017 – 34,9, в 2018 – 41,9, в 2019 – 34,2, в 2020 г. – 36,9 % (рис. 4).

На основании официальных статистических данных ФСИН России можно выделить несколько групп наиболее характерных преступлений, совершаемых сотрудниками:

– группа преступлений, наиболее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений: посягательство на жизнь – убийство (ст. 105 УК РФ), убийство со смягчающими обстоятельствами (ст. 107–109), причинение смерти по неосторожности при причинении тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111); посягательство на здоровье – причинение вреда здоровью (ст. 111–112, 115); причинение вреда здоровью при смягчающих обстоятельствах (ст. 113–114, 118), причинение боли и страданий (ст. 116–116.1, 117 УК РФ);

– группа преступлений, наименее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений: преступления, ставящие в опасность жизнь, – доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119); преступления, ставящие в опасность здоровье, – убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122), заражение венерическим заболеванием (ст. 121 УК РФ);

– группа преступлений, маловероятных для совершения на территории исправительных учреждений: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123), неоказание помощи больному (ст. 124), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

По официальной статистике преступления, посягающие на право собственности, представлены не только кражей (ст. 158 УК РФ), но и мошенничеством (ст. 159 УК РФ), а

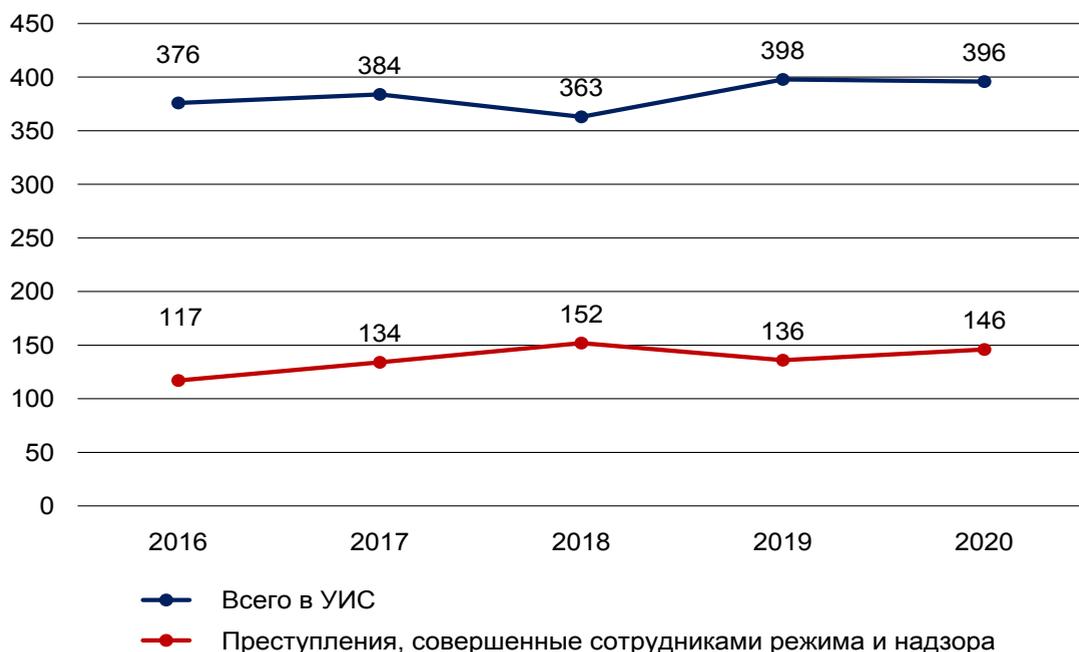

Рис. 4. Количество преступлений, совершенных сотрудниками УИС в 2016–2020 гг.

также присвоением и растратой (ст. 160 УК РФ). Вместе с тем анализ судебной практики по пенитенциарным преступлениям показывает наличие фактов совершения преступлений связанных с вымогательством. В силу этого мы также можем сформировать:

– группу преступлений, наиболее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений: кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата (ст. 160), вымогательство (ст. 163 УК РФ);

– группу преступлений, наименее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений: грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ);

– группу преступлений, маловероятных для совершения на территории исправительных учреждений: мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

При рассмотрении статистики преступлений, совершаемых сотрудниками, необходимо особое внимание уделить преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Указанный блок занимает одно из самых главных мест и представлен шестью преступлениями: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ). Анализ судебной практики позволяет выявить и факты привлечения сотрудников к ответственности за совершение посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ)

Формируя группу преступлений, наиболее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений, мы можем указать: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), дачу взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ); к группе наименее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений преступлений относятся: нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ); группу преступлений, маловероятных для совершения на территории учреждения, составляют: нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2), внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4), неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1), отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее за собой незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ).

Одними из наиболее распространенных преступлений сотрудников являются также деяния, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность. В статистические данные входит только ст. 228 УК РФ: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ

или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Данное преступление занимает второе место после коррупционных. На основании изложенного мы можем сформировать группу преступлений, посягающих на здоровье населения и общественную нравственность, наиболее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ); к группе наименее вероятных для совершения на территории исправительных учреждений преступлений относятся: хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ); группу преступлений, маловероятных для совершения на территории учреждения, составляют: уголовно-правовые нормы, входящие в указанную главу УК РФ и не указанные нами.

Уголовно-правовая характеристика преступности сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) несколько отличается от общих данных. В целях определения устойчивых тенденций нами был проведен ее обобщенный анализ за несколько лет (рис. 5). Как видно, с учетом условий прохождения службы среди совершаемых преступлений сотрудниками отделов безопасности (режима и надзора) распространены общественно опасные деяния:

коррупционной направленности – 66 % от общего количества совершенных деяний, среди которых дача и получение взятки (ст. 290–291 УК РФ) – 39 %, мошенничество (ст. 159) – 2, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285) – 6, превышение должностных полномочий (ст. 286) – 18, присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – 1 %;

связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров (ст. 228 УК РФ) – 17 % от общего количества совершенных деяний;

управление транспортными средствами, в результате которого пострадали иные граждане (ст. 264 УК РФ), – 5 % от общего количества совершенных деяний;

причинение вреда жизни и здоровью – 2 % (убийства (ст. 105–108, 109 УК РФ) – 1 %, причинение вреда здоровью (ст. 111–112 УК РФ) – 1 %);

посягательства на имущество (ст. 158 УК РФ) – 1 %;

иные преступления, предусмотренные УК РФ, – 7 %.

Картина рассмотрения криминологических показателей пенитенциарной преступности будет неполной без анализа коэффициента преступности. Данный показатель может быть рассчитан на любое, заранее определенное количество лиц. В криминологии принято рассчитывать коэффициент преступности по количеству преступлений на 100 тыс. населения. Количество сотрудников, выполняющих служебные обязанности в ИУ и СИЗО, субъекта Российской Федерации соответствует расчетному числу 1000. В силу этого для удобства сопоставления данных о преступности сотрудников отделов безопасности будем оценивать этот показатель на указанную численность.

Необходимо отметить динамику и тенденции увеличения коэффициента преступности на 1000 чел.: если в 2016 г. он составлял 3,34, то к 2020 г. он увеличился до 4,3 (рис. 6). Динамика коэффициента позволяет судить о системных просчетах в работе предупреждения преступлений среди сотрудников.

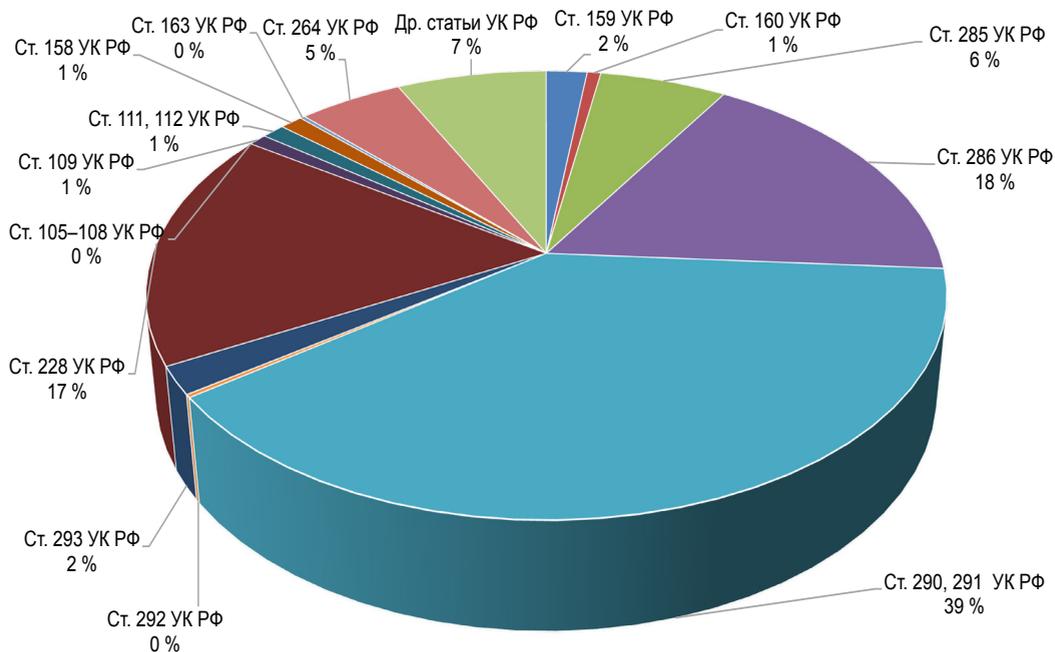

Рис. 5. Соотношение преступлений, совершаемых сотрудниками отделов безопасности (режима и надзора)

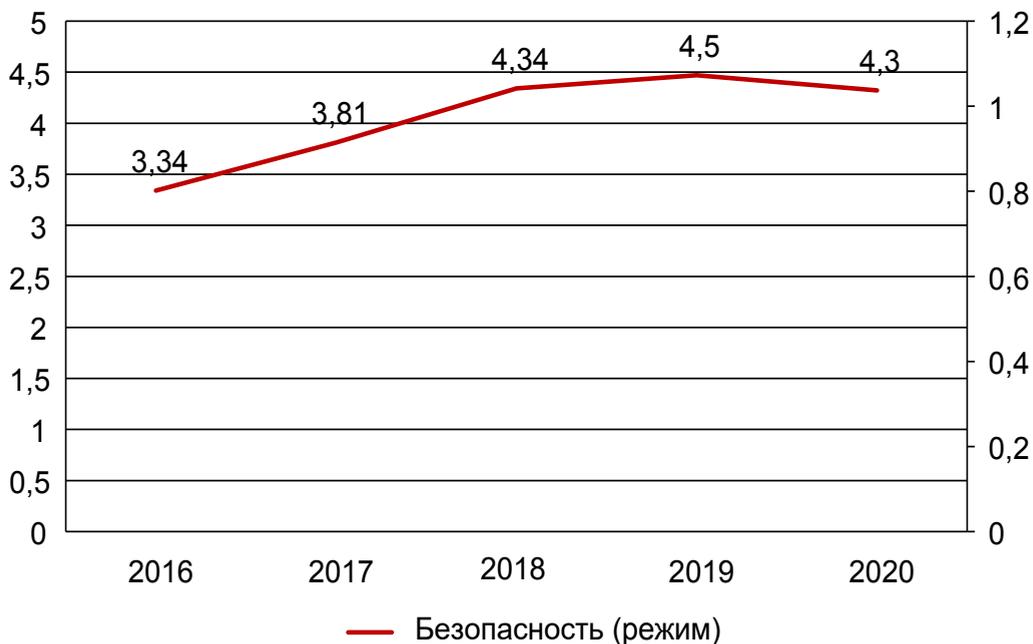

Рис. 6. Коэффициент преступности среди сотрудников отделов безопасности (режима и надзора) в расчете на 1000 чел.

Заключение

Краткосрочные прогнозы преступности сотрудников отделов безопасности на 2021–2023 гг. позволяют свидетельствовать о сохраняющейся тенденции роста уровня преступности в целом. В случае ухудшения социально-экономической ситуации прогнозируется увеличение количества посягательств, связанных с получением взяток, превышением или злоупотреблением должностных полномочий, в том числе совершенных в соучастии. Это может быть связано с ухудшением криминогенной обстановки в исправительных учреждениях, а также с повышением криминальной активности осужденных, обусловленной ростом более чем в полтора раза в течение последних 10 лет числа осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы три и более раза (их удельный вес составляет свыше 30 % от общего количества осужденных), увеличением численности осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность, продолжающих радикализироваться и организовываться в целях дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений.

Библиографический список

1. Стуканов А. П. Кресты. История побегов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 372 с.
2. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой безопасности (режима и надзора) и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. 53 с.
3. Курс советского уголовного права : в 6 т. / редкол. : А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чиквадзе. М. : Наука, 1970. Т. 4 : Часть Особенная: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности / В. Д. Меньшагин, А. А. Пионтковский. 432 с.
4. Николаева З. А. Уголовно-правовая охрана здоровья, чести и достоинства лиц, участвующих в охране общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 16 с.
5. Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976. 159 с.
6. Pickett, J.T. & Baker, T. 2017, 'Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions', *Journal of Experimental Criminology*, vol. 13, iss. 2.
7. Борисов О. А. Взаимосвязь объекта и мотива преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. 19 с.
8. Антипов В. И. Установление основного объекта в составах многообъектных преступлений // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов дел. Киев : КВШ МВД СССР, 1986. С. 26–30.
9. Расследование преступлений, совершаемых в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы: практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников УИС / под ред. Е. П. Ищенко, О. А. Белова. М. : Юрлитинформ, 2013. 434 с.

УДК 343.976

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.396-399

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ДЕРЕНОВА,

старший преподаватель-методист

отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела,
Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: nata-derenova2008@yandex.ru

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ БОЛЬНЫМИ НАРКОМАНИЕЙ

Для цитирования

Деренова, Н. С. О систематизации мер противодействия преступлениям, совершаемым больными наркоманией / Н. С. Деренова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 396–399. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.396-399.

Аннотация. В статье анализируется действующее законодательство и практика его применения в отношении лиц, больных наркоманией. Речь идет о применении обязательного лечения, средствах его обеспечения. Приводятся соответствующие нормы административного, уголовного, уголовно-исполнительного законодательства. На основе примеров из истории национального законодательства, практики отдельных зарубежных государств излагаются предложения по совершенствованию законодательства и организации его исполнения.

Ключевые слова: больной наркоманией, предупреждение, рецидив, преступление.

Наркомания – это заболевание, но заболевание с социальной точки зрения особенное. Оно нередко детерминирует совершение больными наркоманией преступлений и иных правонарушений. С криминологической точки зрения оно является причиной противоправного поведения, которое обуславливается необходимостью добычи средств для приобретения наркотиков неправомерными способами. Никакие другие соматические заболевания такое поведение не вызывают. Изложенное определяет специфику лечения таких лиц, их медицинской и социальной реабилитации.

В статье речь пойдет о применении к таким лицам средств административно-правового и уголовно-исполнительного характера. Они заключаются в наложении на лицо определенных обязанностей, подлежащих безусловному исполнению. Неисполнение последних влечет за собой определенные последствия дисциплинарного, административного характера. Действующее законодательство в сфере обязательного лечения больных наркоманией предусматривает правовые средства его обеспечения.

© Деренова Н. С., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В числе первых – отнесение осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, уклоняющихся от обязательного лечения, к злостным нарушителям отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ); в числе вторых – административная ответственность за уклонение от лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации (ст. 6.9.1 КоАП РФ).

Данные меры носят наказательный характер. За осужденными к лишению свободы, уклоняющимися от обязательного лечения и признанными на основании этого злостными нарушителями отбывания наказания, может быть установлен административный надзор (хотя он не предусматривает наложение на такое лицо обязанности пройти лечение от наркомании после отбытия наказания). Лица, обязанные проходить лечение в наркологических учреждениях органов здравоохранения и уклоняющиеся от его прохождения, привлекаются к административному штрафу или административному аресту.

Однако в отношении указанных лиц отсутствуют средства, непосредственно понуждающие их проходить обязательное лечение. Если в отношении осужденных оно еще как-то исполняется, то в отношении лиц, обязанных проходить такое лечение в учреждениях органов здравоохранения, этого сказать нельзя. На осужденного к лишению свободы в определенной мере оказывает влияние сам режим принудительной изоляции, особенности условий содержания в лечебных исправительных учреждениях (приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»). Этого нельзя сказать о наркологических учреждениях органов здравоохранения. Законодательство не предусматривает помещение больных наркоманией, в том числе освобожденных из мест лишения свободы, в данное учреждение в обязательном порядке. Добровольное обращение таких лиц, несмотря на рекомендации администрации исправительных учреждений и наркологических учреждений органов здравоохранения, не обеспечивает всеобщего их охвата. Так, по данным нашего исследования, из числа осужденных, в отношении которых были направлены медицинские документы в наркологические учреждения органов здравоохранения, только 67,0 % приступили к лечению, проходят противонаркотическое лечение 50,3 % лиц.

Низкий уровень закрепляющего противонаркотического лечения во многом лежит в основе рецидива преступлений и иных правонарушений. Данный фактор обуславливает необходимость организации лечения в принудительном порядке. Принуждение в отличие от обязательности предусматривает применение конкретных средств воздействия [1, с. 312], заставляющих лицо проходить такое лечение. Это может быть достигнуто путем принудительной изоляции таких лиц в отделениях наркологических диспансеров со специальным режимом на определенный срок.

На законодательном уровне должно быть закреплено понятие обязательного лечения. К сожалению, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» определение обязательного лечения отсутствует, хотя оно активно используется в административном и уголовно-исполнительном законодательстве. Отсутствие определения данного вида лечения ведет к различному его толкованию в научной литературе [2, 3], возникновению трудностей в организации обязательного лечения, социальной и медицинской реабилитации. Кроме того, это мешает определить правовую природу обязательного лечения.

Законодательство по-разному устанавливает основания применения обязательного лечения: вследствие решения судьи (суда) – в отношении лиц, обязанных пройти лечение от наркомании в наркологических учреждениях (ст. 6.9 КоАП РФ); лиц, осужденных условно (ч. 5 ст. 73 УК РФ); осужденных к наказаниям без лишения свободы (ст. 721 УК РФ);

вследствие решения медицинской комиссии – к осужденным к принудительным работам, аресту, лишению свободы (ч. 3 ст. 18 УИК РФ).

В отличие от обязательного, принудительное лечение должно применяться к больным наркоманией, не только уклоняющимся от обязательного лечения, но и систематически совершающим правонарушения, отличающиеся рецидивоопасностью. Применение принудительного лечения к ним будет являться мерой медицинского характера, а также мерой, направленной на профилактику преступлений и иных правонарушений. Данная цель принудительного лечения отмечалась в научной литературе и ранее [4, с. 220–225]. Именно такой подход к пониманию сущностной стороны принудительного лечения больных наркоманией позволяет утверждать, что его применение по указанным основаниям ни в коей мере не противоречит международным и национальным нормам права. Так, Всеобщая декларация прав человека предусматривает применение ограничений в целях обеспечения общественного порядка (ст. 29). В Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 17) говорится, что при осуществлении прав и свобод человека и гражданина не должны нарушаться права и свободы других лиц.

Правомерность применения принудительных мер подтверждается и многолетней практикой отдельных зарубежных стран. Речь, в частности, идет о Республике Беларусь и Республике Казахстан. В Беларуси на протяжении десятилетий существуют лечебно-трудовые профилактории, куда направляются лица, больные наркоманией, совершившие административные правонарушения и дважды в течение года подвергнутые административному наказанию. Лечение в данных учреждениях осуществляется в принудительном порядке. Богатый опыт противодействия наркотизму и его рецидивной составляющей имеет место в Республике Казахстан. Уголовный кодекс Республики Казахстан (УК РК) предусматривает применение к лицам, совершившим уголовное правонарушение и признанным нуждающимся в лечении от наркомании, принудительных мер медицинского характера (ч. 1 ст. 91 УК РК).

Обращает на себя внимание то, что законодатель Казахстана, так же как и законодатель Беларуси, в качестве одной из целей применения данных мер определяет предупреждение рецидива преступлений лиц, больных наркоманией (ст. 92 УК РК, ст. 100 УК РБ). В отличие от российского законодательства, в случае если во время отбывания наказания в виде лишения свободы будет установлено, что осужденный страдает наркоманией, администрация исправительного учреждения направляет в суд представление о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Нельзя не отметить системный подход к правовому регулированию предупреждения преступлений лиц, больных наркоманией, в том числе лиц, ранее уже их совершавших. Так, Закон Республики Казахстан от 7 апреля 1995 г. № 2184 определяет: порядок признания лица больным наркоманией; основания принудительного стационарного лечения и др. Значимой уголовно-правовой мерой, направленной прежде всего на предупреждение рецидива преступлений лиц, больных наркоманией, является норма ст. 427 УК РК, предусматривающая ответственность за уклонение их от применения к ним принудительных мер медицинского характера. Санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до одного года.

На подзаконном нормативном правовом уровне в Республике Казахстан урегулированы вопросы порядка признания лица больным наркоманией и токсикоманией, учета, наблюдения и лечения указанных лиц. В частности, согласно Правилам учета, наблюдения и лечения лиц, признанных больными алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, больные, освобожденные из исправительных учреждений, где к ним применялись

меры принудительного характера, взятые под диспансерное наблюдение, включаются в первую группу. Частота осмотров в данной группе составляет в среднем не реже одного раза в три месяца.

По аналогии с законодательством указанных республик представляется необходимым принятие в Российской Федерации закона, регламентирующего основания и порядок организации лечения лиц, больных наркоманией, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, (или) которым наказание отсрочено в порядке ст. 82.1 УК РФ. Одновременно требуют законодательного закрепления порядок и сроки организации профилактического наблюдения, применяемого в отношении указанной группы лиц после отбытия наказания и окончания срока лечения, в том числе установления сроков профилактического наблюдения за лицами, отбывавшими наказание и проходившими лечение в условиях исправительных учреждений. В связи с этим полагаем необходимым дополнить положения Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ понятием «профилактическое наблюдение», под которым следует понимать регулярный контроль со стороны медицинских работников за состоянием лица, больного наркоманией, его психическим и физическим здоровьем, включая обследование на дому и на производстве.

Для усиления контроля за прохождением больным наркоманией обязательного лечения, назначенного судом лицу, освобожденному из мест лишения свободы, мог бы применяться административный надзор. В действующей редакции закон об административном надзоре не предусматривает в качестве обязанности прохождения обязательного лечения в наркологических учреждениях органов здравоохранения. Отсутствие такой нормы снижает и роль полиции в деле обеспечения надзора за выполнением освобожденным из мест лишения свободы указанной обязанности, предупреждения рецидива преступлений и иных правонарушений.

Библиографический список

1. Ефремова Т. Е. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с.
2. Кононец А. С., Трифонов О. И. Проблемы осуществления обязательного лечения больных наркоманией в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Наркоконтроль. 2009. № 1. С. 18–21.
3. Яковлев А. А. Применение уголовно-правовых мер лечения социально значимых заболеваний: право или обязанности суда // Пенитенциарная наука. 2020. № 2. С. 211–217.
4. Гришко А. Я. Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации хронических алкоголиков и наркоманов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 298 с.

УДК 343.822

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.400-403

АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА ЮСУПОВА,
ведущий специалист отдела продовольственного обеспечения
управления тылового обеспечения,
ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: makuha1987@yandex.ru

О МЕСТЕ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ОСУЖДЕННЫХ

Для цитирования

Юсупова, А. Н. О месте материально-бытового обеспечения в исправительном процессе осужденных / А. Н. Юсупова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 400–403. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.400-403.

Аннотация. При определении места материально-бытового обеспечения в исправительном процессе следует исходить прежде всего из сущностной стороны наказания в виде лишения свободы. Последнее выражается, главным образом, в режиме отбывания наказания, где определяющим является совокупность запретов и ограничений. Систематическое толкование понятия «материально-бытовое обеспечение» и основных средств исправления осужденных позволяет прийти к заключению о том, что данный вид обеспечения создает материальные и бытовые условия для применения других средств исправления. Этот вывод автор предлагает закрепить в одной из норм уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: лишение свободы, законный интерес, реализация, наказание, права, режим.

Необходимость определения места материально-бытового обеспечения осужденных обуславливается прежде всего тем, что законодатель никоим образом его не устанавливает. В то же время даже на уровне бытового мышления ясно, что реализация основных средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) невозможна без их соответствующего обеспечения, без создания должных условий. Именно надлежащие условия содержания лишенных свободы в совокупности с режимными требованиями и ограничениями позволяют реализовывать соответствующие права, свободы и законные интересы осужденных, подчеркивается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». О значимости

© Юсупова А. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

условий содержания осужденных свидетельствует и новелла, установившая в 2019 г. им право на компенсацию за нарушение условий содержания (ст. 121 УИК РФ).

Между тем уголовно-исполнительное законодательство в исследуемой сфере продолжает оставаться проблемным. Пробелы, имеющиеся в нем, не могут не сказываться на материально-бытовом обеспечении осужденных. Так, устанавливая определенные нормативы жилой площади, приходящейся на одного осужденного, нормы вещевого и продовольственного довольствия, законодатель не формулирует определение самого понятия «материально-бытовое обеспечение». Вместе с тем при уяснении сущностной стороны любого явления, а правового тем более, значимым является определение понятий, которые используются при его рассмотрении. «Содержание... понятия представляет собой признаки и связи явления, воспроизведенные в понятии, рассматриваемые применительно к определенной области, в отношении которой они имеют смысл», – пишет Ю. М. Антонян [1, с. 22]. В силу этого на практике, например, трудно определить, в чем заключается создание улучшенных жилищно-бытовых условий для отдельных категорий осужденных (ч. 6 ст. 99 УИК РФ), не понимая сущностной стороны материально-бытового обеспечения.

С учетом режима отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы материально-бытовое обеспечение для них имеет особое значение. «Обладая той же структурой, что и права всех граждан, круг... прав осужденных существенно уже по объему. Это объясняется тем, что осужденные к лишению свободы, оставаясь субъектами гражданского права, попадают в сферу действия уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающего ряд ограничений в сфере имущественных отношений» – отмечают А. Я. Гришко и В. В. Рыбаков [2, с. 69]. В то же время лишение свободы не означает проживание в бараке, где человек круглые сутки не может остаться один, где плохо кормят и пр. [3, с. 40–44]. Удовлетворение материальных и бытовых потребностей является существенной составляющей не только физической, но и социальной жизни осужденных [4, с. 58]. Именно недостатки в данной сфере в значительной степени образуют содержание нарушений прав и законных интересов осужденных.

В различные правозащитные органы поступают сотни тысяч жалоб осужденных на нарушения, по их мнению, прав и законных интересов, прежде всего в исследуемой сфере: несоответствие предоставляемой жилой площади установленным нормам, отсутствие должного обеспечения вещевым довольствием, продовольствием и др. Только к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации по вопросам условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2020 г. было направлено 816 обращений [5]. При этом за 2018–2020 гг. отмечается их отрицательная динамика. В указанные периоды их количество составило 556, 654, 816 соответственно [5].

По данным нашего исследования, характер обращений выглядит следующим образом: несоблюдение норм жилой площади – 20,6 %; необеспеченность вещевым имуществом – 12,7; отсутствие должных условий в комнатах для проведения длительных свиданий – 7,9; нарушение условий хранения продуктов – 4,8; отсутствие необходимого имущества, мебели – 15,9; отсутствие должного освещения – 7,9; низкое качество пищи – 4,8; отсутствие напольных покрытий – 4,8; неудовлетворительное состояние туалетных комнат – 6,3 %. Приведенные результаты подтверждаются и данными социологического опроса должностных лиц исправительных учреждений, ответственных за материально-бытовое обеспечение осужденных. На соответствие жилой площади установленным нормам указали немногим более половины респондентов – 55,6 %. Значительная доля на данный вопрос ответила отрицательно (44,4 %). Почти каждый пятый опрошенный

указал на частичную обеспеченность осужденных спальными местами и постельными принадлежностями – 22,2 %; 12,2% лиц отметили отсутствие тумбочек, табуреток.

Среди других нарушений:

- отсутствие помещений для проживания работающих;
- неполное обеспечение нательным бельем, носками, тапочками, полотенцами;
- отсутствие достаточного количества комнат для свиданий, низкое качество их оборудования (отсутствие зеркал, часов настенных);
- отсутствие условий для хранения продуктов, индивидуальных мест для их хранения.

Увеличение количества длительных свиданий осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях исправительных колоний общего и строгого режимов (ч. 4 ст. 121, ч. 3 ст. 123 УИК РФ), и предоставление длительных свиданий осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях исправительной колонии особого режима (ч. 3 ст. 125 УИК РФ), на основании Федерального закона от 16 октября 2017 г. № 292-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» обострило проблему создания помещений для проведения длительных свиданий, их соответствующего оборудования, создания помещений для проведения длительных свиданий за пределами исправительных учреждений (ч. 3 ст. 121 УИК РФ).

Несмотря на то что нормативными правовыми актами установлены конкретные показатели улучшенных материально-бытовых условий отдельным категориям осужденных (п. 192 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295), практика еще далека от их полного соответствия. Опрошенные респонденты отмечают недостатки: в создании улучшенных жилищно-бытовых условий – 33,3 %; обеспечении повышенными нормами питания – 88,9; техническими средствами реабилитации – 44,4 (частично, а 11,2 % указывают на их полное отсутствие). Имеют место случаи, когда кровати в комнатах для инвалидов установлены в два яруса, инвалиды размещаются на втором этаже общежития. Приведенное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации ориентирует суды и на возможные иные нарушения в рассматриваемой сфере (п. 14).

Значимость материально-бытового обеспечения в создании необходимых условий для исправления осужденных, обеспечения их прав, свобод и законных интересов, отсутствие его законодательного определения, установления о его месте в системе основных средств исправления осужденного не могло не привлечь внимания отдельных авторов к данной теме. Так, Л. Ф. Пертли считает возможным отнести данный вид обеспечения к разряду основных средств исправления [6, с. 8]. С такой позицией трудно согласиться. Ведь материально-бытовое обеспечение закладывает, прежде всего, материальную, бытовую базу для реализации основных средств исправления. Кроме того, должное материально-бытовое обеспечение является основой осуществления осужденными своих прав, свобод и законных интересов буквально во всех сферах: жилищная; обеспечение вещевым имуществом, питанием; создание должных санитарных условий; микроклимата помещений, качество воздуха; защита от шума, вибрации; доступная среда для маломобильных, больных, инвалидов и др. (пп. 14, 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47).

Такое понимание места данного вида обеспечения, наряду с режимом, в целом создает организационно-материальную основу исправительного воздействия на осужденного. Только при их сочетании возможно привлечение осужденного к труду, общему и профессиональному образованию. В целях законодательного закрепления места материально-бытового обеспечения среди указанных средств представляется целесо-

образным в ст. 99 УИК РФ ввести соответствующую норму. Редакцию ее можно было бы сформулировать следующим образом: «Материально-бытовое обеспечение осужденных создает материальные и бытовые условия для применения средств исправления осужденных».

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Наука криминология : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 376 с.
2. Гришко А. Я., Рыбаков В. В. Имущественные и неимущественные права лиц, отбывающих лишение свободы. Рязань : Академия ФСИН России, 2007. 255 с.
3. Антонян Ю. М., Плющева Е. Л. Материально-бытовые условия как элемент исправления осужденных // Российский следователь. 2014. № 10. С. 40–44.
4. Кулькин В. В. Быт осужденных в местах лишения свободы: понятие, содержание, особенности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5(8). С. 58–63.
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. // Российская газета. 2021. 1 апр. URL : <https://rg.ru/2021/04/01/tatiana-moskalkova-predstavila-prezidentu-ezhegodnyj-doklad-po-pravam-cheloveka.html> (дата обращения: 26.04.2021).
6. Пертли Л. Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.

УДК 328.185:34.08

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.404-408

ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ КОВАЛЕВ,

доктор юридических наук,

кандидат психологических наук, профессор,

профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности

в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала,

Академия ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-07869-14925,

e-mail: okovalev66@gmail.com;

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА МАЗЕИНА,

кандидат психологических наук,

начальник факультета правоохранительной деятельности,

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация,

e-mail: olly1309@yandex.ru

КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ВИД АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Для цитирования

Ковалев, О. Г. Коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов как вид аддиктивного поведения / О. Г. Ковалев, О. Н. Мазеина // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 404–408. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.404-408.

Аннотация. Вопросы коррупционного поведения государственных служащих, в частности сотрудников правоохранительных органов, актуальны на протяжении многих десятков лет на всех уровнях власти. В научной литературе проблемы коррупции находят отражение в юриспруденции, экономике, философии, социологии, психологии и других отраслях научных знаний. В статье рассматривается феномен коррупции в правоохранительных органах. Сотрудники силовых структур, наделенные властными полномочиями и доверенными правами со стороны граждан, нередко поддаются провокациям коррупционного характера, а также сами провоцируют подобные акты. Авторы анализируют особенности профессиональной деятельности, способствующие совершению сотрудниками коррупционных проступков, основные причины, мотивы их совершения, механизмы возникновения, а также особенности личности, приводящие к деструктивному поведению. Основное содержание статьи направлено на рассмотрение коррупционного поведения как вида аддиктивного поведения, суть которого заключена в признаках различных видов аддикций у коррупционного аддикта, таких как: личный интерес к ситуациям, связанным с кор-

© Ковалев О. Г., Мазеина О. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

рупционными проявлениями, потребность в повторном переживании испытанных ранее эмоций, полученных при осуществлении коррупционных действий, провокация рискованных поступков для удовлетворения имеющейся потребности и др.

Ключевые слова: коррупция, феномен коррупции, коррупционное поведение, коррупционный проступок, коррупционная зависимость, аддикция, аддиктивное поведение, коррупционное сознание, коррупционное давление, коррупционный акт.

Проблема коррупции и коррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов в последние годы рассматривается с позиций юридической и психологической наук, экономических теорий и социологических исследований. Исследования психологической сущности феномена коррупции позволяют выявить основные причины, ценностные ориентации, социальные установки, личностные детерминанты, мотивационные регуляторы коррупционного поведения и другие психологические явления, присущие лицам, имеющим проблемы в данной области. Понятие «коррупция» в научной литературе рассматривается с разных точек зрения. Мы согласны с Е. Е. Гавриной, которая определяет понятие «коррупция» как злоупотребление лицом, наделенным властными полномочиями, своими правами и обязанностями в противовес регламентированным нормам и правилам с целью получения личной выгоды [3]. По мнению С. Е. Борисовой, в психологический аспект феномена коррупции входит психология возникновения и проявления коррупционного поведения, механизмов этого поведения, обусловленность со стороны мотивационно-потребностной сферы [1, с. 27]. Д. А. Панарин и А. В. Паршков считают, что любой человек, занимающий статусный пост (с точки зрения значимости для общества), имеет коррупционный риск. Актуальным для такого лица становится реальная возможность получения материальной выгоды [9].

Исследования в области юридической психологии позволили прийти к выводу о том, что развитию феномена коррупции в правоохранительных органах могут способствовать содержательные особенности профессиональной деятельности: жесткая правовая регламентация служебного поведения, общение с представителями криминального мира, наличие властных полномочий в должностных обязанностях и высокой персональной ответственности, напряженный ритм несения службы, связанной с опасностями и риском для жизни и здоровья, выполнение большого объема разноплановых задач и др. После столкновения с травматической реальностью личность сотрудников подвергается воздействию деструктивных явлений и процессов, что приводит к отклонениям от социальных норм поведения, нравственным изменениям, появлению негативных качеств и свойств, проявляющихся в авторитарности, агрессивности, импульсивности, социальном лицемерии, эмоциональной индифферентности [7, с. 25], а также к коррупционным актам.

С. В. Охупкин, рассматривая проблему коррупционного поведения в уголовно-исполнительной системе, акцентирует внимание на выполняемых сотрудниками обязанностях по предоставлению осужденным каких-либо благ. Это могут быть: участие в вопросах предоставления условно-досрочного освобождения; перевод осужденных из одного исправительного учреждения в другое; предъявление требований к соблюдению осужденными режимных правил и др. [8]. Таким образом, сама профессиональная деятельность сотрудников пенитенциарной системы может способствовать образованию коррупционного пространства, в котором некоторые лица оказываются заложниками. Однократно не совладав со своими интересами и желаниями, получив при этом положительный результат, субъект приобретает новые эмоции, впечатления, которые

оставляют в психике «эмоциональный след». Если эта единожды прошедшая ситуация осталась незамеченной, безнаказанной, чувство тревоги, страха, переживания, напряжения у лица, допустившего коррупционное поведение, постепенно угасает. Однако если личность правонарушителя азартна, то через определенное время может возникнуть потребность в повторении полученных ранее ощущений, приобретенных в ситуации, связанной с риском, опасностью, и поведение повторяется – сотрудник получает положительный опыт коррупционной практики. Таким образом, происходит изменение сознания, личность «уходит» от травматической реальности профессиональной деятельности, тем самым формируется коррупционная зависимость (аддикция).

Понятие «аддикция» рассматривается как поведенческая форма зависимостей человека от некоей непреодолимой силы, воспринимаемая субъектом как сила, «повелевающая извне» и требующая неукоснительного повиновения [10]. Аддиктивное поведение считается одним из вариантов отклоняющегося поведения, при котором имеют место намерения человека «отстраняться» от окружающей действительности путем постоянного сосредоточения своего внимания на актуальных видах деятельности для развития и поддержания интенсивных, по силе значимости, эмоций [6].

Исследования различных авторов в вопросах коррупционного поведения указывают на то, что данные действия всегда сопровождаются личным интересом, актуализированной потребностью в повторении полученных ранее эмоций, впечатлений, стремлением к поиску и искусственному созданию рискованных ситуаций для одной цели – получить удовольствие от испытанных переживаний, страха, боязни и иных острых ощущений, связанных с опасностью [12]. Это поведение имеет признаки адреналиномании, одного из видов аддиктивного поведения. Однако коррупционный аддикт в одно и то же время может иметь несколько коррупционных стимулов, которые актуализируют ведущие потребности (жажда употребления алкоголя, наркотических средств, денежных средств, приобретение дорогостоящей одежды, предметов интерьера, потребность во власти, любви, приключениях и др.). Следовательно, коррупционное поведение имеет сходство не только с адреналиноманией, но и с другими видами аддиктивного поведения: ониоманией, наркотической, алкогольной, сексуальной, любовной зависимостями, гэмблингом и др. Необходимо акцентировать внимание на том, что коррупционная зависимость имеет явное отличие от других видов зависимостей – она не всегда запланирована, то есть может возникать спонтанно.

Феномен коррупционного поведения можно рассмотреть с позиций теории общей психологии. Классический психоанализ позволяет понять коррупционное поведение сквозь призму влечений. Суть заключается в том, что должностное лицо, имея потребности во власти над окружающими, социальной значимости, материальных ценностях, может в то же время ощущать враждебные чувства к различным должностным ограничениям (в том числе антикоррупционного характера). Естественно, эти актуальные потребности руководитель вынужден подавлять в себе, тщательно маскировать. Однако бессильная зависть к вышестоящим и более успешным лицам активизирует акт трансгрессии (выход за пределы ограничений), который способствует действиям вопреки собственным запретам и служит спусковым механизмом для коррупционного поведения [7].

Согласно теории отчуждения коррупционное поведение рассматривается с точки зрения несогласованности нравственных норм, присущих личности, и норм морали и нравственности, принятых в обществе. Отчуждение отражается в сознании индивида в виде несогласованности между желаниями человека, его ожиданиями и правилами, которые определяются обществом. Тем самым предписанные нормы воспринимаются личностью как чуждые и враждебные, что приводит к ощущениям чувства одиночества,

оторванности от окружающего мира и способствует отклоняющемуся поведению. В ситуации выбора между интересами дела, работы, службы человек осуществит выбор в пользу собственных интересов [5]. Данное рассогласование может служить мотивацией поступления на службу в органы правопорядка: с целью получения незаконной прибыли, властных должностных полномочий, самоутверждения.

В рамках теории аномалии коррупционное поведение рассматривается как феномен давления социальных образований на некоторых личностей, провоцируя их на нарушения закона, правил, предписаний. Речь идет о ряде проблем в обществе, а также моральной неудовлетворенности субъектом объема материального вознаграждения за свой труд. Рассматривая теорию аномалии на примере сотрудников правоохранительных органов, можно отметить противоречия в представлениях между тем, какие функции они выполняют «на благо Родины» и какое денежное довольствие (вознаграждение) за свою деятельность получают. На основании субъективного анализа у личности усиливается ощущение обмана со стороны работодателя (государства), что приводит к одобрению своего коррупционного поведения. Чаще всего это находит выражение во взятках как компенсации потраченных сил на выполнение поставленных задач, ненормированности труда, экстремального характера службы, несправедливой оплаты за приложенные усилия. Происходит самооправдание своего аддиктивного поведения, например: «Ко мне относятся несправедливо, я восполняю убытки».

Исследования в области психологии отношений свидетельствуют о том, что коррупционное поведение личности напрямую зависит от отношения самой личности к данному феномену. Если человек положительно относится к различным проявлениям коррупции со стороны окружающих людей, одобряет их коррупционные действия либо внешне в общении с окружающими явно критикует и выражает недовольство, а внутренне оправдывает такого рода поступки или относится нейтрально, то такая личность сама себе дает согласие на коррупционные деяния.

В результате проведенных исследований учеными выявлены следующие социально-психологические условия, способствующие коррупционному поведению [4]:

- толерантное отношение общества к феномену коррупции;
- осуждение большинством людей только размеров взяток, а не самого акта взятки как проявления коррупции;
- вынужденный ответ лица, берущего взятку (при условии, если это близкий родственник), как реакция на объективные обстоятельства, в то же время подобное поведение других лиц воспринимается как коррупционное поведение [11].

Любой коррупционный поступок не обходится без коррупционного давления, которое представляет собой психологическое воздействие на должностное лицо с целью его склонения к злоупотреблению властными полномочиями в виде коррупционного акта [2]. Провоцирующим коррупцию фактором становится актуальная проблемная ситуация должностного лица, связанная с чрезвычайными жизненными обстоятельствами (речь идет о давлении социальной ситуации). Психологические механизмы коррупционного поведения при анализе ситуативных факторов давления (внешние факторы) представляются наиболее сложными ввиду широкой вариативности общих закономерностей между причинами криминогенного поведения личности.

Кроме внешних факторов, коррупционное влияние на личность оказывают внутренние факторы, такие как: негативное, безответственное отношение личности к нормам права, неприятие норм права; доминирование материальных ценностей в ситуациях выбора между коррупционным и правопослушным поведением; потребность в социаль-

ной значимости, престижности, реализации властных полномочий (компенсация низкой самооценки, недовольства собой, своим положением); нестабильный эмоциональный фон, повышенная тревожность, импульсивные поведенческие реакции; низкая стрессоустойчивость; низкий самоконтроль.

Таким образом, коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов в виде проявления аддиктивного поведения может служить компенсацией травматической профессиональной действительности. Такое поведение возможно вследствие несогласованности нравственных норм, присущих личности, и норм морали и нравственности, принятых в обществе, моральной неудовлетворенности сотрудников уровнем материального вознаграждения, когнитивного диссонанса, возникающего между общественными и собственными интересами, устойчивого оценочного положительного отношения к коррупции; преобладания негативных личностных черт, требующих компенсации, таких как: отчуждение, проявление эгоизма, низкая самооценка (вплоть до комплекса неполноценности), актуальная потребность в значимости, престиже, эмоциональная нестабильность, низкий волевой самоконтроль, склонность к импульсивному поведению, легкое и безответственное восприятие проблем, преобладание материальных ценностей. Коррупционные проступки сопровождаются личным интересом сотрудника, стремлением повторить ранее испытанные эмоции в ситуациях, связанных с риском и опасностью, страхом разоблачения.

Библиографический список

1. Борисова С. Е. Психологические особенности личности преступника // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 26–32.
2. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
3. Гаврина Е. Е. Коррупция глазами российской молодежи // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 83–90.
4. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
5. Иванова С. И. Онтологический смысл феномена отчуждения человека в мировой философии // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL : www.science-education.ru/106-7321 (дата обращения: 08.01.2021).
6. Менделевич В. Д. Руководство по аддиктологии. СПб. : Речь, 2006. 250 с.
7. Николаев А. В. Коррупционная зависимость представителей правоохранительной сферы как вид социальной аддикции // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 3(21). С. 25–29.
8. Охапкин С. В. Антикоррупционная позиция курсанта образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний как педагогическая категория // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2(47). С. 111–118.
9. Панарин Д. А., Паршков А. В. К вопросу об истоках и природе понимания коррупции в системе государственной службы // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 109–114.
10. Психология и лечение зависимого поведения / под ред. С. Даулинга. М. : Класс, 2000. 227 с.
11. Смирнов А. В. Коррупция как полифакторный феномен // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 47–54.
12. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. 378 с.

УДК 159.9:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.409-415

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РАСПОПИН,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики,

Уральский юридический институт МВД России,

г. Екатеринбург, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-9404-2054,

e-mail: ev73@mail.ru;

ВАЛЕРИЯ РАФАЭЛЬВНА ЯЧМЕНЕВА,

кандидат психологических наук,

психолог отделения по работе с личным составом,

Межмуниципальный отдел МВД России «Новолялинский»,

г. Новая Ляля, Российская Федерация,

e-mail: kseenity@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБНОСТИ К ПЕРЕЖИВАНИЮ МОРАЛЬНЫХ ЧУВСТВ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Для цитирования

Распопин, Е. В. Изучение способности к переживанию моральных чувств у лиц, совершивших преступление / Е. В. Распопин, В. Р. Ячменева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 409–415. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.409-415.

Аннотация. Цель работы – проведение сравнительного анализа способности к переживанию моральных чувств между лицами, совершившими преступления, и законопослушными гражданами. Для проведения исследования была использована авторская методика изучения способности к переживанию моральных чувств. Методика предназначена для оценки склонности к асоциальному, деструктивному поведению с помощью наблюдения за эмоциональной экспрессией при предъявлении эмоционально насыщенных стимулов морального содержания. Выборку исследования составили осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, сотрудники уголовно-исполнительной системы и обучающиеся высших учебных заведений. По результатам проведенного исследования сделаны выводы, согласно которым у лиц, совершивших преступление, отмечается снижение эмоционального отклика в ответ на предъявление стимулов морального содержания. Это проявляется нейтральным, слабо выраженным характером эмоциональных реакций и доминированием таких чувств, как равнодушие, цинизм, пренебрежение к чувствам и

© Распопин Е. В., Ячменева В. Р., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

переживаниям других людей, причем эти особенности не связаны с продолжительностью отбывания наказания, а являются типичным способом реагирования этих лиц в ответ на предъявление таких стимулов. Полученные результаты говорят о том, что одним из важных направлений в области профилактики и коррекции криминального поведения является развитие способности к эмпатии, переживанию моральных чувств по отношению к другим людям.

Ключевые слова: моральные чувства, криминальное поведение, преступники, законопослушные граждане, наблюдение, сравнительный анализ.

Введение

Изучение факторов, обуславливающих склонность к криминальному поведению, имеет большое практическое значение для профилактики и коррекции такого поведения. Среди этих факторов особое место занимают биологические и социальные предпосылки. Научные концепции, рассматривающие в качестве ведущего фактора преступного поведения биологические предпосылки, постулируют положение, согласно которому склонность личности к агрессии, насилию, преступному поведению определяется свойствами нервной системы, генетической предрасположенностью, особенностью протекания биохимических процессов в организме [1], а также психическими аномалиями [2]. С точки зрения биологической детерминации преступного поведения по своему происхождению оно является врожденным. Следовательно, ведущая роль в профилактике, пресечении и коррекции преступного поведения отводится корректирующим мероприятиям преимущественно медицинского характера.

Согласно концепциям, рассматривающим в качестве детерминант преступного поведения социальные факторы, это поведение является следствием влияния специфических социальных условий существования человека, одобряющих или провоцирующих человека на совершение преступления. Так, согласно концепции социального научения А. Бандуры люди научаются агрессии и противоправному поведению не только потому, что это бывает выгодно им, но и потому, что при наблюдении они видят, какие дивиденды приносит такое поведение другим людям. Часто это происходит в семье, в субкультуре и в средствах массовой информации [3]. Преступное поведение нередко возникает и как протест против такой социальной среды, которая не дает личности возможности реализовать себя, удовлетворить свои потребности, что порождает бессилие, отчаяние, неконструктивную агрессию и насилие [4]. В этом случае социальные факторы преступного поведения представляют собой ситуации социального, экономического, политического неравенства. Таким образом, с точки зрения социальной детерминации по своему происхождению преступное поведение является следствием научения, то есть приобретенным. Ведущая роль в его профилактике и коррекции отводится социальным, педагогическим и психологическим корректирующим воздействиям. Наконец, в системе детерминации преступного поведения необходимо выделить третью группу факторов, которые могут быть обозначены как личностные, или индивидуально-психологические, факторы. Именно эти факторы являются тем механизмом, который либо одобряет, либо препятствует актуализации биологических и социальных предпосылок преступного поведения.

Акцентируя внимание исключительно на биологических и социальных факторах преступного поведения, мы неизбежно сталкиваемся со следующей проблемой. Человек – это не только продукт наследственности и социального научения, но и личность,

обладающая такими атрибутами, как самосознание, воля, свобода, ответственность и т. д. Оставляя без внимания этот пласт характеристик человека, мы приписываем ответственность за преступное поведение среде и наследственности и снимаем ответственность за свое поведение с самого человека.

Иными словами, нельзя утверждать, что преступное поведение является результатом только негативного влияния среды или наследственности, а сам человек «ни при чем». Социальные и биологические факторы не напрямую порождают преступное поведение [5]. Как справедливо заметил В. Франкл, поведение человека обусловлено множеством факторов и обстоятельств, человек не свободен от них, но он всегда свободен в выборе своего отношения к ним. Именно человек решает, как ему поступать, столкнувшись с теми или иными обстоятельствами своей жизни [6].

Таким образом, социальные и биологические предпосылки могут провоцировать склонность к противоправному поведению, но регулирующую функцию, одобряющую или препятствующую такому поведению, осуществляют личностные факторы, а именно особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой и морально-нравственной сферы личности.

В статье в качестве одного из таких факторов рассматривается способность человека к переживанию моральных чувств, то есть таких чувств, которые отражают отношение человека к другим людям, к обществу в целом [7, с. 575]. Предполагается, что у лиц, совершающих преступления, эта способность снижена по сравнению с законопослушными людьми. В свою очередь, это предположение базируется на результатах исследований мозговой активности преступников-психопатов, проведенных К. Килом. В ходе этих исследований было обнаружено, что психопаты не дают эмоциональных реакций в ответ на стимулы, которые вызывают эмоциональный отклик у людей без криминальных наклонностей. Проанализировав полученные результаты, К. Кил пришел к выводу о том, что психопаты отличаются эмоциональной «глухотой», дефицитом моральных чувств, что выражается в отсутствии способности к сопереживанию, сочувствию, эмпатии. В свою очередь, такая бесчувственность объясняет, почему они с легкостью причиняют моральную и физическую боль другим людям, не испытывая при этом каких-либо сомнений и сожалений [8]. В соответствии с этим предположением целью исследования выступило проведение сравнительного анализа способности к переживанию моральных чувств между лицами, совершившими преступления, и законопослушными гражданами.

Методы исследования

Для проведения сравнительного анализа была использована авторская методика изучения способности к переживанию моральных чувств (СПМЧ). Методика предназначена для изучения склонности к асоциальному поведению с помощью наблюдения за эмоциональной экспрессией при предъявлении стимулов морального содержания [9]. В соответствии с теоретическими основаниями методики в качестве одного из основных факторов, определяющих склонность к деструктивному поведению, рассматривается эмоциональное снижение, оскудение испытуемого, его неспособность к переживанию моральных чувств.

Стимульный материал методики представлен двумя группами фотографий:

1) фотографии отрицательного содержания на темы: алкогольная зависимость; бедность, болезнь, низкий уровень жизни; дети – жертвы насилия и деструктивного поведения взрослых; взрослые – жертвы насилия (в семье, на улице и т. д.); жестокое обращение с животными; фашизм;

2) фотографии положительного содержания на темы: детство, женская красота, радость материнства, красота животного мира.

Всего стимульный материал включает в себя 40 фотографий.

Процедура проведения методики состоит в том, что испытуемому с экрана компьютера последовательно предъявляются эти группы фотографий. От испытуемого требуется просто просмотреть их. Психолог в это время ведет наблюдение за особенностями эмоциональной экспрессии испытуемого и фиксирует результаты в карте наблюдения. По результатам наблюдения делаются выводы о силе, знаке, качественных особенностях эмоций и чувств испытуемого, их адекватности содержанию предъявляемых стимулов.

В свою очередь, карта наблюдения содержит описание параметров наблюдения и поля для их регистрации. В качестве параметров наблюдения выступают следующие эмоции и чувства испытуемого, возникающие у него во время просмотра фотографий:

1. Знак эмоций: положительный, отрицательный, нейтральный.
2. Степень выраженности эмоций: сильно или слабо.
3. Основные группы эмоций в рамках диад «удовольствие – неудовольствие», «напряженность – расслабленность» и «возбуждение – успокоение».
4. Конкретные виды эмоциональных переживаний и чувств:
 - а) радость, светлые чувства;
 - б) грусть, печаль, сострадание;
 - в) тревожное состояние, страх, испуг;
 - г) гнев, возмущение, негодование;
 - д) удивление, недоумение;
 - е) неприязнь, отвращение, презрение;
 - ж) интерес, любопытство;
 - з) скука, равнодушие;
 - и) цинизм, подчеркнутое равнодушие и пренебрежение.

Эти виды и группы эмоциональных переживаний были установлены эмпирическим путем на этапе валидации методики. Регистрация этих эмоциональных реакций осуществляется в дихотомической форме по принципу «есть реакция – нет реакции».

Выборку исследования составили:

- 1) осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России, в количестве 77 чел., из них:
 - а) осужденные за преступления насильственного характера – 54 чел.;
 - б) осужденные за преступления корыстного характера – 23 чел.;
 - 2) сотрудники уголовно-исполнительной системы – 33 чел.;
 - 3) курсанты образовательных организаций МВД России – 82 чел.
- Общий объем выборки исследования составил 192 чел.

При этом курсанты рассматривались в качестве группы нормы, сотрудники – в качестве группы риска, так как предполагалось, что постоянное профессиональное общение с осужденными, соприкосновение с «темными» сторонами жизни способно вести к эмоциональному снижению, огрубению, притуплению моральных чувств.

Сравнительный анализ между группами проводился с помощью критерия χ^2 – углового преобразования Фишера [10]. Сравнивалась частота проявления различных эмоций и чувств, наблюдаемых в группах испытуемых.

С помощью бисериального коэффициента корреляции [11] был проведен анализ связей между эмоциональными реакциями осужденных и величиной срока, который они отбыли на момент обследования. Это было сделано с целью выяснить, не являются ли особенности эмоционального реагирования осужденных производной от продолжительности их пребывания в местах лишения свободы.

Наконец, при помощи коэффициента корреляции для дихотомических шкал [11] были изучены связи между особенностями реагирования на предъявляемые стимулы и наличием или отсутствием опыта криминального поведения в биографии испытуемого.

Результаты и обсуждение

Вначале были изучены различия между группами осужденных. Предполагалось, что осужденные за преступления насильственного характера будут демонстрировать более выраженное эмоциональное снижение, чем осужденные, которые отбывают срок за преступления, не связанные с применением насилия по отношению к потерпевшим. Были получены следующие результаты (все различия значимы при $p \leq 0,01$):

1) у осужденных за преступления насильственного характера при просмотре фотографий негативного содержания чаще наблюдаются такие эмоции, как грусть, печаль и жалость. Однозначно объяснить эти различия затруднительно, но можно предположить, что они отражают запоздалое сожаление насильственных преступников о неправомерном характере совершенных ими преступлений;

2) у осужденных за преступления корыстного характера при просмотре фотографий позитивного содержания чаще наблюдаются, с одной стороны, нейтральный знак эмоций, с другой – интерес и любопытство.

По другим параметрам значимых различий выявлено не было, то есть в общей массе осужденные по своему типу реагирования на эмоционально насыщенные стимулы представляют собой довольно гомогенную группу.

При сравнении сотрудников и осужденных были получены следующие различия:

1) у сотрудников при просмотре фотографий отрицательного содержания чаще наблюдается отрицательный знак эмоций ($p \leq 0,01$), состояние неудовольствия и напряжения ($p \leq 0,01$), чувство грусти ($p \leq 0,05$);

2) у осужденных при просмотре фотографий отрицательного содержания чаще наблюдаются нейтральный характер эмоций ($p \leq 0,01$), эмоции интереса и любопытства ($p \leq 0,05$), равнодушия и скуки ($p \leq 0,01$), а также удивления ($p \leq 0,05$). Кроме того, осужденные чаще испытывали состояние возбуждения при просмотре фотографий отрицательного содержания (у сотрудников это состояние не наблюдалось);

3) у сотрудников при просмотре фотографий положительного содержания чаще наблюдались положительный знак эмоций ($p \leq 0,01$), сильная степень их выраженности ($p \leq 0,01$), состояние успокоения ($p \leq 0,01$), чувство радости ($p \leq 0,05$). Вместе с тем при просмотре этих фотографий сотрудники чаще испытывали состояние напряжения ($p \leq 0,01$);

4) у осужденных при просмотре фотографий положительного содержания чаще наблюдался нейтральный знак эмоций ($p \leq 0,01$), а также эмоции скуки и равнодушия ($p \leq 0,01$). Вместе с тем осужденные при просмотре таких фотографий чаще испытывали состояние расслабления ($p \leq 0,01$).

Таким образом, первоначальное предположение о том, что у сотрудников в силу негативного влияния факторов профессиональной деятельности может наблюдаться эмоциональное снижение, в ходе эмпирической проверки не подтвердилось. Сотрудники, по сравнению с осужденными, сохраняют способность к переживанию адекватных по силе и содержанию эмоциональных переживаний и чувств.

Наконец, при сравнении курсантов и осужденных были получены следующие результаты (все различия значимы при $p \leq 0,01$):

1) у курсантов при просмотре фотографий отрицательного содержания чаще наблюдались отрицательный знак эмоций, сильная степень их выраженности, неудовольствие и напряженность, а также такие конкретные виды эмоциональных переживаний,

как сострадание и грусть; тревожное состояние; удивление и недоумение; отвращение и презрение;

2) у осужденных при просмотре фотографий отрицательного содержания эмоции чаще носили нейтральный характер, были слабо выраженными, чаще наблюдались цинизм и пренебрежительное отношение к сюжетам;

3) у курсантов при просмотре фотографий позитивного содержания доминировал положительный знак эмоций, чаще наблюдались успокоение и радостные чувства;

4) у осужденных при просмотре фотографий позитивного содержания преобладал нейтральный, слабо выраженный характер эмоций, чаще наблюдались скука и равнодушие, цинизм и подчеркнутое пренебрежение.

Таким образом, по сравнению с курсантами осужденные также выявляют выраженные признаки эмоционального снижения и искажения.

После этого были изучены связи между особенностями эмоционального реагирования осужденных и длительностью периода отбывания наказания на момент обследования. По итогам проведенной процедуры были обнаружены только слабые и очень слабые связи. Это значит, что такая эмоциональная уплощенность является не ситуационной реакцией (например, в ответ на условия отбывания наказания), а, скорее, присуща этим лицам на уровне индивидуально-психологического склада их личности.

В завершение эмпирической части исследования были изучены корреляции между особенностями эмоциональных реакций и наличием или отсутствием опыта криминального поведения (то есть фактом лишения свободы в биографии испытуемого). По итогам проведения этой процедуры были получены следующие результаты:

1) при просмотре фотографий негативного содержания наличие опыта криминального поведения:

а) обратно коррелирует с негативным характером эмоций ($r = -0,33$ при $p \leq 0,05$) и такими конкретными видами эмоциональных переживаний, как тревога и страх ($r = -0,32$ при $p \leq 0,05$);

б) положительно коррелирует с нейтральным характером эмоций ($r = 0,31$ при $p \leq 0,05$) и слабой степенью их выраженности ($r = 0,31$ при $p \leq 0,05$);

2) при просмотре фотографий позитивного содержания наличие опыта криминального поведения обратно коррелирует с положительным характером эмоций ($r = -0,31$ при $p \leq 0,05$) и успокоением ($r = -0,43$ при $p \leq 0,05$).

Эти результаты еще раз показывают, что одним из наиболее выраженных признаков, характеризующих особенности эмоционального реагирования лиц, совершивших преступление, является нейтральный и слабо выраженный характер эмоциональных реакций в ответ на предъявление эмоционально «заряженных» стимулов морального содержания.

Выводы

Таким образом, эмоциональные переживания осужденных характеризуются следующими особенностями:

1) у лиц, совершивших преступление, отмечается снижение эмоционального отклика в ответ на предъявление стимулов морального содержания. Это проявляется нейтральным, слабо выраженным характером эмоциональных реакций и доминированием таких чувств, как равнодушие и скука, цинизм и подчеркнутое пренебрежение;

2) такие особенности не связаны с продолжительностью отбывания наказания, а являются типичным способом реагирования этих лиц в ответ на предъявление указан-

ных стимулов. Различия между лицами, совершившими насильственные и корыстные преступления, минимальны.

На основе полученных нами результатов могут быть сделаны практические выводы, заключающиеся в том, что для профилактики и коррекции риска преступного поведения необходимы корректирующие мероприятия, направленные на развитие у лиц, склонных к противоправному поведению, способности к эмпатии, переживанию моральных чувств по отношению к другим людям.

Библиографический список

1. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2001. 752 с.
2. Методические рекомендации по работе с осужденными группы риска, имеющими психические аномалии. М., 2005. 36 с.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2000. 608 с.
4. Мэй Р. Сила и невинность. М., 2012. 224 с.
5. Опыт изучения личности осужденных. М., 2004. 123 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2009. 713 с.
8. Кил Кент А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М., 2015. 319 с.
9. Распопин Е. В. Диагностика склонности к асоциальному поведению с помощью наблюдения за эмоциональной экспрессией при предъявлении стимулов морального содержания // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3(189). С. 202–212.
10. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2007. 350 с.
11. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2002. 528 с.

УДК 34-057

ПЕТР ПЕТРОВИЧ БОДЬКО,

председатель Рязанской общественной организации ветеранов,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: upip2009@yandex.ru;

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

**ЮБИЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ФОНДА СОДЕЙСТВИЯ
УКРЕПЛЕНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ,
ВЫПУСКНИКА РЯЗАНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МВД СССР
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОВЕТНИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1 КЛАССА
НИКОЛАЯ НИКИТИЧА ТРОШКИНА**

Для цитирования

Бодько, П. П. Юбилей президента Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, выпускника Рязанской высшей школы МВД СССР действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса Николая Никитича Трошкина / П. П. Бодько, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 416–418.

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути, служебной и общественной деятельности президента Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, выпускника Рязанской высшей школы МВД СССР действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса Николая Никитича Трошкина.

Ключевые слова: Николай Никитич Трошкин, Центральный комитет ВЛКСМ, Фонд содействия укреплению законности и правопорядка, Рязанская высшая школа МВД СССР, Академия ФСИН России.

© Бодько П. П., Кузнецов М. И., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Николай Никитич Трошкин родился 29 сентября 1951 г. в с. Журавлиное Октябрьского района Челябинской области в семье фронтовика Никиты Федоровича и Анны Ефимовны, лучшей доярки района. В семье воспитывались три сына и дочь. После окончания школы с 1969 по 1971 год Николай Никитич служил в рядах Вооруженных Сил СССР в соединении Ракетных войск стратегического назначения в Саратовской области. После увольнения в запас трудился электромонтером-ремонтником на челябинском предприятии оборонно-промышленного комплекса СКБ «Турбина».

С 1972 г. Николай Никитич связал свою дальнейшую жизнь с работой, учебой и службой в органах Министерства внутренних дел, куда в то время входила исправительно-трудовая система страны. Сначала работал мастером, затем воспитателем воспитательно-трудовой колонии Управления исправительно-трудовых учреждений Челябинского облсполкома.

В 1973 г. поступил в Рязанскую высшую школу МВД СССР. С первых дней обучения Н. Н. Трошкин, прошедший армейскую школу и закалившийся на работе в исправительно-трудовом учреждении, зарекомендовал себя инициативным, прилежным, дисциплинированным слушателем, был назначен командиром учебной группы, возглавил оперативный комсомольский отряд, который, благодаря совместной работе коллектива Высшей школы и правоохранительных органов региона, был признан Центральным комитетом Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ) лучшим в СССР.

В 1977 г. с отличием окончил РВШ МВД СССР, что давало ему, по правилам того времени, возможность определения места будущей службы. С выбором лейтенант Трошкин не раздумывал: Косланское управление лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР (Коми АССР, г. Микунь, учреждение КЛ-400). Службу начал в должности помощника начальника политического отдела управления по работе с комсомольцами и молодежью, а спустя год был назначен заместителем начальника политотдела.

В 1980 г. Н. Н. Трошкин был переведен на работу в ЦК ВЛКСМ на должность ответственного организатора отдела спортивной и оборонно-массовой работы. В сферу его деятельности входило взаимодействие комитетов комсомола с органами внутренних дел, отбор и направление лучших представителей молодежи на службу в различные подразделения МВД, в том числе в исправительно-трудовую систему. Комсомольские работники того времени в будущем становились руководителями кадровых подразделений и служб политико-воспитательной и культурно-массовой работы.

Работая с 1984 по 1989 год начальником политотдела 8-го Главного управления МВД СССР, а затем до 1993 г. – начальником 4-го управления 8-го Главного управления МВД СССР (с 1991 г. – МВД РФ), задачей которого являлось поддержание правопорядка на режимных предприятиях и учреждениях, Н. Н. Трошкин проявлял исключительную заботу о людях, об улучшении их службы и быта, был примером долга и чести в выполнении служебных обязанностей.

Признанием личных и организаторских заслуг Николая Никитича стало его назначение в феврале 1996 г. руководителем аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, где он проработал более шести лет.

Завершив работу в Думе, Николай Никитич сосредоточился на делах созданного им 15 мая 1990 г. Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, основными задачами которого являются помощь семьям сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей, поощрение действующих сотрудников, добившихся высоких результатов в служебной деятельности, сохранение исторической памяти о выдающихся руководителях системы МВД, преемственности поколений, пропаганда созидательного опыта правоохранительной деятельности советского периода и его применение в современных условиях. Длительное время фондом осуществляются акции по оказанию помощи воспитательным колониям, содействие осужденным, отбывшим наказание, как в трудовом, так и в бытовом устройстве.

Значительное внимание фонд уделяет оказанию адресной финансовой помощи нуждающимся: ветеранам, сотрудникам органов внутренних дел, получившим ранения при исполнении служебных обязанностей, музеям, детским домам, ветеранам уголовно-исполнительной системы. Многие годы фонд активно сотрудничает с комитетом ветеранов Академии ФСИН России. Благодаря поддержке фонда ветеранская организация имеет возможность оказывать материальную помощь ветеранам вуза. Более 140 сотрудников академии награждены именными дипломами Н. А. Щелокова и В. И. Новикова с денежной премией, учрежденной фондом. Благодаря финансовой помощи фонда учреждена Медаль памяти Героя России выпускника вуза 1985 г. полковника полиции А. М. Котиева, погибшего при исполнении служебных обязанностей. Фондом и комитетом ветеранов академии установлены семь стипендий для поощрения курсантов. При поддержке фонда издается вузовская многотиражная газета «Виват, Академия!», которая дает возможность информировать курсантов, сотрудников и выпускников академии о достижениях вуза, обсуждать проблемы и задачи, сохранять традиции учебного заведения. Газета является средством воспитательной работы и формирования корпоративной культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы. Каждый обучающийся, преподаватель, сотрудник или ветеран может разместить в ней свои статьи, заметки и комментарии.

При содействии фонда в академии открыто информационное табло «Выпускники академии на просторах России и мира», на котором отмечены страны дальнего и ближнего зарубежья, а также регионы России, где проходят службу выпускники вуза разных лет.

Фонд оказывает содействие развитию и совершенствованию постоянно действующей экспозиции истории уголовно-исполнительной системы и учебного заведения, которая активно и успешно действует в расположении образовательной организации. Ее посещают не только переменный и постоянный состав академии, но и жители и гости Рязани.

Николай Никитич – гордость нашего учебного заведения, один из выдающихся выпускников, добившийся больших высот в правоохранительной и государственной службе.

Ветераны, сотрудники, курсанты, студенты сердечно поздравляют Николая Никитича с 70-летним юбилеем и желают ему здоровья, бодрости, удачи во всем и на все времена!

SCIENCE FORUM

Yuriy Arsenovich Reent, Sc.D (History), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the department of philosophy and history, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8378-6106, e-mail: reent2@yandex.ru

THE NATURE OF THE DOMESTIC PENITENTIARY SYSTEM TRANSFORMATIONS FROM 2010 TO 2020 AND THE TRENDS OF ITS DEVELOPMENT FOR THE NEXT DECADE

Recommended citation

Reent, Yu. A. 2021, 'The nature of the domestic penitentiary system transformations from 2010 to 2020 and the trends of its development for the next decade', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 314–326, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.314-326.

Abstract. The results of the implementation of a number of Federal programs aimed at reforming the Russian penal system are summarized in the article. Chronologically, they extend from 2007 to 2020, and some provisions give an assessment of further prospects. Thus, the subject of the study is the Federal Penitentiary System, and the object of the study is the nature of the implementation of the adopted plans and concepts for its improvement. Based on this, the methodological basis of the study was made up of a dialectical method that allows us to consider these processes in constant development and interrelation. Relying on the methods of comparative legal analysis, synthesis in conjunction with the principles of historicism, structural and functional comparison allowed us to reveal the practical content of a number of aspects that were previously known mainly only from normative legal acts. The structure of the presented article includes four conditional sections. The first of them is devoted to the assessment of the implementation of the Federal target program "Development of the penal system (2007–2016)". The second section is the basic one and contains a more detailed assessment of the provisions implementation of the Concept for the Russian Penal System Development until 2020, contains assessments of a number of significant made changes. This is due to the rejection of the previously envisaged transition to prison detention of the majority of convicts. A number of discussion points identified during the discussion of emerging problems in society and the professional environment are given. But, since obvious achievements have also been achieved, the third section is highlighted precisely in order to evaluate and analyze the significant positive obtained results. In April 2018, the Federal target program "Development of the penal system (2018–2026)" was approved, and in parallel, a draft of a new Concept for the development of the penal system (for the period up to 2030) was developed. Today, the work on the project has already been completed. The assessment of the provisions made for execution is the basis of the last, fourth section, which indicates the most obvious vectors of the strategic development of the penal system for the decade ahead. The author analyzes some of the priority areas, based on their relevance, the degree of scientific development and practical novelty in the article.

Keywords: history of public administration in Russia, concepts of the penal system development, places of deprivation of liberty, criminal penalties, penitentiary reforms of the XXI century.

References

- "A" and |B| sat...', *Rossiyskaya Gazeta*, 2010, 25 August.
- Vetoshkin, S. A. 2021, 'Problems of determining the goals and objectives of the Russian penal legislation and other legal branches', *Vedomosti of the penal system*, iss. 4, pp. 18–29.
- 'Prosecutor General's Office: the situation in the colonies has improved, but the number of violations is still high', *TACC.RU*, viewed 14 January 2021, https://tass.ru/interviews/10392269?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- Geranin, V. V. 2021, 'Functioning problems of correctional centers and colonies-settlements in the system of criminal penalties', *Man: crime and punishment*, vol. 29 (1–4), iss. 1, pp. 10–26.
- 'It will be a difficult year. Interview of K. A. Chuychenko', *Russia Today*, 2020, 23 December, viewed 10 January 2021, <https://russian.rt.com/russia/article/815459-minyust-chuichenko-intervyu>.
- 'Brief description of the penal system of the Russian Federation', *FPS of Russia: official website*, viewed 3 January 2021, <https://fsin.gov.ru/statistics/>.
- Kulikov, V. 2010, 'The zone was sentenced. The prison department has approved a plan to eliminate the existing camp system', *Rossiyskaya Gazeta*, 9 March.
- 'The main results of the implementation of the Federal target program "Development of the penal system (2007-2016)"', *FPS of Russia: official website*, viewed 21 April 2021, <https://fsin.gov.ru/activity/fcp/FCP%20Razvitie%20UIS%202007-2016/>.
- Posmakov, P. N. 2013, 'Separation of the punishment system', *Nezavisimaya Gazeta*, 5 March.
- Reent, Yu. A. 2020, 'On the problem of international control over ensuring the rights of persons sentenced to imprisonment in the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 28 (1–4), iss. 3, pp. 371–378.
- Rodionov, A. V. 2017, 'Strategy for the development of penal policy in the field of labor organization of convicts', *Penal law*, vol. 12 (1–4), iss. 1, pp. 31–33.
- Organizational, legal, psychological, pedagogical and socio-economic support of the Concept of Development of the Russian penal system until 2020: current state and prospects: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Ryazan, October 27–28, 2011)* 2011, in 2 vols, vol.2, part 1, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, viewed 10 March 2012, <http://apu.fsin.su>.
- Seliverstov, V. I. 2012, 'Prisons should not be the main type of punishment', *Nezavisimaya Gazeta*, 2 October.
- Seliverstov, V. I. 2012, 'Prison phantoms', *Nezavisimaya Gazeta*, 4 December.
- Seliverstov, V. I. 2016, 'Criminal and penal policy in the field of execution of liberty deprivation: innovations of 2015', *Lex russica*, iss. 9(118), pp. 188–204.
- Trifonova, E. 2020, 'The turnover of illegal corruption schemes in the Federal Penitentiary Service reaches 5 billion rubles a year', *Nezavisimaya Gazeta*, 17 December, viewed 10 January 2021, https://www.ng.ru/politics/2020-12-17/1_8043_prison.html.
- Useev, R. 3. 2020, 'Draft Concept of the penal system development until 2030: issues of form, content and comparison with the Concept of the penal system development until 2020', *Bulletin of the Samara Law Institute of the FPS of Russia*, iss. 2(38), pp. 77–86.
- Utkin, V. A. 2012, 'Where are we going to sit', *Nezavisimaya Gazeta*, 4 December.
- "I want the Federal Penitentiary Service not to be considered as a punitive body": Aleksandr Kalashnikov on the work of the prison department', *Russia Today*, 2020. 1 December, viewed 10 January 2021, <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo>.
- Chernyshov, I. N. 2020, 'Analysis of underutilization of convicts' labor in various types of correctional institutions', *Man: crime and punishment*, vol. 28 (1–4), iss. 4, pp. 594–606.

Chorny, V. N. 2016, 'Correlation of the goals of criminal punishment and the goals of penal legislation', in *20 years of the Criminal Code of the Russian Federation: results, problems, prospects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 5–6, 2016)*, pp. 123–125, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Yuriy Miranovich Antonyan, Sc.D (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, chief researcher, Research Institute of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: antonyaa@yandex.ru

SOME FUNDAMENTAL POSSIBILITIES OF CONVICTS' CORRECTION

Recommended citation

Antonyan, Yu. M. 2021, 'Some fundamental possibilities of convicts' correction', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 327–335, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3. 327-335.

Abstract. The correction of convicts is one of the most urgent problems of penitentiary theory and practice. The article is devoted to the still poorly studied and very limited methods of correctional influence on convicts – psychotherapy (psychocorrection). The purpose of the study is to show the possibilities of psychotherapy (psychocorrection) in the fight against recidivism by influencing the subjective causes and mechanisms that have already led to the crime. The objects in the inner world of a person that stimulated criminal behavior are shown. Their explanation to the convicted person is necessary so that he understands the reasons for his actions and can control them. The definition of motives is given, the ways of their identification and influence on them in the conditions of a correctional institution are proposed. An attempt is made to prove that without educational and psychological influence on the motives of the committed crime, the correction of the criminal is impossible. Psychotherapeutic (psychocorrective) influence on convicts should become the practice of the entire correctional system.

Keywords: convicted person, correctional institution, psychotherapy (psychocorrection), motives of behavior, consciousness, individual unconscious, collective unconscious.

References

Bartol, K. 2004, *Psychology of criminal behavior*, 7th edn, Prime-Evroznak, OLMA-PRESS, St. Petersburg, Moscow.

Vilyunas, V. K. 1990, *Psychological mechanisms of human motivation*, Moscow State University, Moscow.

Kudryavtsev, V. N. 1978, *Law and behavior*, Legal literature, Moscow.

Maslow, A. 1999, *Motivation and personality*, Eurasia, St. Petersburg.

Heckhausen, H. 1986, *Motivation and activity*, Pedagogy, Moscow.

Freud, S. 1989, *Psychology of the unconscious: a collection of works*, Prosveshchenie, Moscow.

Jung, C. G. 1991, *Archetype and symbol*, Renaissance, Moscow.

Viktor Ivanovich Ignatenko, Sc.D (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kioppapu@mail.ru;

Anna Alekseevna Lebedeva, head of pedagogical practice, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.lebedeva@365.rsu.edu.ru

ANTISOCIAL LIFESTYLE AND PROBLEMS OF ITS DEFORMATION

Recommended citation

Ignatenko, V. I. & Lebedeva, A. A. 2021, 'Antisocial lifestyle and problems of its deformation', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 336–343, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.336-343.

Abstract. Very little time has passed since it was forbidden to write about any lifestyle, and even more anti-social. During the Soviet period, there was a single and "most prosperous and wealthy" socialist way of life, and all social policy was aimed at praising such a way of life. The real way of life remained unexplored. Because of this, the lifestyle turned out to be a little-known category. Nevertheless, it should be said that lifestyle is one of the most important categories that determines many life processes. Thus, the lifestyle of the population indicates the degree of well-being of the country; we can say that it is a business card of the state, characterizing the level of development of its productive forces and industrial relations. At the same time, the way of life is a rather complex and unstable category, which, when the conditions of life change, can change, deform into such a substance as produced such a way of life. In a positive substance, in the role of which the living conditions act, the lifestyle usually has a positive character, in a negative one-its character will be negative. In the latter case, the lifestyle gets a negative orientation and becomes an antisocial lifestyle. It should be emphasized that the article refers to a category that does not exist in domestic criminology, but has long been used in textbooks on criminology of foreign countries (America, Germany, Finland and other countries).

Keywords: lifestyle, antisocial lifestyle, behavior, deformation, spiritual sphere.

References

- Gvishiani, D. M. & Lapin, N. I. (eds) 1988, *A short dictionary of sociology*, Politizdat, Moscow.
- Avanesov, G. A. 2004, 'The science of criminology: accumulated experience, modern problems, development prospects', *Criminological journal*, iss. 1(6), pp. 3–9.
- Antonyan, Yu. M. 1987, *Psychological alienation of the individual and criminal behavior. Genesis and prevention of maladaptive crimes*, Hayastan, Yerevan.
- Aristotle 1983, *Essays*, in 4 vols, vol. 4, Mysl, Moscow.
- Ignatenko, V. I. 1993, *Fundamentals of antisocial lifestyle and recidivism prevention among juvenile crimes: criminological and penitentiary aspects*: PhD thesis (Law), Moscow.
- Dril', D. A. 1985, *Crime and criminals*, St. Petersburg.
- Karpets, I. I. 1973, *Punishment. Social, legal and criminological problems*, Legal literature, Moscow.
- Ignatenko, V. I. 1988, 'The fight against the antisocial lifestyle among teenagers is an important direction of juvenile delinquency prevention', in *Issues of combating crime*, iss. 47, pp. 181–182, Legal literature, Moscow.

ABROAD

Vladimir Olegovich Belonosov, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the Law Institute, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation, e-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

EXECUTION OF A SENTENCE IN THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF RUSSIA AND FRANCE

Recommended citation

Belonosov, V. O. 2021, 'Execution of a sentence in the criminal-procedural legislation of Russia and France', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 344–358, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.344-358.

Abstract. The article compares the criminal-procedural stage of a sentence execution (Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and its counterpart in the Code of Criminal Procedure of France. If the expediency of this stage in the criminal process at one time raised various questions, and now it consists of only 6 articles, then this section is 104 times more in the Criminal Procedure Code of France. It consists of 622 articles, including 416 articles of the legislative part and 206 articles of the decrees of the State Council. For the Russian readers, this fact will be of interest and they will want to know what is contained in this voluminous legislative regulation. In French law, the execution of a sentence is only a part of the enforcement proceedings, which penetrates both into other stages of the criminal process (preliminary investigation), and into other branches of law (criminal) or other branches of knowledge (penal law, operational investigative activities, criminalistics). But all the same, by their nature, these relations continue to remain precisely criminal-procedural, and therefore are contained in the Criminal Procedure Code of France. Not only the more detailed regulation of these relations, but also their truly democratic nature is interesting. As examples, the most interesting articles, which can arouse lively interest, from the point of view of the domestic law enforcement officer are presented and analyzed. Due to this approach, modern French criminal-procedural legislation is 4.7 times larger than criminal legislation in terms of its volume. And given the fact that there is no Penal Code in the country, the importance of the Criminal Procedure Code only increases. Based on the historical proximity of the roots of Russian and French criminal procedure legislation, it is concluded that it is advisable to adopt a broad understanding of enforcement proceedings in domestic criminal procedure legislation, which can not only unify it with European legislation, but also make it more detailed, democratic and increase its status.

Keywords: criminal-procedural law, the stage of a sentence execution, the Criminal Procedure Code of the Republic of France, lawmaking, legal regulation.

References

Tulyanskiy, D. V. 2006, *The stage of a sentence execution in criminal proceedings*, Urlitinform, Moscow.

Belonosov, V. O. 2017, 'Criminal-procedural legislation in 2017', *Legal Bulletin of Samara University*, vol. 3, iss. 4, pp. 100–104.

Belonosov, V. O. 2021, *Prisons in France: the aspect of delegated management*, Amirit, Samara.

Utkin, V. A. 2012, 'European rules on probation and problems of its implementation', *Bulletin of the Tomsk State University, Law*, iss. 1, pp. 45–50.

Utkin, V. A. 2016, 'About the prospects of probation in Russia', *Penal system: law, economics, management*, iss. 4, pp. 5–8.

Malikova, N. B. 2005, *Procedural norms of penal law and their functions in the execution of liberty deprivation: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Belonosov, V. O. 2020, 'On criminal-procedural law-making in modern conditions', *Legal Bulletin of Samara University*, iss. 4, pp. 67–72.

TIME LENS

Boris Zufarovich Malikov, Sc.D (Law), Professor, professor of the department of criminal law and criminology, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru

THE ESSENCE AND LEGAL BASIS OF THE USE OF FORCED LABOR

Recommended citation

Malikov, B. Z. 2021, 'The essence and legal basis of the use of forced labor', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 359–365, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.359-365.

Abstract. The relevance of the use of forced labor as an alternative to imprisonment in the mechanism of depenalization is discussed in the article. Currently, these important aspects of the criminal and penal policy of the state are evaluated at the level of a political, legal and theoretical problem in the implementation of the tasks of reducing the state's costs for the functioning of correctional institutions, reducing the number of convicts held in them, as well as increasing social labor opportunities in the process of correcting convicts. Because of this, the author makes an excursion into the history of the formation of legal and organizational prerequisites for the creation of a mechanism for alternatives to imprisonment in Russia, which have become part of the system of types of criminal penalties, alternative sanctions, institutions for mitigating punishment and exemption from serving it. Special attention is paid to the assessment of the essence and legal bases of the use of forced labor by courts, issues of improving their execution.

Keywords: criminal punishment, deprivation of liberty, forced labor, labor of convicts, restriction of freedom.

References

'Putin V. V. recalled the importance of social responsibility of business', *RIA Novosti*, viewed 24 May 2021, <https://ria.ru/20210311/biznes-1600776075.html>.

Criminal record statistics, viewed 30 May 2021, <https://pravo.ru/news/231097/>.

Correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia, viewed 23 May 2021, <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/>.

'Brief description of the penal system', *FPS of Russia: official website*, viewed 30 May 2021, <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

Kalashnikov, A. n.d., *About the organization of correctional centers for convicts sentenced to forced labor and the use of their labor at large facilities where there is not enough labor instead of migrants*, viewed 21 May 2021, https://tass.ru/obschestvo/11420747?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Russians supported the idea of employing prisoners instead of migrants, viewed 1 June 2021, <https://news.mail.ru/society/46543103/?frommail=1>.

Vitaliy Vladimirovich Geranin, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of criminal law and procedure, Branch of the S. Y. Vitte Moscow University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0251-2002, e-mail: gvvrzn@mail.ru;

Svetlana Nikolaevna Mal'tseva, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law and procedure, Branch of the S. Y. Vitte Moscow University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-9252-284X, e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

THE DEATH PENALTY IN RUSSIA: STATUS AND PROSPECTS

Recommended citation

Geranin, V. V. & Mal'tseva, S. N. 2021, 'The death penalty in Russia: status and prospects', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 366–377, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377.

Abstract. The article is devoted to modern problems and prospects of the death penalty. It consistently examines the legal, economic, social, spiritual and moral aspects of the death penalty in Russia, analyzed in the context of restoration of its full sovereignty. Upon joining the Council of Europe, Russia undertook not to apply the death penalty, and to date, the Constitutional Court of the Russian Federation considers this agreement to be the main and decisive reason for refusing to apply this punishment. The authors of the article believe that this is one of the results of the adoption of limited sovereignty, which the country was forced to accept in the 90s of the last century. The sovereignty of a State is ensured not only by its economic, political or military capabilities. No less important is the spiritual component of society. Because of this, having largely restored parity in other areas (and having achieved an advantage in the military), the time has come to recreate in Russia the spiritual and moral values that have developed in the process of the historical and cultural development of the state. One of the most important bonds uniting the Russian people is the triumph of social justice. The death penalty, applied for certain crimes (for example, for the murder of children), is perceived by society as an alternative punishment, the only one that can restore the violated social justice. Judging by the results of numerous surveys, 60-70% of the population thinks so. In case of the country's withdrawal from the Council of Europe, which is quite possible in the conditions of Russia's increasing confrontation with the collective West, all the treaties linking it with this international organization, including the ban on the death penalty, will automatically lose their legal significance. Under these conditions, relying on the opinion of the overwhelming number of the population, the political leadership of the country and its legislative body will have no choice but to return the death penalty to judicial and law enforcement practice. As a result, the legislator will have to review the legal regulation of both the grounds for the appointment and the procedure for the execution of life imprisonment, which today is perceived by many as an alternative to the death penalty.

Keywords: death penalty, moratorium, Constitutional Court of the Russian Federation, sovereignty, morality, spirituality, social justice.

References

- Kistyakovskiy, A. F. 2000, *Research on the death penalty*, Avtograf, Tula.
- Gernet, M. N. 1913, *The death penalty*, Type. Ya. Dankin and Ya. Khomutov, Moscow.
- Alekseev, S. S. 1989, 'Life is an absolute value', in S. G Kelina (ed.), *Death penalty: pros and cons*, pp. 336–338, Legal literature, Moscow.

- Karpets, I. I. 1989, 'Good or evil?', in S. G Kelina (ed.), *Death penalty: pros and cons*, pp. 350–366, Legal literature, Moscow.
- Kelina, S. G. 1989, *When the state kills: the death penalty against human rights*, Progress, Moscow.
- Mikhlin, A. S. 1998, 'The death penalty – should it be in Russia?', *Journal of Russian Law*, iss. 10-11, pp. 138–147.
- Vitsin, S. E. 1999, 'Is the time to execute in Russia over?', *Russian justice*, iss. 3, pp. 10–12.
- Mal'ko, A. V. & Zhil'tsov, S. V. 2016, *The death penalty in Russia*, Moscow.
- Pobegaylo, E. F. 2017, *The problem of the death penalty in the light of the criminological situation in Russia*, St. Petersburg.
- Is the death penalty necessary in Russia? Results of the survey of IA Regnum*, February 3, 2020, viewed 23 June 2021, <https://regnum.ru/news/society/2844498.html>.
- Kuznetsova, N. F. & Tyazhkova, I. M. (eds) 2002, *Criminal Law Course*, in 5 vols, vol. 2, *General part, The doctrine of punishment*, Zercalo, Moscow.
- Korobeev, A. I. 2016, 'The death penalty: the expediency of preserving', *Lex Russica*, iss. 7(116), pp. 190–198.
- Kizilov, A. Yu. 2016, 'The death penalty as a kind of monopoly on violence', *Lex Russica*, iss. 12(121), pp. 79–94.
- FCS of Russia: data on Russian exports and imports for January-November 2020*, viewed 23 June 2021, <https://customs.gov.ru/press/federal/document/263604>.
- Statement of the Russian Foreign Ministry in connection with the Russian response to the next EU sanctions decisions of April 30, 2021*, viewed 23 June 2021, https://www.mid.ru/web/guest/maps/ee/-/asset_publisher/mo1LgblkJbRf/content/id/4719537.
- 'Lavrov said he was ready to break off relations with the European Union' 2021, *RIA Novosti*, 12 February, viewed 23 June 2021, <https://ria.ru/20210212/lavrov-1597157215.html>.
- Dvoret'skiy, M. Yu. & Anapol'skaya, A. I. 2019, 'Death penalty: pros and cons', *Penitentiary science*, iss. 4, pp. 497–502.
- Struchkov, N. A. 1978, *Criminal liability and its implementation in the fight against crime*, Saratov University Press, Saratov.
- 'The ECHR ordered Russia to legalize same-sex unions' 2021, *Kommersant*, July 13. Viewed 13 July 2021, <https://www.kommersant.ru/doc/4899483>.
- Ovchinnikov, A. I. 2016, 'Legal formalization of the concept of "public morality"', *Philosophy of law*, iss. 6(79), pp. 100–105.
- All-Russian Center for the Study of Public Opinion. Great Lent. Analytical review*, viewed 3 July 2021, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.
- Voz'mitel', A. A. 2016, 'Social inequality and its risks in Soviet and post-Soviet Russia', *Power*, iss. 8, pp. 6–15.
- Solov'eva, O. O. 2019, 'Russia was among the world leaders in inequality', *Economics*, iss. 12, pp. 3–5.
- Grechikhin, G. V. 2020, 'Problems of social justice and inequality in modern Russian society', *Theory and practice of social development*, iss. 5(147), pp. 14–17.
- Naumov, A. V. 1996, *Russian criminal law*, General part, BEK, Moscow.
- Korobeev, A. I. (ed.) 1999, *Russian criminal law*, in 8 vols, vol. II, Vladivostok.
- The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling* 2017, Jurisprudence, Moscow.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Talyat Alievich Suleymanov, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru;

Vasilii Vasil'evich Fomin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

OVERCOMING COUNTERACTION TO THE INVESTIGATION OF ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Suleymanov, T. A. & Fomin, V. V. 2021, 'Overcoming counteraction to the investigation of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 378–384, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.378-384.

Abstract. The article is devoted to the issues related to overcoming counteraction to the investigation of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions. Tactical recommendations for neutralizing the activities of convicts who oppose the investigation of a criminal case are presented. The choice of a way to overcome the counteraction is an integral part of the tactical recommendations for the investigation of a criminal case. Criminal groups that carry out illegal drug trafficking in correctional institutions are characterized by organization and the presence of criminal experience. When establishing the fact of countering the investigation, prompt support of the criminal case is required. The problem of countering the investigation of a crime can be solved using a set of organizational, legal, operational and forensic measures in combination with ensuring the safety of participants in the criminal process.

Keywords: tactical recommendations and techniques, illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, correctional institution, counteraction to the investigation, features of the production of investigative actions in a correctional institution.

References

Gryazeva, N. V. & Morozov, R. M. 2017, *Features of the initial stage of investigation of escapes from correctional institutions*, VILE of the FPS of Russia, Vologda.

Ishchenko, V. A. 2007, *Countering the preliminary investigation in places of deprivation of liberty and the main directions of its neutralization: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Golovina, E. V. 2018, 'Countering the preliminary investigation and judicial proceedings in criminal cases: the development of the concept', *Bulletin of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, iss. 1(84), pp. 21–35.

Slavgorodskaya, O. A. 2019, 'On the question of the reliability of the witness's testimony', *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant, Series Humanities and social sciences*, iss. 1, pp. 20–25.

Chistova, L. E. 2017, 'Getting perfect information about crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances', *Bulletin of economic security*, iss. 1, pp. 141–148.

Titov, S. M. 2012, 'Countering the investigation of criminal cases and its correlation with the constitutional right to defense in criminal proceedings', in *Actual problems of operational-investigative and administrative activities of internal affairs bodies: collection of scientific articles*, pp. 114–119, Moscow Regional Branch of the Moscow University of the MIA of Russia, Ruza..

Sergey Aleksandrovich Khokhrin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal law at the Institute of Training of State and Municipal Employees, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-0900-1195, e-mail: hohrinsa@yandex.ru

GENERAL CHARACTERISTICS OF CRIMINALITY AMONG EMPLOYEES OF SECURITY DEPARTMENTS (REGIME AND SUPERVISION) OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PRE-TRIAL DETENTION CENTERS OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Khokhrin, S. A. 2021, 'General characteristics of criminality among employees of security departments (regime and supervision) of correctional institutions and pre-trial detention centers of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 385–395, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.385-395.

Abstract. One of the forms of crimes prevention committed by employees of the security (regime and supervision) departments of correctional institutions and pre-trial detention centers is to study its general characteristics. Criminological characteristics of the crime committed by employees of security departments (regime and supervision) allow us to develop a set of measures aimed at preventing it. This criminological and criminal-legal characteristics of the employees' crime of security departments (regime and supervision) as one of the main departments of correctional institutions and pre-trial detention centers, the peculiarities of the structure of crimes committed by these employees are discussed in the article. For this purpose, the analysis of criminological and criminal-legal characteristics of crimes committed by employees of the security departments (regime and supervision) of correctional institutions and pre-trial detention centers was carried out. The conclusions and assessments are based on a scientific analysis of: information on the state of legality among employees of the penal system of the Russian Federation (form FPS-7) for 2016–2020; information from the portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia on the state of the Russian penal system; statistical data of the Investigative Department of the MIA of Russia; analysis of the submitted materials from the territorial bodies of the FPS of Russia in the Trans-Baikal Territory, Voronezh, Vologda, Volgograd, Vladimir, Ivanovo, Irkutsk, Magadan, Nizhny Novgorod, Sakhalin, Tambov, Tver, Tula, Tomsk, Tyumen, Yaroslavl Region, Kemerovo region – Kuzbass; the results of their own and other criminological studies devoted to the analysis of the state of crime in Russia and its regions; analytical reports and reviews on the subject under consideration, including those posted on the official websites of research centers on the Internet. Based on the analysis of statistical data, a forecast is made about the short-term dynamic indicators and the state of crime among employees of the security departments (regime and supervision) at correctional institutions. Such general scientific research methods as: generalization, analysis and synthesis, concretization were used in the article. Empirical research methods – comparison, description. The author believes that the increase in the number of crimes committed by employees of the security departments (regime and supervision) may be due to the deterioration of the criminal situation in correctional institutions, as well as to the increase of convicts' criminal activity.

Keywords: employees of security departments (regime and supervision), criminology, crime, penitentiary crime, criminal and legal characteristics.

References

- Stukanov, A. P. 2001, *Kresty. History of escapes*, Law Center Press, St. Petersburg.
- Frolov, E. A. 1971, *The object of criminal law security (regime and supervision) and its role in organization of fight against encroachments on socialist property: PhD thesis (Law)*, Sverdlovsk.
- Piontkovskiy, A. A., Romashkin, P. S. & Chkhikvadze, V. M. (eds) 1970, *The course of Soviet criminal law*, in 6 vols, vol. 4, V. D. Men'shagin, A. A. Piontkovskiy, *Special part: State crimes and crimes against socialist property*, Science, Moscow.
- Nikolaeva, Z. A. 1986, *Criminal-legal protection of health, honor and dignity of persons participating in the protection of public order: PhD thesis (Law)*, Sverdlovsk.
- Korzhanskiy, N. I. 1976, *The object of encroachment and the qualification of crimes*, Research and Editorial and Publishing Department Higher Investigative School of the MIA of the USSR, Volgograd.
- Pickett, J.T. & Baker, T. 2017, 'Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions', *Journal of Experimental Criminology*, vol. 13, iss. 2.
- Borisov, O. A. 1996, *The relationship between the object and the motive of the crime: PhD thesis (Law)*, Volgograd.
- Antipov, V. I. 1986, 'Establishment of the main object in the composition of multi-object crimes', in *Problems of further strengthening of the socialist legality in the activities of the internal affairs bodies*, pp. 26–30, Higher Investigative School of the MIA of the USSR, Kiev.
- Ishchenko, E. P. & Belov, O. A. 2013, *Investigation of crimes committed in the bodies and institutions of the penal system: a practical guide for investigators, law enforcement investigators and operational officers of the penal system*, Urlitinform, Moscow.

Natal'ya Sergeevna Derenova, senior teacher-methodologist of the department of methodological support of the educational process of the educational department, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: nata-derenova2008@yandex.ru

ON THE SYSTEMATIZATION OF MEASURES TO COUNTERACT CRIMES COMMITTED BY DRUG ADDICTS

Recommended citation

Derenova, N. S. 2021, 'On the systematization of measures to counteract crimes committed by drug addicts', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 396–399, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.396-399.

Abstract. The article provides an analysis of the current legislation and the practice of its application in relation to people with drug addiction. The author speaks about the use of mandatory treatment, the means to ensure it. The relevant norms of administrative, criminal, and penal legislation are given. Based on examples from the history of national legislation, the practice of individual foreign states, proposals for improving legislation and organizing its implementation are presented.

Keywords: drug addict, prevention, recidivism, crimes.

References

Efremova, T. E. 2000, *A new dictionary of the Russian language*. Explanatory and word-forming, Russian language, Moscow.

Kononets, A. S. & Trifonov, O. I. 2009, 'Problems of mandatory treatment implementation of drug addicts in institutions of the penal system', *Drug control*, iss. 1, pp. 18–21.

Yakovlev, A. A. 2020, 'Application of criminal law measures for the treatment of socially significant diseases: the right or duty of the court', *Penitentiary science*, iss. 2, pp. 211–217.

Grishko, A. Ya. 1993, *Legal and criminological problems of social rehabilitation of chronic alcoholics and drug addicts: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Anastasiya Nikolaevna Yusupova, leading specialist of the food supply department of the logistics support department, FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: makuha1987@yandex.ru

ABOUT THE PLACE OF MATERIAL AND HOUSEHOLD SUPPORT IN THE CORRECTIONAL PROCESS OF CONVICTS

Recommended citation

Yusupova, A. N. 2021, 'About the place of material and household support in the correctional process of convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 400–403, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.400-403.

Abstract. When determining the place of material and household support in the correctional process, it is necessary to proceed primarily from the essential side of the punishment in the form of deprivation of liberty. The latter is expressed mainly in the regime of serving a sentence, where a set of prohibitions and restrictions is decisive. A systematic interpretation of the concept of "material and household support" and the main means of convicts' correction allows us to come to the conclusion that this type of support creates material and living conditions for the use of other means of correction. The author suggests fixing this conclusion in one of the norms of the penal legislation.

Keywords: deprivation of liberty, legitimate interest, implementation, punishment, rights, regime.

References

- Antonyan, Yu. M. 2015, *The science of criminology*, Urlitinform, Moscow.
- Grishko, A. Ya. & Rybakov, V. V. 2007, *Property and non-property rights of persons serving a prison sentence*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
- Antonyan, Yu. M. 2014, 'Material and living conditions as an element of convicts' correction', *Russian investigator*, iss. 10, pp. 40–44.
- Kul'kin, V. V. 2009, 'The life of convicts in places of deprivation of liberty: the concept, content, features', *Vector of science of Togliatti State University*, iss. 5(8), pp. 58–63.
- 'Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020' 2021, *Rossiyskaya Gazeta*, 1 April, viewed 26 April 2021, <https://rg.ru/2021/04/01/tatiana-moskalkova-predstavila-prezidentu-ezhegodnyj-doklad-po-pravam-cheloveka.html>.
- Pertli, L. F. 2006, *Legal regulation of material and household support of convicts in the institutions of the Russian penal system of: PhD thesis (Law)*, Moscow.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Oleg Gennad'evich Kovalev, Sc.D (Law), PhD (Psychology), Professor, professor of the department of regime organization and operational investigative activities in the penal system, Pskov Branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov, Russian Federation, ORCID 0000-0002-07869-14925, e-mail: okovalev66@gmail.com;

Ol'ga Nikolaevna Mazeina, PhD (Psychology), head of the faculty of law enforcement activity, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: olly1309@yandex.ru

RUSSIAN-SWISS PROJECT IN THE FIELD OF PENITENTIARY SOCIAL WORK: EXPERIENCE OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Kovalev, O. G. & Mazeina, O. N. 2021, 'Corrupt behavior of law enforcement officers as a type of addictive behavior', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 404–408, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.404-408.

Abstract. The issues of corrupt behavior among civil servants, in particular law enforcement officers, have been considered for many decades at all levels of government and remain relevant to this day. In the scientific literature, the problems of corruption are reflected in law, economics, philosophy, sociology, psychology and other branches of scientific knowledge. In the article the authors consider the phenomenon of corruption in law enforcement agencies. Employees of law enforcement agencies, endowed with authority and trusted rights on the part of citizens, often succumb to provocations of a corrupt nature, as well as provoke such acts themselves. The authors analyze the features of professional activity that contribute to the commission of corruption offenses by employees, the main causes, motives for their commission, mechanisms of occurrence, as well as personality characteristics that lead to destructive behavior. The main content of the article is aimed at the authors' consideration of corruption behavior as a type of addictive behavior, the essence of which is contained in the signs of various types of addictions in a corruption addict, such as: personal interest in situations related to corruption manifestations, the need to relive the emotions experienced earlier, obtained during the implementation of corrupt actions, provocation of risky actions to meet the existing need, etc.

Keywords: corruption, the phenomenon of corruption, corruption behavior, corruption misconduct, corruption addiction, addiction, addictive behavior, corruption consciousness, corruption pressure, corruption act.

References

Borisova, S. E. 2007, 'Psychological features of the criminal's personality', *Legal psychology*, iss. 3, pp. 26–32.

Vannovskaya, O. V. 2009, 'Personal determinants of corrupt behavior', *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, iss. 102, pp. 323–328.

Gavrina, E. E. 2010, 'Corruption through the eyes of Russian youth', *Applied legal psychology*, iss. 2, pp. 83–90.

Zhuravlev, A. L. & Yurevich, A. V. 2012, 'Psychological factors of corruption', *Applied legal psychology*, iss. 1, pp. 8–21.

Ivanova, S. I. 2012, 'The ontological meaning of the phenomenon of human alienation in world philosophy', *Modern problems of science and education*, iss. 6, viewed 8 January 2021, [www.science-education.ru /106-7321](http://www.science-education.ru/106-7321).

Mendelevich, V. D. 2006, *Guide to addictology*, Rech, St. Petersburg.

Nikolaev, A. V. 2012, 'Corruption dependence of representatives of the law enforcement sphere as a type of social addiction', *Discussion, Journal of scientific publications*, iss. 3(21), pp. 25–29.

Okhapkin, S. V. 2019, 'The anti-corruption position of a cadet of an educational organization of the Federal Penitentiary Service as a pedagogical category', *Applied legal psychology*, iss. 2(47), pp. 111–118.

Panarin, D. A. & Parshkov, A. V. 2017, 'On the question of the origins and nature of understanding corruption in the public service system', *Applied legal psychology*, iss. 2(39), pp. 109–114.

Dauling, S. (ed.) 2000, *Psychology and treatment of dependent behavior*, Klass, Moscow.

Smirnov, A. V. 2014, 'Corruption as a multifactorial phenomenon', *Pedagogical education in Russia*, iss. 10, pp. 47–54.

Smirnov, A. V. 2014, *Psychology of addictive behavior*, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg.

Evgeniy Vladimirovich Raspopin, PhD (Psychology), associate professor of the department of psychology of professional activity and pedagogy, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID 0000-0002-9404-2054, e-mail: ev73@mail.ru;

Valeriya Rafael'evna Yachmeneva, psychologist of the department for work with personnel, Inter-municipal department of the MIA of Russia "Novolyalinsky", Novaya Lyalya, Russian Federation, e-mail: kseenity@gmail.com

THE STUDY OF THE ABILITY TO EXPERIENCE MORAL FEELINGS AMONG PERSONS WHO HAVE COMMITTED A CRIME

Recommended citation

Raspopin, E. V. & Yachmeneva, V. R. 2021, 'The study of the ability to experience moral feelings among persons who have committed a crime', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 409–415, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.409-415.

Abstract. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of the ability to experience moral feelings between persons who have committed crimes and law-abiding citizens. To conduct the research, the author's method of studying the ability to experience moral feelings was used. The method is designed to assess the propensity to antisocial, destructive behavior by observing emotional expression when presenting emotionally saturated stimuli of moral content. The sample of the study was made up of convicts serving sentences in correctional institutions of the FPS of Russia, employees of the penal system and students of higher educational institutions. According to the results of the study, there were conclusions according to which persons, who have committed a crime, have a decrease in emotional response in response to the presentation of moral stimuli. This is manifested by the neutral, weakly expressed nature of emotional reactions and the dominance of such feelings as indifference, cynicism, disregard for the feelings and experiences of other people. Moreover, these features are not related to the duration of serving a sentence, but are a typical way of reaction of these persons in response to the presentation of such incentives. The obtained results indicate that one of the important directions in the field of prevention and correction of criminal behavior is the development of the ability to empathy, experience moral feelings towards other people.

Keywords: moral feelings, criminal behavior, criminals, law-abiding citizens, observation, comparative analysis.

References

- Myers, D. 2001, *Social psychology*, St. Petersburg.
- Methodological recommendations for work with convicts of the "risk group" who have mental anomalies* 2005, Moscow.
- Hjelle, L. & Ziegler, D. 2000, *Theories of personality*, St. Petersburg.
- May, R. 2012, *Strength and innocence*, Moscow.
- Experience of studying the personality of convicts 2004, Moscow.
- Frankl, V. 1990, *A man in search of meaning*, Moscow.
- Rubinshteyn, S. L. 2009, *Fundamentals of general psychology*, St. Petersburg.
- Kiehl Kent, A. 2015, *Psychopaths. A reliable story about people without pity, conscience and remorse*, Moscow.

Raspopin, E. V. 2019, 'Diagnosis of propensity to antisocial behavior by observing emotional expression when presenting moral stimuli', *Izvestia of the Ural Federal University, Series 1 Problems of Education, Science and Culture*, vol. 25, iss. 3(189), pp. 202–212.

Sidorenko, E. V. 2007, *Methods of mathematical processing in psychology*, St. Petersburg.

Burlachuk, L. F. & Morozov, S. M. 2002, *Dictionary-reference book on psychodiagnostics*, St. Petersburg.

PERSONALIA

ANNIVERSARY PRESIDENT OF THE FOUNDATION FOR ASSISTANCE TO STRENGTHENING LAW AND ORDER, HONORED LAWYER OF THE RUSSIAN FEDERATION, HONORED PROFESSOR OF THE ACADEMY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA, GRADUATE OF THE RYAZAN HIGHER SCHOOL OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR, ACTIVE STATE 1ST CLASS ADVISOR OF THE RUSSIAN FEDERATION NIKOLAY NIKITICH TROSHKIN

Recommended citation

Bod'ko, P. P. & Kuznetsov, M. I. 2021, 'Anniversary President of the Foundation for Assistance to Strengthening Law and Order, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, graduate of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Active State 1st class Advisor of the Russian Federation Nikolay Nikitich Troshkin', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 3, pp. 416–418.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 04.10.2021. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 7,9. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

9 771999 991006

21293

